

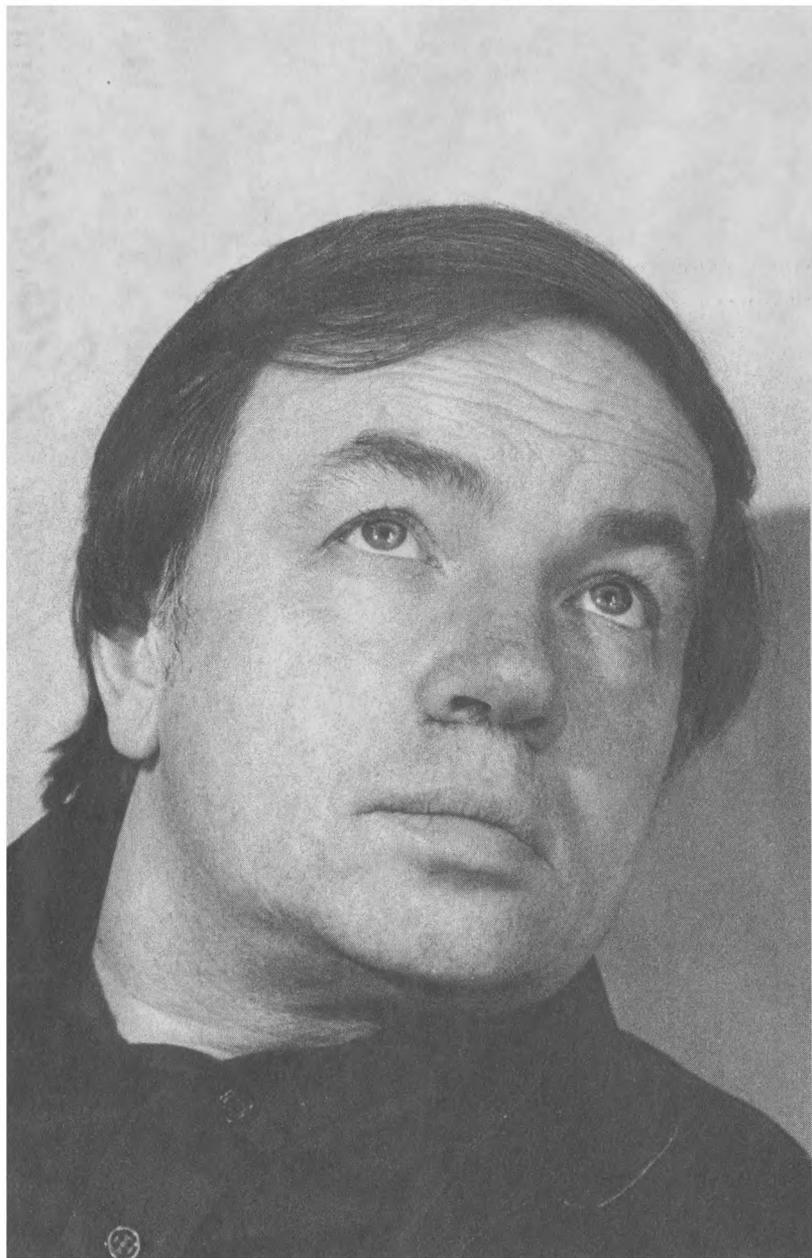
Андрей Вознесенский

4

Андрей
Вознесенский

Купцы: Бузнецовы.

Собрание сочинений
в пяти томах

том четвертый

**Андрей
Вознесенский**

ЧЕРТОПОЛОХ ЧЕТВЕРОНОГИЙ

ВАГРИУС
Москва 2002

УДК 882-14
ББК 84Р7
В 64

Федеральная программа книгоиздания России

Охраняется законом РФ об авторском праве

ISBN 5-264-00547-8

ISBN 5-264-00551-6 (Т.4)

© Издательство «ВАГРИУС», 2002

© А.Вознесенский, автор, 2002

© К.Заев, дизайн, 2002

Письма из «Желтого дома»

Нас дурацкое счастье минует.
Нас минуют печаль и беда.
Неужели настанет минута,
когда я не увижу Тебя?

И неважно, что, брошенный в жижу
мирового слепого дождя,
больше я никого не увижу.
Страшно, что не увижу Тебя.

Вдоль моря

На закате бегу между пляжем и морем,
что барашками кажется мухомором,
мимо пляжей, которые кажутся жизнью,
мимо жизни, которая кажется пляжем,
мимо моря, которое кажется смертью,
мимо смерти, которая кажется жизнью,

пляж, который казался десяткой червов,
загорев, оказался пиковой масти,
мимо горя, которое кажется счастьем,
мимо счастья, которого, кажется, нету,
мимо розы, которая кажется чайной,
только пахнет вином, унесенным из чайной,
мимо тайны, которая кажется дурой,
мимо дуры, которая кажется тайной,
мимо тайны, которая кажется тенью,
мимо тени, оказывающейся светом,

пробегаю по кругу, что кажется волей,
меж ворами, которые, кажется, в «вольво»,
меж собакой и волком, что кажется другом,
между дружбой, которая кажется цепью,
мимо церкви, которая кажется Богом,
мимо Бога, оказывающегося церковью,
мимо молний, которые кажутся чайкой,
мимо чайки, что вскоре окажется МХАТом,
мимо молний с копьём, как святой Егорий,
мимо моря, тебя растворившего моря,

полюбила, а кажется, посмеялась,
время — секс, что кажется безопасным,
пронеслась — а кажется, что навеки,
навсегда — а кажется, что напрасно.

Шаланда желаний

9 Письма

из «Желтого дома»

Шаланда уходит. С шаландой неладно.
Шаланда желаний кричит в одиночестве.
Послушайте зов сумасшедшей шаланды,
шаланды — шаландышаландышаландыша —
л а н д ы ш а хочется!

А может, с кормы прокричала челночица?
А может, баржа недолбанной бандерши?
Нам ландыша хочется! Ландыша хочется!
Как страшно качаться под всею командой!
В трансляции вандала, вандала, вандала
«Лаванда» лавандалаванда не кончится.

А море, вчерашнее рашен, дышало,
кидало до берега пачки цветочные.
И все писсуары Марсея Дюшана
белели талантливо. Но не точно.

И в этом весь смысл королев и шалавы
последней, пронзающий до позвоночника,
и шепот моей сумасшедшей шаланды,
что я не услышал:
«Л а н д ы ш а хочется...»

Проплыву, продышу, проживу брассом.
Проплыву, проживу, пролюблю кролем.
Под моей треугольной рукой — мордой,
словно конь под дугой, вырывается море.

Я люблю тебя, море, за то, что ты есть море.
Лишь завяжу тебя, сразу хочется снять шмотки.
Мы любовники, море. Встречаемся мы голыми.
Как в любовь или смерть. Мне милее любовь, море.

Заплываю в зеленую страсть с мола.
Миром правит amouge. А иначе берут Смольный.
«Nevermore» — над Венерой кричит ворон.
«More еще, еще more» — отвечает мое море.

То ты — Моцарт, а то корабли мочишь.
Я к тебе прилечу — в меня бросишь сервиз, Мойра!
Кто позволил тебя у России отнять, море?
Ты из нашего мора, вздохнув, эмигрируешь, море.

Проживу, прохриплю, продышу смогом.
Смою хлоркой московской из пор твой запах.
Мое сердцебиенье кому ты отдашь завтра?
Я люблю тебя, море, за то, что ты есть Море.

А ты меня помнишь?

11 Письма

из «Желтого дома»

Ты мне прозвонилась сквозь страшную полночь:
«А ты меня помнишь?»

Ну, как позабыть тебя, ангел-звереныш?
«А ты меня помнишь?» —
твой голос настаивал, стонуц и тонуц —
А ты меня помнишь? а ты меня помнишь?
и ухало эхо во тьме телефониц —
рыдало по-русски, in English, in Polish —
you promise? astonish... а ты меня помнишь?

А ты меня помнишь, дорога до Бронниц?
И нос твой, напудренный утренним пончиком?
В ночном самолете отстегнуты помочи —
вы, кресла, нас помните?

Понять, обмануться, окликнуть по имени:
А ты меня...
Помнишь? Как скорая помощь,
в беспмятном веке запомни одно лишь —
«А ты меня помнишь?»

Теряю голос

1

Голос теряю. Теперь не про нас
Гостелерадио.
Врач мой испуган. Ликует Парнас —
голос теряю.

Люди не слышат заветнейших строк,
просят, садисты!
Голос, как вор на заслуженный срок,
садится.

В праве на голос отказано мне.
Бьют по колесам,
чтоб хоть один в голосистой стране
был безголосым.

Воет стыдоба. Взрывается кейс.
Я — телеящик
с хором из критиков и критикесс,
слух потерявших.

Веру наивную не верну.
Жизнь раскололась.
Ржет вся страна, потеряв всю страну.
Я ж — только голос...

Разве вернуть с мировых сквозняков
холодом арники
голос, украденный тьмой Лужников
и холлом Карнеги?!

Мной терапевтов замучена рать.
Жру карамели.
Вам повезло. Вам не страшно терять.
Вы не имели.

В Бюро находок длится дележ
острых сокровищ.
Где ты потерянное найдешь?
Там же, где совесть.

Для миллионов я стал тишиной
материальной.
Я свою душу — единственный мой
голос теряю.

2

Все мы простуженные теперь.
Сбивши портьеры,
свищет в мозгах наших ветер потерь!
Время потери.

Хватит, товарищ, нить, идиот!
Вытащи кодак.
Ты потеряешь — кто-то найдет.
Время находок.

Где кандидат потерял голоса?
В компре кассеты?..
Жизнь моя — белая
еще не выпущенной

Го , горе!
Р ую,
м м
ос те ю!

3

...Ради Тебя, ради в темном ряду
белого платья
руки безмолвные разведу
жестом распятыя.

И остроумный новоосел —
кейс из винила —
скажет: «Артист! Сам руками развел.
Мол, извинился».

Не для его музыкальных частот,
не на весь глобус,
новый мой голос беззвучно поет —
внутренний голос.

Жест бессловесный, безмолвный мой крик
слышат не уши.
У кого есть они — напрямик
слушают души.

Немая

К машине подошла немая,
где поворот на монастырь.
Не денег — время было мало.
И я стекло не опустил.

Немая что-то понимала
и усмехнулась в беспредел.
И что-то в жизни поменяла.
Теперь, когда я онемел,

я столько раз припоминаю,
как мне — и жалостно, и зло —
жестикულიрует немая
сквозь безразличное стекло.

Храм

На сердце хмара.
В век безвременья
мы не построили своего храма.
Мы все — римейки.

Мы возвели, что взорвали хамы.
Нас небеса еще не простили —
мы не построили своего храма.
В нас нету стилия.

Мышки-норушки,
не сеем сами.
Красой нарышкинской, душой нарушенной,
чужими молимся словесами.

Тишь в нашей заводи.
Но скажем прямо —
создал же Гауди молитву-ауди.
Но мы не создали с в о е г о храма.

Не в форме порно.
Но даже в сердце
мы не построили нерукотворной
домашней церкви.

Бог нас не видит.
И оттого
все наши драмы —
мы не построили своего
храма.

Помилуй, Господи...

Отпевали Детонатовича в закрытом гробу.
Как пантера сидит телекамера у оператора на горбу.

Последнюю хохмой чертовой печала иконостас,
Мария повязку черную повязала ему на глаз.
Пиратские череп и кости прикрыли зрачок его...

Упокой душу, Господи, усопшего раба Твоего.

А он отплывал пиратствовать в воды, где ждет Харон.
Сатана или Санта-Мария встретят его паром?
Изящные череп и кости, скрещенные внизу,
как фото на будущий паспорт, лежат на его глазу.

Стилист? хулиган? двурушник?
Гроб пуст. В нем нет никого.

Упокой, Господи, душу оставшего шута Твоего.

Спасли меня в «Новом мире» когда-то, пират пера.
А вдруг и тогда схохмили? все это теперь мура.
Земли переделкинской горсточку брошу на гроб его.

Упокой душу, Господи, духовного бомжа Твоего.

Вы выпили жизни чашу, полную денатурата.
Литература частная, вздохни по Андрею Фанатовичу.
Успокой, Господь, нашу агрессию,
гордынь мою успокой,
успокой страну нашу грешную, не брось ее в час такой!

Время шутить не любит. Шутник, уйдя, подмигнул.
А вдруг не ошибся Лютер, что Богу милей богохул?

Упокой душу, Господи, усопшего Абрама Твоего.

Греховничая, кусошничая, хранит в себе божество
интеллигенции горсточка, оставшаяся в живых...

Упокой души, Господи, неусопших рабов Твоих.

Париж. Сергеево Подворье. 14.03.97.

Вот и сгорел вроде спутников,
кровушки нашей отведав,
век гениальных преступников
и гениальных поэтов.

Вдову великого поэта
берут враги.
Стекает зависть по заветной
по лунной стороне ноги.

Нет, ты ему не изменила.
С подушки в темноту зеркал
ты прошептала его имя.
Но он тебя не услышал.

Словно гоголевский шнобель,
над страной летает Мобель.

Говорит пророк с оглобель:
«Это Мобель, Мобель, Мобель
всем транслирует, дебил,
как он Дудаева убил.
Я читал в одной из книг —
Мобель дик».

— А Мадонна из Зарядья
тройню черных родила.
«Дистанционное зачатье» —
утверждает. Ну, дела!

Ну Мобель, погоди...

Покупаю модный блейзер.
Восемь кнопочек на нем.
Нажму кнопку — кто-то трезвый
говорит во мне: *«Прием.*
Абонент не отвечает или временно недоступен
звону злата. И мысли, и дела он знает наперед...»
Кто мой Мобель наберет?

Секс летит на нас отдельно,
жизни смысл отстал от денег.
Мы — отвязанные люди,
без иллюзий.

Мобеля лауреаты
проникают Банку в код.
С толстым слоем шоколада
Марс краснеет и плывет.

Ты теперь дама с собачкой —
ляжет на спину с тоски,

чтоб потрогала ты пальчиком
в животе ее соски.

*Если разговариваешь более получаса, —
рискнешь получить удар самонаводящейся ракетой.*

- Опасайтесь связи сотовой.
- Особенно двухсотой.
- Налей без содовой.

Даже в ванной — связи, связи,
запредельный разговор,
словно гул в китайской вазе,
что важнее, чем фарфор.

Гений Мобеля создал.
Мобель гения сожрал.
Он мозгов привносит рак.
Кто без мозгов — тот не дурак.

«Мо», — сказал Екклезиаст.
Но звенят мои штаны:
«Капитализм — это несоветская власть
плюс мобелизация всей страны».

Черный мебель, черный мебель
над моею головой,
нового сознания модуль,
черный мебель, я не твой!

— Не сдадим Москву французу!
— В наших грязях вязнет «оппель».
Как повязочка Кутузова,
в небесах летает мебель
МОБЕЛЬМОБЕЛЬМОБЕЛЬМО-БЕЛЬМО...

Слепы мы.
Слепо время само.

Был бы у Татьяны мебель,
то Онегину бы, кобелю,
не писала бы письмо.

Вы застали меня живым —
не на свалке, не на пьедестале.
Когда все вы трупами стали,
вы застали меня земным.

Передача идет живьем,
передача наследства миром,
биополем, живым эфиром —
что мы думаем, как поем.

Я вернусь в Твой край дождевой,
дверь открою в сруб берестяный —
я живую Тебя застану.
Как потрясно, что я живой!

На лугу меж двух озер
вне обзора от шоссе,
как катается ковер,
мы купаемся в росе.
Ледяные одуванчики,
исхлеставши плечи все,
ароматом обдавайте!
Мы купаемся в росе.
Все грехи поискшали,
окрещенные в красе,
не в людских слезах — в купавиных,
брось врачей! Купнись в росе!
Принимай росные ванны!
Никакого ОРЗ.
Как шурупчик высоты,
дует шершень от шоссе —
где тут ты? и где цветы?
он ворчит: «Ля фам шерше...»
Милые, нас не скосили!
Равны ежику, осе,
мы купаемся в России,
мы купаемся в росе.

Полосатый, словно зебра —
ну и сервис! — след любви.
Ты в росе, в росе, в росевросевросево — серва
ландыша не раздави!..

Как приятно на веранде
пить холодное «rosé»...
Вы купайтесь в бриллиантах!
Мы купаемся в росе.

Черемуха благоуханна

Черемуха благоуханна.
Повсюду пенятся фужеры.
Не проверяйте мне дыхания,
хмельные милиционеры!

Замёрзшие, как богдыханы,
лягухи певчие стесняются.
Черемуха благоуханна.
Белеет крестик христианства.

Сказав печалю: «Гоу хоум»,
закатим, милая, в Суханово.
Альтернативою плохому
черемуха благоуханна.

Не знаю, как сказать по-русски...
Но ухами или ухами
слыхать: ты в уханьи порубки
особенно благоуханна.

Пропахнет все дыханьем ромовым,
когда, как нищенку из храма,
я приведу домой черемуху.
Черемуха благоуханна.

Юбилейное

Я в Ригу в белых джинсах.
Восьмисотлетье в голове.
В национальном меньшинстве.
Но в сексуальном большинстве.

25 Письма

из «Желтого дома»

Золотая синева

Сколько пляжных песчинок!
Сколько в женщине пор!
Внешность с первопричиной
За Тебя ведут спор.

В каждой поре — песчинка.
Сколько времени? Но
все часы — на починке!
Время засорено.

Сколько мы насорили
в этой жизни с Тобой!
Скольких мы озарили
золотой синевой!

Эти брызги сухие
точно искры души.
Что кому вы сулили?
И кого подожгли?

Но едва опочили —
просыпаетесь вы
в ореоле песчинок
золотой синевы.

Как в восторженном страхе
вихревого столба,
Ты крутилась, вытряхивая
целый пляж из себя!

Никакие бесчинства
тех, кто в Юрмале был,
не заменят песчинок
ювелирную пыль!

Даже в Юрский период
на руке бытия
две песчинки прилипли —
и Твоя, и моя.

Что еще рассказали,
сквозь загар не сильны,
синячки под глазами
золотой синевы?

Все окажется лажей.
Вновь очутитесь вы
в белом золоте пляжа
и чуть-чуть синевы.

В том тумане не ясно,
где и кто ты такой...
Я с Тобой обменяюсь
золотою ногой.

Ходит по пляжу рижскому мусорщик
в белых перчатках.
К мускусным бабам, к варварской музыке
он непричастен.

Жизни поспешные, споры о першингах,
губ темперамент —
в тихий мешок эти белые перчики
нас убирают.

Русский, латыш ли — кто кому должен?
Время списало.
А у перчаток — чуть желтые доньшки,
как писсуары.

Все, что звенело, что цепенело,
душ отпечатки
собраны революционером
в белых перчатках.

Мое время

Пришло мое время. Пускай запоздав.
Вся жизнь — только тренинг
перед высшим мгновеньем.
Отходит состав.

Пришло мое время.

Оно, мое время, взяв секундомер,
стоит на дороге.
А кто испугался, душой оскудел —
пусть делает ноги!

Сердца миллионов колотятся в такт
моим бумаженциям.
Со мной — не абстракт! —
на Владимирский тракт
пришла моя женщина.

Мы — нищие брюхом. Как все, погоря,
живу не в Эдеме.
Но Хлебников нынче — ясней букваря.
Пришло мое время.

Да здравствует время, с которым, борясь,
мы стали, как кремний!
Кругом вероломное время сейчас.
Но каждый в себе *свое* время припас.
Внутри — *мое* время.

Меня, как исчезнувшую стрекозу,
изучат по Брему.
Ну, что на прощанье тебе я скажу?
Пришло мое время.

Наши трапезы — сладострастные,
Кулинарочка ты потрясная!

Ты вбежишь, только скажешь: «Здрасьте!» —
умираю от сладострастья.

Воздух утром дрожит над пряслами
целомудренным сладострастьем.
Полосатый арбуз матрасный
скоро лопнет от сладострастья.
И березки дрожат за трассою —
адидасное сладострастье.

Отдавайтесь до обладания.
Заплывайте в любовь не в ластах!
Сладострастие сострадания.
Сострадание сладострастья.

Ты написана белым фломастером,
пахнешь сном и зубной пастой.
Твоя пятка — туз пятой масти.
Можно спятить от сладострастья!

Как я в жизни пролоботрясничал,
выяснял отношения с властью...
От невзгод наших спрячусь страусом
в твое белое сладострастье.

Беззвучный цвет — весь состоит из звука,
в нем слышится небесная разлука.
От этих мук Ван Гог отрезал ухо.

Пустынный дом наполнен голосами.
Они поют и пахнут круассаном.
Прислушайтесь — кайф колоссальный!

Как медленно ползет стрела из лука!
Скучна мне скорость света или звука.
Лишь скорость мысли — сказочная штука!

Казука молча фору даст базукам.
Не без харизмы распевает щука.
И я, безукоризненная сука,
бужу тебя любовью, а не звуком.

Я тебя очень... Мы фразу не кончим.
Губы наощупь. Ты меня очень...

Точно замочки, дырочки в мочках.
Сердца комочек чмокает очень.

Чмо нас замочит. Город нам — отчим.
Но ты меня очень, и я тебя очень...

Лето ли, осень, все фразу не кончим:
«Я тебя очень...»

Есть в хлебном колосе,
в часах Медведицы —
не единица скорости,
а единица медленности.

Спешат, помятые,
летят режимы, ·
но миг — понятие
растяжимое.

Кайфуа в фугах,
спешите медленно,
найдя в Конфуции
монады Лейбница.

Скорость кометная
станет комедией,
когда ты медленно
глядишь, как медиум.

В дыханье пахоты
у перелеска
есть медом пахнувший
звонк релекса.

Смысл — в черепахе,
не в Ахиллесе.

И нечто схожее
в любви имеется —
не в спешке скорости,
а в тайне медленности.

Прикрыла душу нагота
Недолговечной стеклотарой.
Как хорошо, что никогда
Я не увижу Тебя старой.

Усталой — да, орущей — да,
и непричесанной, пожалуй...
Но, слава Богу, никогда
я не увижу тебя старой!

Не подойдешь среди автографов
Меж взбудораженной толпы —
Ручонкой сухонькой потрогав,
Не назовешь меня на ты.

От этой нежности страшенной,
Разбухшей, как пиковый туз,
Свое узнавши отраженье,
Я в ужасе не отшатнусь.

Дай, Господи, мне проворонить,
Вовек трусливо не узнать
Твой Божий свет потусторонний
В единственно родных глазах.

Прости, Господь, свободу нашу Пиррову!

Поздно, Господь. Прожектора врубили.
Мне дали денег за стриптиз — мешок.
За проволокой лагерь мастурбировал.
По проволоке пропускали ток.

— Давай, давай! — вопили. Над Россией
шел звездопад. — Давай, давай! —
Аж автомат на вышке разрядился.
И мат татуированных секс-символов
клубился, как девятый вал.

— Давай, давай! — режут лесоповалы.
Им снились семьи, снилось Косино.
— Давайдавайдавайдавайдавайда...
Причем тут Вайда? Шло мое кино.

Я доставала их дистанционно —
аж голубые перековывались!
Ни Пугачева, ни Мадонна
не испытывали такого.

— Давайдавайдавайдавайдавайда —
им снились их зарезанные свадьбы.
За баб я мстила. Кто-то ржал, кто плакал,
как будто лез на волю по столбу.
Я ненавижу тебя, лагерь.
Еще не зная, что люблю.

Давай, мой лагерь! Я — твой путь к свободе,
Когда душа сквозь тернии, сквозь срам
из тела вырывается, из body
к Прекрасной даме, недоступной нам.

Мы все — дивайдид вайдавайдавайда, —
сливаясь в стене «шайбу! шайбу! шайбу!»
Покрыла урку Блока бледнота.
В интеллигенте разразился вандал.
Айда, но не понять — куда?

Ай да сеанс! Давайдавайдавайда...
Я ощущаю на себе, грязна,
иного режиссера под кувалдой
томящиеся в лагере глаза.

Кавказцы, россияне и прибалты,
любите небо, сбросивши ножи!
Летите в тучах, дирижеров фалды!
Динамики, с турбазы подвывайте!
Я отдалась народу под Вивальди.
Искусство — мастурбация души.
Честнее всенародно, чем приватно.
Господь, прости меня и накажи.

Зачем, скажи, для денежного форта
Меня ты отдал дьяволам в ночи?

В тайваньских джинсах, тайной
замордованной,
пройду я, безымянна для людей,
став неизвестной копией Мадонны,
порн — но звезда мордовских лагерей.

Меня потом искали люди зоны,
в мечтах озолотив или зарезав.
Крутились диски телефонов.
Крутились диски «мерседесов».
Дышала ночь острогом сладострастья.
За жизнь я мужиков имела — класс! —
но с ними не испытывала счастья...
Я отвлеклась...

Когда ж прожектор вырубил затейник —
— «набисдавайдавайдайнабис» —
я подожгла мешок проклятых денег.
Взвыл лагерь. Продолжается стриптиз.

Пылает тело в свете грязных денег...
Паришь дистанционно Ты,
как недоступное *виденье*,
как *гений чистой красоты*.

Потом сквозь давку и асфальты
идешь одна на фестиваль
и слышишь: «Вайда, вайдавайдавайда
вайдавайдавайдавайдавайдавай».

Лифт застрял

В лифте, застрявшем от перегрузки,
под потолком в виде капель наш выдох
ты по-английски сказала: «Вы — русские.
Где выход?»

Русская тема, пардон, моветонная!
Век свихнут.
Кровь кровью мы ищем, духовные доноры,
свой выход.

Чавкает сердце. Темень и сетка.
Спичкою вспыхнут.
Кто-то под юбкою у соседки
ишь, ищет выход.

Шлемы трещали электросваркой.
Но этот выход
не находил гениальнейший Вагнер
Рихард!

Рафаэль Санти, лгать перестаньте!
Секс колбасится.
Пошлость витрин провоцирует анти-
глобалиста.

Вы хоть Россию избавьте от правил
взаимовыгод...
«Выхода нет, — проповедовал Павел. —
Значит, есть выход».

И двоерукий Христос над оравой
путь указал человеку и выхухолю:
то ли налево, то ли направо?
Где выход?

Нету идеи. Как неприкаянно
где-то, без тела,
воет без нас, потерявши хозяина,
бродит идея.

Я вырываюсь из лифтовой клетки,
выломав дверцы.
Нет входа в рай. Снова шахта и сетка.
Нет входа в сердце.

Петр искривится улыбкой месяца.
Черна свобода.
Выхода нету? Выход имеется.
Только нет входа.

Америка по всем программам.
«На что способен Человек?»
В глазах — обломки черной рамы.
НЕ ПОНИМАЮ НИЧЕГО.
Все это было не макетом,
не Голливуд на нас попер.
Ревет дымящийся Манхэттен,
как потерявший зуб бобер.

Чей

САМОУБИЙ

вбит

в стену

кляксой?

От тыщи жизней уволок.
Цивилизация в коллапсе.
Избави Бог! Избави Бог!
И траффик душ, спеша расстаться,
крутился зло и горячо.
Кому несут москвички астры?
Кому еще?.. Кому еще?..
И сероглазую студентку,
глазевшую на Пентагон,
оберегите, не заденьте!
Скорее, милая, бегом.
Есть вечность зла.
Есть свет и вечность.

Дышала, схожая с Тобой,
мучительная человечность —
какой ценой? какой ценой?
Цивилизация в коллапсе.
По темным лестницам кружа,
большую вынесли в коляске
с 68-го этажа.
Как здорово, что столько доноров.
У крови лидеры свои.
Смысл жизни не в рублях и долларах,
а на крови, а на крови.

Нам остается только тайна.
Осталась пыль. Остался гул
от сухопутного «Титаника»,
который в небе затонул.

Большая кровь побил рейтинг
былых эпох. На что нам, Бог,
кровавого тысячелетия
непредсказуемый пролог?
Иное наступает время.
Иные слава и позор
еще не ощутимы всеми.
Но счет пошел, но счет пошел.
Все будет: счастье, мелодрамы,
успех, в любви — волонтаризм.
Но в черной раме, в черной раме
на всю оставшуюся жизнь.

Одиннадцатого сен-тября,
сен-тибра и сен-тепла,
сен-табора, сен-базара,
соседского сенбернара,
влюбленного в сен-Тебя?

И птичьи сен-караваны,
несущиеся, трубя...

Сен-Библии, сен-Корана,
сен-Торы и сен-террора?
След стибренного урана?
И в небе зрачком обзора
застывшие ястреба.

Одиннадцатого сентября
пила ты из кружки этой,
два башенных силуэта
в «11» собирая.
Трейд-центр еще не был сен-центром.
Мы жили по старым сентенциям
любви и морали для
(и мира не передела).

От ужаса можно сдвинуться!

И я сентября одиннадцатого,
одиннадцатого сентября
проснулся в чужой гостинице
от крика нетопыря.

И прошлого века фразы
уносятся к Богу в рай:
«We must love aech other
or die».

Меж ужаса центробежного
ответил новый Сент-Бев:
«Поскольку смерть неизбежна, —
любите любовь».

И третий ушедший в светопись,
сказал, сухой как самум:
«Мораль — не любовь и ненависть,
а ум...»

Пошло мозгов расчленение.
И кружка разбилась, бля!..
**ШЛО НОВОЕ ЛЕТОИСЧИСЛЕНИЕ
С 11 СЕНЯБРЯ.**

Ты, душа от жизни сирой
убежала из России.
Нынче в страхе и истерике
убегаешь из Америки.

Убегаешь из пространства,
из себя, из общих мест.
Вся Ты состоишь из странствий
и недостижимых мечт.

Твои нервы на пределе.
Ты домой куда-нибудь
прилетаешь на неделю
выспаться и отдохнуть.

Самолет заполнен матом,
взвинченностью стюардесс.
Твой сосед дыханьем мятным
снимет стресс.

Слева спят — не мама с дочкой,
а похоже, две сестры,
две блуждающие точки
исстрадавшейся страны.

Край родимый! В горле гвоздики...
В сердце — небоскреб трухой.
Двум березкам в дроглом воздухе
прописали бег трусцой.

Не заметит «Шереметьево»:
в Твой карман, неистребим,
юркнет шарик, шельмой меченой
наркотических рябин.

Скинув ризы желтых вязов,
на Тебя слезами брызнет
родина сибирской язвы,
«Троицы» и терроризма.

(по мотивам Р. Гамзатова)

Если были б чемпионаты,
кто в веках по убийствам первый, —
ты бы выиграл, Век Двадцатый.
Усмехается Век Двадцать Первый.

Если были б чемпионаты,
ко по лжи и подлостям первый,
ты бы выиграл, Век Двадцатый.
Усмехается Век Двадцать Первый.

Если были б чемпионаты,
кто по подвигам первый, —
нет нам равных, мой Век Двадцатый!..
Безмолвствует Двадцать Первый.

Прими, Господь, поэта улиц
и со Святыми упокой
за соколиную сутулость,
нахохленную над струной.

Прощай, Булат. Политехнический.
И те, кто рядышком сидят.
Твой хрипловатый катехизис —
нам как пароль. Прости, Булат...

Он жил, как жить должны артисты.
По-христиански опочил.
Стихами, в бытность атеистом,
Тебе он, Господи, служил.

Нет времени

Нет времени читать статьи глупцов,
набрать грибов ни в Бологом, ни в Бремене
нет времени. И даже на любовь
нет времени.

Нет времени ладони завести
за голову в оцепенении.
Едва подаришь девушке цветы —
уже беременна.

Нет времени увидеть хвост событ —
и я иного измерения.
Нет времени Тебя забыть
хоть временно!

Пронесимся вне скоростей,
вне прений —
и абсолютно не бывает времени
узнать, что спела птичка коростель.

Такая безвременщина идет,
черная месса!
Ремнями пристегнуться, идиот,
ты не нашел ни времени, ни места.

Время — душа пространства. Не спеша
хоть это уясни без озверения.
Места остались. Но душа ушла!

НЕТ ВРЕМЕНИ.

В охру женщину макайте,
красьте ею луг Винсента!
Вон она — на самокате
мчит, похожа на проценты.

Маленькие камикадзе
между трейлеров с прицепом
проскользнут на самокате —
на колесиках процентов.

Вслед, отгалкиваясь пяткой,
спятивший Мафусаил,
как лакеи на запятках,
на работу укатил.

Мчатся (вряд ли на работу)
члены русского Пен-центра
на свободу! на свободу!
на колесиках процентов.

Пузо, груженное бюстом,
самокатик, уноси,
как несут кочан капусты
электронные весы.

И не рассчитав удара,
толстомордик из качков
проскользит по тротуару
на колесиках очков.

От Малаховки до Мальты
роликам грозит закат.
Поколение асфальта
выбирает самокат.

Мир пузырится, как тоник.
Ты паришь, как на катке,
одноногий аистенок,
стоя на прямой ноге.

Значит, не было ошибкой
наше детство нестерильное —
из доски и двух подшипников
мы идею мастерили.

Это кайф беспрецедентный,
знают взрослые и дети —
на колесиках процентов
пролететь через столетья.

— Куда мчишься, самокат?
— В Самарканд!

Коровам снится синтетичный силос.
По-христиански обращаюсь к Вам:
«Какое счастье, что Вы мне приснились!
Дерьмо — к деньгам».

Масленица

Что трезвонит нам доподлинно
колокольная весна?
— Блин! блин!
Полблина! полблина! четверть блина!
на!

Но Билибину билингвельно
откликается страна:
— Бил Клинтон! Был Клинтон...
Пол Маккартни!
Обана!..

У Америки индейка.
Масленица нам дана.
Национальная идея
начинается с блина.

Я люблю друзей с иголки
в блинной у Тверских ворот,
где буфетчица икорочку,
чтоб блистала, облизнет.
Блин тончайший, точно кружево.
Проспиртованный при том.
Как прохожий, разутюженный
асфальтовым катком.
Масленица в преисподней.
Трахнул ведьму серафим.
Восхищение сегодня
выражаем словом «блин».

Ты — блин, я, блин,
Явлинский, блин,
я — полблина, ты — четверть блина.
Ну, и блинная страна!

Блинный чат

1

Соборов праздничный «кремплин» —
Кремль, блин!..

2

— Что с вами, товарищ Саблин?!
— Оса, блин...

3

Гляжу с Воробьевых, где трамплин:
храм, блин!..
А там — блин...

4

Доклад:
«Город Пуэбло и народ пуэблин»:
— Проблем, блин...

5

«...успех ансамблин...»
— А сам, блин?!

6

Блиндаж.
— Блин, дашь?

7

Гимн Глинки уважаю, блин,
за то, что трудно исполним.

8

Сублимация на пределе.
Мочусь, блин, максимум раз в неделю.

9

Глядь! В небе — журавлиный клин.
— Возьми меня с собою, блин!..

10

Мозги ослабленного накала.
Осла, блин, еще не хватало!

11

Кораблекрушение...
Круто, блин. Но душевно.

12

Есть, блин, кадры,
но нет «грин-карты».

13

К ноге приставим карабин.
Скорбим, блин.

14

В «Шабли» насыпали клофелин.
Кайф, блин!

15

БЮЛЛЕТЕНЬ:
Первый, блин, в коме.
Новый Первый, блин, в обкоме.
На лицах, блин, тень.

16

— А кто съел яблоки с райских яблонь?!
— Я, блин...

Б. Г.

**Ночь. Рок-н-ролл. Жарко.
У музыки одна корысть:
толпа вздымает зажигалки,
давая небу прикурить.**

Ты — замыкание короткое.
И на руке — глаза болят! —
как крохотная сковородка,
сияет черный циферблат.

И я не понимаю Время,
свои часы тебе дая.
В твоей пульсирующей вене
открылась черная дыра.

Часы сыча

В. Бограду

Мне незнакомец на границе
вручил, похожий на врача,
два циферблата, как глазницы, —
часы сыча, часы сыча.

Двучашечные, как весы,
двойное время сообща,
идут на мне часы, часы
ЧАСЫЧАСЫЧАСЫЧА.

«Четыре» в Бруклине сейчас,
«Двенадцать» — время Киржача.
Живем, от счастья осерчав,
или — от горя хохоча?

Где время верное, Куратор? —
Спрошу, в затылке почесав.
На государственных курантах
иль в человеческих часах?

С ожогом не бегу в санчасть —
мне бабка говорит: «Поссы...»
Народ бывает прав подчас,
А после — Господи, спаси!

В Нью-Йорке ночь, в России день.
Геополитика смешна.
Джинсы надетые — раздень.
Не совпадают времена.

Я пойман временем двойным —
не от сыча, не от Картье —
моим — несчастным, и Твоим
от счастья накоротке.

Что, милая, налить тебе?
Шампанского или сырца?
На ОРТ и НТВ
часы сыча, часы сыча.

Над Балчугом и Ценциннати
в рубахах черной чесучи
горят двойные циферблаты
СЫЧАСЫЧАСЫЧАСЫ.

Двойные времена болят.
Но в подсознании моем
есть некий Третий циферблат
и время верное — на нем.

Падали, хрипя до рвоты, ротные.
Чернозем остался на губе.
Эротическое чувство родины
прижимает, милая, к тебе.

И никелированная ересь,
месяцем пошедши на ущерб,
русский эрос — Эрэсэфэсэрос —
в небе молот скрещивал и серп.

Нержавейка озаряла серость
полосато вроде лунных зебр.

За границей шепчем, как молитву,
наш нецензурованный словарь.
Дворянин, судимый за Лолиту,
сквозь нее усадьбу целовал.

Что сегодня называем «пошлостью»,
это не свобода сатаны,
это вопли на соборной площади
потерявшей родину страны.

Холода черемух приворотные...
Из чужих, заморских пропастей
эротическое чувство родины
тянет всех в последнюю постель.

Повелевай, смущай и смей,
Павлевазмей, Павлевазмей!

Ну разве женщина повинна,
что явлен ей —
в единстве змея, льва, павлина
Павлевазмей?

Каким круговоротом вальса
шла голова,
когда нутра язык касался
шершавый льва!

Твой тренер — не апостол Павел,
не Птолемей —
павлиний звездный хвост расправил
Павлевазмей.

Ах, братья, не порвите платья!
Ты дохла аж —
как будто заключал в объятия
Тебя трельяж!

В Тебе столетья отражались
и страсть взаимы,
и революции пожарищ,
и что есть мы...

Он сладко пел об изуверах
в дезабилье,
что Евангелье без Евы —
лишь ...нгелье.

И гласом ангела без гнева
спросила высь:
«Ну как, освоила ты, Ева,
трехпалый свист?»

Но разве женщина повинна,
что в ней жив грех —
зеленоглазый крик павлина,
и змей, и лев?

Но разве дева выбирает
учителей,
когда ей ставит темперамент
ПавлЕВазмей?!..

Кровь

На кухне пол закапан красным.
Я тряпку грязную беру,
как будто кнопки из пластмассы
я отдираю на полу.

Об шляпки обломаешь ногти,
ты поправляешься уже.
Но эти крохотные кнопки
навек приколоты к душе.

Ветер

Ветер
гуляет по выставке Фениша.
С петель
срывающиеся повешенные...

Сетгер
прилип к потолку,
словно тряпка уборщицы.
Ветер свободы, ветер убожества!

В Питер
умчалась Ты — я не заметил —
Ветер...

Не помню — Рим или Монголия?
Века замедлились,
пока
мне девушка цветок магнолии
вдевала в лацкан пиджака.

Я игнорировал магнолию,
к душе привитый черенок.
К чему гадать: «Что быть могло бы?»
Перечеркните черновик!

Мы — эхо русской меланхолии
В нас страшный фитилек горит.
Рояль, как профиль мейерхольдовский
незабываемо раскрыт.

Отцвел пиджак. Столетье брэнное
Ушло. Калининград не тот.
Я сам сгорел как удобрение.
Но магнолия цветет.

Все таланты его от дочери.
Он от дочки произошел.
Гениальные многоточия
он малюет на мокрый шелк.

Почему он, гулявший дочерна,
видит в бритвенном зеркальце,
как великие очи дочери
расцветают в его лице?

Был он скряга, потухший кратер,
нынче пробует всем помочь.
Изменила его характер
прародительница дочь.

А сама пиво пьет наивно,
в комбинезончике, как оса,
переведши талант на имя
новорожденного отца.

А ему всех наград не надо
лишь бы мог день и ночь толочь:
«доча-доча-дочадоchado-ч а д о-
дочь».

Не таил он в душе заточку,
зато в будущем витал —
муку взяв на себя за дочку,
черный кайф предугадал.

Так закидывают альпинисты
крюк с веревкой на неба край,
чтоб вытягивала неистово
та веревочка к Богу, в рай!

Смерть огня

Он лежал ничком, подставив спину.
Как контрольный выстрел киллера, —
встав в кружок, нетрезвые мужчины
поливают скорбно труп костра.

Тьма ежей любого роста
мне иголками грозила.
Я на дух надел наперсток.
Жмет, конечно. Но красиво.

Нарисуйте, художник, на раме пейзажи и женщину,
в раму вставьте пустое стекло.
Ваша жизнь протечет в иллюзорном их окружении.
Светло.

Это значит, вы — классик.
Жизнь искусством прошла.
Все печали стирает прозрачайший ластик —
ластик-ластик-стекла.

Замаячит Веласкес, как петух из графина.
Уменьшенный до спеси,
в знаменитом жабо прошипит граф гофрированный,
словно крышечка пепси.

И когда совершенство опостылет княгинею Бетси,
как сигают с балкона, аж рожу ожгло —
разберитесь с собой — разбегитесь, башкою разбейте
Жизнь-стекло!

Три ада

Душу парализовали
три кита цивилизации:
тоталитаризм,
тотализатор
и тотальное лизание.

ШАР-ПЕЙ

Поэма

Вступление

«Ирпень — это память о людях и лете...»

Шар-пей — это спагетти,
намотанное на вилку доброты.
Ты
держишь его за маньяка,
или за тибетского монаха,
одетого в доминиканский подрясник.
Потрясно!
На его лице
проступает лабиринт ума,
выпуклый, как батареи,
или кишки наружу Центра Помпиду.

НЕ ХОДИТЕ У ШАР-ПЕЯ НА ПОВОДУ!**ЗАПОМНИТЕ:**

когда занимаетесь любовью в комнате,
не запирайте его на кухне —
он будет рваться к вам по-маньяковски,
ломать доски двери, рычать и рыдать...
— Как Маяковский,
когда его запирали на кухне Брики?
— Что им взбрыки?!

— Дрессировщики забыли о пистолете...

Шар-пей — это память о людях и лете,
о русской рулетке, о флейте столетья,
о пуле в поэте, повывсившей рейтинг.

— О фабрике лирики имени Лили.

— А Брики?

— Какой на них грязи не лили!..

— Шар-пейка! Брючница! Щену врал про это...

— Или!..

Но самоубийственной кометой
развеет свой прах гениальная Лили,
сыгравшая муку на флейте поэта.

— ПОХОЖИЙ НА ДАЛАЙ-ЛАМУ,
ДАЙ ЛАПУ!

— Жаль, ты, человек, не умеешь рычать,
дай пять!

Облизанным лбом, паяльником,
лицом не спасешься ты
от бурного обаяния
влюбившейся красоты.

Соперничая с Бежаром,
сопело, башмак жуя
12 кг обожания,
сопереживания.

И я на вопрос пристрастный
«Кто краше вам и милей
бессмертных мадонн Пикассо?»
спокойно вздохну: «Шар-пей».

**НА ПТИЧЬЕМ РЫНКЕ ЗА РУБЛИ
КУПИТЕ СВЕРТОЧЕК ЛЮБВИ!**

Сколько чуши набивается в УШИ!

Всего хужей —
чистка ушей.

Он трясется, вроде автомата УЗИ,
гневается, как микадо.

«Ремнем не надо!»

В мозгах — короткое замыкание.

Хозяева — камикадзе.

Вопли! Укусы!

Намордник надели.

Ужас!

УШИ НАДО ЧИСТИТЬ КАЖДУЮ НЕДЕЛЮ.

Обиделся! Набычился.
 И ушел в свои лабиринты,
 подобно минотавру.
С ШАР-ПЕЕМ БУДЬТЕ АВТОРИТАРНЫ.
 Когда демократия надоест —
 он вас съест.

Ночью лижет Твои ноженьки.
 Но когда разевает пасть,
 во тьме ее колышки придорожные
 белеют, чтоб вам не упасть.

Он сгрыз:
 все клеммы,
 диск «Крис Кельми»,
 провода, переводы грузин
 и шкаф, покрытый спреем «Антигрызин»,
 стену с обоями,
 Крым,
 Твои колготки,
 еще кого-то,
 и пол-Украины.

Но больше, чем грызть лифчик,
ему нравится игра «О, СЧАСТЛИВЧИК!».

Как вы считаете, кто из «счастливчиков» более шар-ней?

a Шахрай	b Чапай
c Чубайс	d Аджубей

Кто в лицее имел кличку Репей?

a Шарапов	b Швабрин
c Пушкин	d Ел. Соловей

Что сказал он на балу одному из царей?

a Царь, пей!	b У, деспот лагерей!
c О'кей!	d Не сопрей!

Что пил царь, принимая гостей?

a Чифирь	b Кровь народа
c Спотыкач	d Earl Grey

Что ели гости из чаш и горстей?

a Сплетни	b Искусственные кости
c Друзей	d Лук-порей

Что он просил царя издать поскорей?

a Акунина	b Ельцина
c Баркова
(изд-во «Подкова»)	d «Сто дней»

Что он желает от Родины своей?

a Ордена	b В морду
c Йордана	d Печаль полей

В чьих объятьях проснется шар-ней?

a Морфея	b Мафии
c Морского офицера	d Мор. фей

Шар-пей вопросы съел.
(Диброву — крах).
Он стал миллионер.
Почти олигарх.

ШУРУП УПОВАНЯ,
 шуруп обожанья с нарезкой страстей,
 шуруп превращенья.
 Не перевоплощенный шар-пей —
 это извращенье.

ШАР-ПЕЙ РАБОТАЛ:
 хлопущкой при китайском императоре,
 портфелем Жванецкого,
 профилем Бисмарка,
 ... (цензурная вымарка),
 аптекарем
(ОДНА ЛОЖКА ШАР-ПЕЯ НА СТАКАН ЗАВАРКИ),
 работал батареейкой от «Шарпа»,
 референтом у Ахмадулиной.

**РАСТЯНУЛ ГАРМОШКУ ОДИН ДРУГ.
 НО ТО БЫЛ ШАР-ПЕЙ — ДРУГ ОСТАЛСЯ БЕЗ РУК.**

*«Пушкин!» — окликнул своего тибетца из-за
 океана Василий Павлыч.
 Рыжий Пушкин вильнул хвостом
 и вылез из-под дивана.*

**ЕСЛИ НАЖАТЬ КНОПКУ СЗАДИ —
 ШАР-ПЕЙ РАСКРОЕТСЯ, КАК ЗОНТИК.**

— Рюмка граппы. Это клево!
 Пролетаем Капри.
 Грезы склеваны
 клювами гарпий.

Запасы сопрели.
 Лугов не скосили.
 — Виновны шар-пей.
 Шар-пеев засилье.

Мао уничтожал шар-пеев.
Они эмигрировали. В Россию.

Кульгура замешана на любви.

Обнюхав Москва-реку, как Янцзы,
лущованные портупей,
спасут нас, замотанные как голубцы,
шагреновые шар-пеи.

РУССКИЕ ШАР-ПЕИ ПОДПИСАЛИ С КИТАЙСКИМИ ДОГОВОР.

Шар-пей, размотав свою кожу, как свиток,
учил меня китайской акварели.

Утром моя рожка —
как мятая роза.
Перед зеркалом Андрей,
а в зеркале — шар-пей.

Была кошка —
кошки не было.
Прошлое в коме!
Пиши набело.

Веду настороженно
шар-пея на спиннинге.
И лунной дорожкой
волнуется спинка.

Куда по щебенке
уводит нас сердце
со взглядом ребенка
на уровне детства?

Ведь первые вирши
на детском уровне
писал я, влюбившись
в лохматого увальня.

Спят саксы и факсы.
Спит клякса газона —
сексуальная такса
по имени Мона.

Метро «Юго-Западная»?
Или Котельническая?
Бежим мы на запахи
диско-течки.

Бежит предо мной
моционный типаж —
дистанционный
мой нижний этаж.

Ждет у магазина
улыбочка Мони́на —
как нос мока́сина
загнувший́ся модника.

О таксе пусть слезы
утрет мыловарня.
Колотится в звезды
тоска мировая.

К чьей мощной идее
привел нас Господь,
наморщив шар-пея,
как крайнюю плоть?

Вдетые в ноздри безумные запонки —
З А П А Х И !

Бог распахнул Книгу Запахов. Пах-
нет! — мочою враждебною парк.

Пахнет обоями стыд таракана.
Ах, не Тобою, Ты — не такая!

Черное море пахнет эсминцем.
Ты пахнешь молнией и жасмином!

Джаз — металлический, ароматный,
новые СМИ с электрическим матом,
ара-мятные
таблетки от перегара.

Пахучие! — прокуренные, грибные, подозрительные,
выгребные, трупные, живые, трубные, потные, женские,
туфелькины, ужастиковые, осьминоговые, микстурные,
мерзкие,
парфюмерные, овчаркины, договы, чертовы, Боговы —
just a min —
все, будто воздух Тобой заминирован,
неминуемо пахнет жасмином.

Пах мироздания на четырех лапах
рвется на запах, рвется на запах.

Собаке на небе — самое оно,
но
Запахов Книгу Господь запахнул...

Запах — нуль.

Кто я тебе? Чудовище пахучее?
Наркотик? Кратковременный букет?
Пусть мой парфюм похуже, чем у Гуччи —
я — Твой единственный поэт.

Я окончательно не исчезну,
На перилах останусь, как тайный браслет.
Нюх друзей избирателен, если честно.
Поручаю шар-пею найти мой след!

Где я буду? В Москве ль, приближенной к Назрани?
Или в Царстве Теней, где назад хода нет.
Обезумев от счастья, пневматическими ноздрями
возьми мой след!

Четыре песенки Шар-пея

Первая

Любовь стопроцентная —
Грех. Хватит лепетов!
Но есть прецеденты!
Шар-пеем был Лермонтов.

С казарменным шармом
он брови морщил.
**МОРЩИНЫ, КАК ШРАМЫ,
НЕ ПОРТЯТ МУЖЧИНУ.**

И Родина ранено
выла сквозь морды
морщин Северянина
и W. H. Auden'a.

Я знал эти оденовские
морщины —
игральные щели Господней
машины.

Спускались ворishки
в глубинные трещины.
Поют, провалившись,
монеты и женщины.

В великие щели
глядели инстинкты.
Их щеки чернели,
как стенд для пластинок.

Натура поэта
верней, чем собака,
служила кассетою
Бога и Баха.

И что там немилость?!
Что слава на привязи?..
Любовь сублимировалась
без примеси.

От Пастернака
и до Овидия
поэт и собака —
любовь в чистом виде.

Убогая пицца.
Но чуда почище —
четвероногое
четверостишие.

...Дорожная палка
горит, как эклер ментов.
Летает собака —
застреленный Лермонтов.

Вторая

Люблю тебя, мадмуазель Шар-пей,
за сгрызенной рубашки бумазей,
за то, что в кожи складчатый туман
ты запахла, как Шапель Роншан.
За то, что в твою душу, как в сабвей,
я опущусь, мадмуазель Шар-пей.

Третья

Пасть твоя дышит, горяча.
 Скажи «за жизнь» мне, собачара!
 Рыча — рыча-рыча-рыча —
 ч а р ы.

Тебя, как тайского врача,
 экстрасенсорное начало
 ведет — рыча-рыча-рыча.
 Ч а р ы.

Пускай вlepили «строгача».
 Но утром женщина кричала.
 И чайник выкипал рыча.
 Ч а р ы.

Я тебя выдумал, шар-пей,
 четвероногий мой товарищ.
 Ты не продашь, пускай облаешь.
 Предательство — удел людей.

Сын балалаек и би-лайна,
 пытаясь превратиться в лай,
 повторит: «Лайла-лайла-лайла».
 Чарует нас собачий рай.

С широкой грудью тягача
 живешь, рыча-рыча-рыча.
 Но жизнь — двусмысленней анчара.
 Ч а р ы?

Взор залепила саранча.
 И удаляются, как фары,
 чары-чары-чары-чары,
 р ы ч а.

Четвертая

Зачем ему складки? А зачем они Мангольфьеру?
 Надули.
 Расправился в верхних слоях атмосферы
 над улицей, блин,
ШАР-ПЕЙ — ЦЕППЕЛИН.

Простимся, мой шарик! Морщины вмещают
возможность полета. Не проколись!
Растяжки на морде напоминают
шлем авиатора.

Проносись накачанным обликом,
одиноким, словно монарх,
из морщин, родившийся Облаком
в кожаных штанах.

Хвост поднят торчком над жизнью копеечной,
«на большой», улетай, о'кей.
Одновременно шар и пейджер —
шар-пей.

Номер пейджера скрыт от людей.

ШАР-ПЕЙ ПОТЕРЯЛСЯ!

Менты матерятся.
Малышка в подрыснике
наш потерялся.

Верните мальчонку!
Он тычется в ноги.
Чужою мочою
пропахли дороги.

Хотят рестораны
собачьего мяса.
Что наши старанья?
Шар-пей потерялся.

В обочине мается,
сжал сердцебиенье,
не понимая,
за что убиенный.

Четвертые сутки
шар-пей потерялся.
А может, он в сумке
на трассе в Тирасполь?

Помойки паскудны.
Там — корм настоящий.
Ты знал лишь искусственный
корм — «ТВ-ящик»,

где ржет Беловежье,
орут: «педерасы!»
Пропала надежда —
шар-пей потерялся.

Буфеты долизывают
По полтора.
Ни Моны. Ни Лизы.
ШАР-ПЕЙ ПОТЕРЯЛСЯ.

Свернувшись гармошкой,
во сне ты увидишь
пакеты кормежки
с наклейкою «Sweedish».

И голод, и холод.
Где садик с терраской?
Какой это город?
Шар-пей потерялся.

Дерьмо ледяное
отсюда до Марса.
Один-одинешенек,
я потерялся.

И нет Тебя рядом,
кому доверялся.
Прости, Бога ради,
но я потерялся.

Мой дом потерялся,
и имя и адрес,
где мной, лоботрясом,
не сгрызенный «Ардис».

Приученный к смачным
ингредиентам,
я вырос собачьим
интеллектом.

Пуст сад Пастернака,
пуст сад патриарха.
Ни зова, ни знака —
я потерялся.

Трусливые суки
облают с телеги

собачьи муки
интеллигента.

Не люди мы — звери.
Неужто не ясно —
последняя вера,
шар-пей потерялся.

Рваните Шопена,
от слез сатанея.
Верните шар-пея!
Хотя бы шар-пея.

Эпилог

Шар-пей — это память о блюде и чуде,
о псе-баламуте с бойцовскою грудью.
Читатель, порадуйся Бога ради:
Не все мы — собаки, не все люди — бляди.

ОТ СПЛЕТНИ ПРАПНЕЛЬНОЙ И ПРОЧИХ СКОРБЕЙ СПАСЕТ НАС ШАР-ПЕЙ.

P.S. Шар-пей потерялся?
Вон спит над терраской!
Сопит, обидившись на людей.
За что — не помнит, хоть убей!
Обида — старые портянки.
Чтоб всех простить по-христиански,
НАШЕЛСЯ ШАР-ПЕЙ!

Дерево Бо

Открытие черного квадрата

Я открыл черный квадрат.
Квадрат сейфа чернеет на стене.
Я назвал код.
Квадрат открылся.
Я спустился в чертов квадрат.

Ты осталась снаружи, держа веревку,
чтобы страховать меня.

Что за?

Что за шторкой фотоаппарата?

Кто снимает наш компромат через зеркало?

Что за?

Что за плитой постамента? Памятник Че?

Памятник Чехову? «Чаровница» кватраченто?

Что за?

Запонки из агата?

Кровать черного дерева для членов политбюро?

Держи, милая, не отпускай!

Что стоит за понятием «К. Малевич»?

ЧК?

Чек?

Чекрыгин?

ТЧК?

Чадра? «Cherry Garden»?

Тиски Чекатилло?

Что с хаосом?

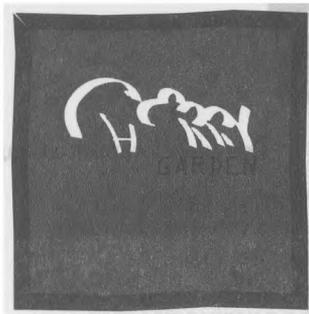
Штокгаузен?

Два тысячелетия имели двумерное сознание,
третье тысячелетие имеет трехмерное — что за?

Держись, милая, за веревку, только не отпускай!

что за что за что за
 что за что за что за *что?*

Крышка захлопнулась.

За что?!

Век захлопнулся.

Меня затягивает бесформенная черная масса.

Батарейки моего телефона на четверть часа.

Я барабаню изнутри в крышку,

как в люк подлодки.

Как ты там?!

Забудь код!..

Что за?

Молитва о «Курске»

Мертвецы стучат — живые! —
по железному нутру.
Офицеры, рядовые
бьются, как стенокардия,
помнят мать, жену, сестру...
Времена глухонемые.
Господи, уйми стихию!
Дай надежду, хоть искру...

— Куда держишь курс, Россия?
— www.«Курск».ru.

«Смирно!» Души на смотру.
Над трапобою — черный прапор.
Боже правый, моя гя!..
Траур.

Страшный трафик пакатил.
Вдовам не помогут травы.
Всюду черный негатив —
траур.

Фестивальные кентавры,
жрите черную пкру!
По матросу Игорьку —
траур.

Кто ответственные лица?
Люди чести, флотских аур?
Ни один не застрелился.
Траур.

С утра слышу до утра:
«Утраурау...» Рядом травят.
По живым еще вчера —
по себе мы носим траур.

НТВ и Си-би-эс
задрожат как сети траулера.
Траур носим по себе.
По надежде носим траур.

Вечный траур по Геннадию:
жизнью, из последних сил.

может нас с тобою ради,
он реактор заглушил.

Моряками среди мора
остаются моряки.
И на Баренцево море
лягут тяжкие венки.

Женщина в косынке бьется,
видя как плывет веноч.
Был старлейтом или боцманом?
«Кто, сынок, тебя вернет?»

На мгновение пад странною
оглянется, пегрешна,
называема душною
траурная тишина.

2000

Кому ты нужен, мужичок, кому ты нужен?
Ты бил ладонью в мозжечок. Был перегружен.

Кому-то нужен твой кулак, кому ты нужен?
Державе, потерявшей флаг и затонувшей?

Обрубок двадцати двух лет
на самокатке,
ты, словно карточный валет,
верней — полкарты.

Тебя порвали шулера.
Что загадал ты?
Держава, что была вчера,
сама — полкарты...

Кому ты нужен, полвальта? Сгорел «Ильюшин».
Над раскладушкой, сволота, висят иллюзии.
Ни в МУР, ни в школу киллеров. Душа контужена!
Заснут спяну Гиляровский под подушку
без наволочки. Бьет сосед тебя, как грушу...

...Но где-то, как рассветный сон над Гиндукушем,
есть одинокая душа, кому ты нужен.
Не накопила ни шиша, одни веснушки.

Кому ты, милая, нужна, с такими данными?
«Ты мне нужна. А кто не «за» — получит санкцию
ножа десантного. Прости. Прорвемся. Сдюжим...»

Жизнь — шанс единственный найти, кому ты нужен.

Лена вскрыла вены

Было в Барнауле или в Обнинске.
Крики телефонные равны нулю:
«Баба резанулась. Вы что там, стебнулись?!
Неотложную!»

Скульптор Неизвестный, бинтуй свой мебиус!
Женщина нетрезвая качнет права.
Вспомните про Фурцеву... Ванная — как лобно...
Неотложку, Господи! Еще жива.

Все равно косуле, какой в ней резус.
Так самоубийственно живет трава.
Спишь в хрустальной маске,
царевна зарезанная.
Еще жива...

По якутским льдинам бомбы молотили.
Лена вскрыла вены.
Речь ненормативная, жизнь ненормативная —
необыкновенная.

Лена вскрыла ленность наших джентльменов.
Мама мыла раны. Лена вскрыла вены
Мы в беде по крышу или по колено.

Вы хотели Китеж?
Лед мальчонку свалит.
Под водой увидишь
домики на сваях.

Все имеет финиш. Только смерть нетленна.
Прекратите хипеш! Вырвемся из плена.
Истрадались реки. Вены вскрыла Лена.

В ложных преступлениях мы живем без лонжий.
Дай вдохновения, Боже неотложный!
Ну, хоть постепенно...

Половодье. Дума вопит о роспуске.
Гляньте, алюминиевая братва:
разметав протоки и рукава,
Россия вскрыла вены. Неотложку, Господи!
Если неотложка еще жива.

**В нас Рим и Азия смыкаются.
Мы истеричны и странны.
Мы стали экономикадзе
самоубийственной страны.**

Белеют под стволами черными
поземки зимние приметы —
как отрастающие корни
у крашеного брюнета.

С утра морозно. У причала
клубится розовый парок.
Как будто бы река дышала,
дыханьем пальцы согревала.
Как побелевшее паяло,
все не оттаивал паром.
Оттаяв, покраснел потом...

И возвратит щеке румяна
твой низкий пар наискосок —
когда, дыханием туманна,
нагнешься завязать шнурок.

Живи последними деньками!
С собою не захватишь впрок
той речки краткое дыханье
и речи ласковый упрек...

Проживаю в желтом доме, в желтом доме,
как в кубическом лимоне.
Быт на сломе, газ разболтан
в желтом доме, в доме желтом.

А за стенкою во внешнем доме желтом
оппадают листопадные дензнаки.
По ночам мои окошки светят золотом,
потому что они темные с изнанки.

Ко мне утро сквозь фрамуги
желтой женщиной влетит.
Обо мне в лесах округи
пресса желтая шумит.

Чаадаевской картошки понарою.
Волчьей ягоды нажрусь до тошноты.
У коров наших диагноз «паранойя».
Я достаточно орал Савонароллою,
я спасаюсь шоком тишины.

В этом доме, в темном томе,
записал я Твою речь
против света, в полудреме
с золотым обрезом плеч.
В этом двухэтажном доме
я любил. А что есть кроме?
Остальное лжет.

Скомкана салфетка в тоне.
Желт, желт —
между красным и зеленым,
меж закатом и газоном,
как глазунья, в невезучий

переходный жизни час,
предзакатное безумье,
желтый глаз мигает в нас.

Хоть надень на солнце шорты!
Не укрыться охламонам.
Век зажегся кофтой желтой,
завершился желтым домом.

В желчном зеркале, из рамы,
озирая мой прикид,
не белками, а желтками
рожа мерзкая глядит.

Прыгнуть бы с «Песней о Соколе»,
с крыши, проломив крыльцо!..
Но за горло держит цоколь
цокольцоцокольцокольцо.

Мы все пациенты, особенно врачи.

Кто расшифрует ?

*Подписывайтесь
на «Письма из Желтого дома».*

Полосатый, как батоны,
теплый кот на стол залег.
Вдаришь в стенку — на ладони
сыплется яичный порошок

желтый, желтый, как тяжел ты,

да пошел ты, !

Пациенты лезут в форточку по желобу.
Пишут письма мне потом.

Адрес точен, как жетон:
Россия. Желтый дом.

Просвистит беспечно
городской тушканчик.
Мне летит навстречу
девушка в ушанке.

Уши нараспашку.
Душу искушая,
ты мне с неба машешь
крыльями-ушами.

Вслед летят поддатые
из окон и шкапов —
только выпадают
на лету из шапок.

Расшибутся всмятку,
как герои Чапека.
В небе кружат шатко,
как вороны, шапки.

Я в тебя поверил.
Ты в моем затылке
крутишь, как пропеллер,
штопором бутылки.

Тетка в полушалке,
потерявши мужа
(что элементарно),
телочку в ушанке
спросит: «Почему же
я, вот, не летаю?!»

Говорит ушаночка:
«Если Вы лентяйки,

очень мало шансов,
чтобы Вы летали!
Набирайтесь опыта,
если к службе падки,
полетать попробуйте
на завязках папки!»

Кожаные уши
малоразличимы —
черные, как суши
с мягкой начинкой.

А зачем под шапкой
формочка литая?
Чтоб удобней шастать,
в форточку влетая.

Вывез из Италии
шапку итальянец.
Но чтобы летала,
нужен твой талантец —

нараспашку вечная,
весны предвкушая,
авиадиспетчер,
девушка в ушанке!

Как материя опустела!
И душа, называемая пост-тело,
мармеладным морем, верней, пост-сушей,
устремится в край, где живут пост-души.

Мы живем пост-жизнью. Пост-смертью тоже.
Странный постриг актрисы смутил стандарты.
Неужели в прощающие пост-слезы
превращает нас только лишь пост-страданье?

Но ты — вся предчувствие. Что преступно.
Постоянно слева что-то постукивает.
Пусть апостолы чести, пост-проститутки,
осуждают ночные твои поступки.

И зачем подкрадывается к пост-постели
чувство грустной радости и потери?

Неужели мы только с тобой — постскрипtum?
Пост-Булгарин молится на пост-Пушкина.
Тишина, называемая пост-скрипкой,
отличается от пост-пушки.

Раздевайся, душа, в мировом предбаннике!
Пост-пар каплет с полок, словно пост-Поллак.
Постигайте тайну любви, пред-бабники,
компостирующие пост-телок!

Не в пред-рабство ль пятится пост-свобода?
Есть налево мост, есть направо мост.
Пришла пятница, суббота.
Наступил Великий Пост.

Памяти Г. С.

Розы ужасом примяты.
На морозе речь охрипла.
Игровые автоматы
озверевшего калибра
на канале Грибоедова
сбили женщину навывлет...
Золотую беззаветную
веру хорони, Россия!
Власть уходит к гробоведам.

В себе Господа мы предали, —
автоматы игровые.

21 ноября 1998 г.

Эпитафия

Надежда смолкла.
Москва пустела.
Неделю в морге
лежало тело.

Кинорефреном
спас век наш хренов —
мужик нетленный
Олег Ефремов.

1

Так же жили — подмывшись, намыкавшись.
Но божественное стряслось!
В старину не брили подмышки,
не стыдились нахлынувших слез.

Почему я неутомимо
прихожу заветной порой,
где над ярусным Иерусалимом
взмыл рассвет за Масличной горой?

Этот ветхозаветный камень,
старомоднее, чем Христос,
розовеющими пучками —
островками травы пророс.

И пока мы судьбу вымаливаем,
расцветают слезы громад —
между клумб вертикальных мальвы
ароматы свои струят.

Игнорировавши промышленность,
Стена Плача, смысл бытия,
нам, по-женски дымясь подмышками,
раскрывает объятия.

2

Комнатушка моя — не
отель «Плаза».
Проживаю теперь в стене —
Стене Плача.

Взявши шапку напрокат,
птичьим писком,
как кредитку в банкомат,
сую записку.

Здесь не допекает гнус.
Слез не пряча,
лбом отчаянно уткнуясь
в Стену Плача.

Это только для мужчин.
В отдаленье
опускаюсь в глубь причин
машинного отделенья.

Ливень. Дача. Пастернак.
Срам и слава.
Руки к небу простирай,
Ярославна!

Ты, распятая страна,
муза, прачка,
моя пятая стена —
Стена Плача.

Не страшна стена угроз,
стена смеха.
Неприступна стена слез,
крепость эха.
И твой хлюпающий нос
среди меха.

Нету крыши. Дефицит
пенопласта.
Нас с тобою защитит
Стена Плача.

3

Измерь мою жаркую жизнь перстами
наощупь, как гусеница-землемер.
Что я сумел — перед Тобой предстанет.
И что не успел.

Пока еще небо не стала мерить
креста измерительная щепоть —
наставь мое сердце прощать и верить,
Господь!

Мы с тобою прячемся от Времени,
здесь, у океана на краю
кривоногий, лживый, как сирены,
неземную песенку пою.

Так пою, как никогда не пелось!
Век к концу торопится, заметь,
высказать все то, что не успелось.
Что другому веку не суметь.

на деревьях висит тай
очки сели на кебаб
лучше вовсе бросить шко
Боже отпусти на не

ель наденет платье диз
фаны видят мой наф-на
и на крыше нафтали
Боже отпусти на не

не мелодия для масс
чево публику пуга
Зыкина анти му-му
Боже отпусти на не

тятя тятя наши се
цаца папа ца мертве
Леннона проходят в шко
Господи пусти на ю

до свидания бельмон
инактриса пошла к
зонцы выбирают барби
Нику дали шизофре

рновскую вкушают СМИ
ад пусти меня на зап
да хотя бы в пику
enthusiasm это kitch

оба сели в свои вольв
мент проверил их доку
оказались безрабо

ердие безрукой Милос
тронь фонариком мне ну
много в человеке те

политически ужо
единенье каждый раз
сколько жен/ударов в мин
я кричу что гибнет Росси

Боже отпусти на не

лампа-жизнь разбилась попо
ты не оправдала меч

Боже отпусти на не

манит в дорогу ту
дьявол или Госпо
дамочка шла по во
гала-загадка ша

духу можно по воз
зяме по воздуху нель
знание это собла
гала-загадка Бо

тетя разреши уле

за волгу нужна ви
военный и тот раздво
пиш куда улети
любимая хочет пу

на тишине шума
in спа улетает кис

лампочками мига
гала-загадка Бо

рэмбо правнук рембо
боди душу осво
милая сердцем пой
гала-загадку Бо

тает в лобовом стекле
тайный ангел не уле

шкаф плывет когда я лягу
ревность вызывает птица

отекаешь после диск
гала-притяжение Бо

инакомыслие заскока

таёт подо мною ле
«итит твою — шепнут — улет
ета ваши-то лета»

ганушкин сказал а хули
мы навеки подсуди

тает в августовском гуле
анаграмма леди Ди

солнце, черное и красное
нега, нега негативная
река, река кареглазая
снега, снега негасимые

Первый в жизни снег

Белое, белое, белое
с семечками людей.
Белые бультерьеры
синеют, как парабеллумы,
на абсолютно белом.
Больно глядеть!

Кусай белизну пломбирную!
Взвей лапами пух-перо!
На клавишах лабух лоббирует —
Лобби — лоббилоббילו — б е л о...

Шар-пею не больше года.
Первый культурный шок.
Невинно идет над городом
невидимый порошок.

Оставь человеку неба!
В груди у меня пожар.
Но завтра не будет снега —
шар-пей сожрал.

И чтобы вы не пугались,
пред вами, хоть путь непрост,
как поднятый большой палец,
маячит шар-пея хвост.

Обучение на доске

Катаются на матраце,
на дельфинах, на лежанке, —
но самые немордастые
катаются на тоске!

Над бешеною пучиной
пенятся, влюблены,
как чашечки капучино,
кофейные пацаны.

Возьмите кусок тоски,
по эллипсу полируйте.
И тайскою политурой
массируйте позвонки.

Чтоб трепетная тоска,
не превратившись в рыбку,
напомнила форму скрипки
и дольки чеснока.

Привяжите ее к ноге
веревкой. Держите шорты.
И с Богом! Ни пуха! К черту
уноситесь на тоске!

Барахтайтесь в океане —
в дискет-компроматной Москве.
Но самые неприкаянные
катаются на тоске.

Держите влюбленных женщин!
Красивых и так себе:
Раскручивается джем-сейшен.
Импровизация на тоске.

Сакс. ЗАГС. Факс. Такса.
Надоевшему вопреки.
Москва. ДСК. Тоска. Тачка!
Ты выпрыгиваешь из такси.

Ты была подавальщицей в баре «Прага»
Соленые позвонки.
Кто из страха, а кто из праха —
а ты создана из тоски.

Тоска моя, мы над бездной
мотались — только держись!
География неизвестна.
Лишь время известно — жизнь.

Но однажды нас к небу поднял
и сбросил девятый вал,
когда я очнулся — понял,
что я тебя потерял.

Услышал из толщи водной —
на миг —
тоскующий и свободный,
твой оборванный крик.

Валяюсь, на берег жуткий
вытолкнутый тобой.
Но и на третьи сутки
тебя не вернул прибор.

Веревка кровавым жгутом
волочится за ногой...

Господи! Кто Твой включает таймер?
Ангелы? НЛЮ?
Ты — т а й н а.
Из тайны пришли. И уйдем в нее.

линза шарила по вазе
переплыли Лимпопо
ретро село на табу
азиатские безобр
чаю приложи к соску
дно остудит чай холо
«ти» любил Феорован
чай, по родине ску
НИИ бандформирова
комуфлирует сосо

куя характер победил Атос
учился чай прикладывать к соску

1

Босой, с тоской на горбу
земных свобод и табу,
приду к тебе, древо Бо,
где медитировал Бу.

Корни, как змей клубо,
плели и мою судьбу —
недосказанное Бо,
недопонятое Бу.

Ветки его раскидистые, как трубы теплоцентрали,
мешали табу и тубо.

«У» поднимало хобо.

Бу мычали: «Бо дай!»

Жабы дышали в жабо.

Под древние «буги-вуги»

выпархивали незабудки на Гоголевский бу

Болыжники играли в волейбо

Буди-гард проверял альков.

И тыщи зеленых часовенок

вонзались шпильями в небо.

Это были листья Бо.

Мы спрессованы в толпу,

будто спичек коробо

недосказанное Бу.

Неопознанное Бо.

Как корзина баскетбо

окольцован шейх на лбу.

«Бабы — не создание Бо» —

как учил великий Бу.

В третий глаз гляжу — в пупо
 как в подзорную трубу.
 Недодуманное Бо.
 Неразбуженное Бу.

Конь в пальто все ждет Годо.
 Кар чернеет на дубу.
 Неразгаданное Бо.
 Недодуманное Бу.

Нам философ из сельпо
 все буробит про борьбу.
 Я люблю твою губу
 с песенкою «Се си бо».

Англосакс сказал: «рейнбо».
 Шантеклер сказал: «Рембо».
 А скинхед поправил: «Рэмбо»
 и подал свое ребро.
 На дворе Армагедо.
 Люди смотрят бельмонду.
 Под невозмутимым Бо
 медитирующий Бу.

Мы рассыпаны, как спички,
 возлежим под деревом Бо.
 А рассеянное небо
 обленилось нас поднять.

Женщина, роня шпильки,
 возлежит трезва, как Спилберг.
 Она нам не возражает.
 Просто родила Бу.

2

Сидели четыре Бу.
 Но главное было «Будто».

Погода тиха — будто пагода.
 Бесконечность — будто бурунду.

И все будто пело и плакало,
как музыкальный сундук.

Нам будущим было «Будто»,
вчера и сегодня — Бу.
Мы даже живем как будто,
но это театр Кибу.

Уличные бутоны
задумались об оргазме.
И слон в ушах, как в буденовке,
мечтал о противогазе.

Ты будто меня не забудешь,
когда не будет меня.

И листья, что вниз глядели,
чтобы вонзаться в небо,
имели, как виолончели,
в задничках острие...

Я опять за свое.

Бабка в деревне нашей,
нас вынеся на горбу,
будто царевна спящая
в целлофановом спит гробу...

3

Две тыщи триста лет
познание сквозь нас росло.
Монах нас ведет — скинхед,
сияющий, будто дупло.

Народы, сняв свои тапочки,
поняв, что спилить слабо —
желаний цветные тряпочки
вешают вокруг Бо.

Сакс сказал: «Трее Во».
Баян поправил: «Стрибо».

Скинхед послал на три бу
и вывесил свои атрибу.

Меж них свой шейный платок
я вывешу, как мольбу.

И в небе каждый листок:
«Мама! — кричит, — бо-бо!»

Поэма

Игровая

Вызвала под утро за ворота
рыжая, пустая как камыш.
И твердишь лицом бесповоротным:
«Я сама себе отвратней рвоты.
Неужели ты меня простишь?!

Помнишь, ты крутил: «грядеши камо?»
«Камо-амок» выплыло со дна.
Я давно играю. Это амок.
Неужели ты простишь меня?»

Амок, всенародный и кровавый,
мчится, самых лучших закрутя...
«Игровая вышла, игровая», —
говорят таксисты про тебя.

Молодая пиковая дама,
кто ж маркиз твой? Урка из Мытищ?
Воет амок — вековая яма:
«Неужели ты меня простишь?»

Ночью выпал иней. Вроде хрома.
Но на босу ногу ты была,
как позавчера ушла из дома,
амоком ведомая ушла.

Жалко не проигранной квартиры,
жаль тебя, а не зеленых тыщ.
За тобой следили рэкетеры.
«Я должна кавказцам», — ты твердила.
Неужели ты меня простишь?»

«Сколько?» — говорю, играя хама.
Я устал от твоего вранья.
Но ужалил непонятный амок:
«Неужели ты простишь меня?»

Это круче дозы тегеранской,
крутит, состав крови изменяя.
Отыгаться надо, отыгаться —
неужели не простишь меня?

Женщины — все игровые,
ставят свою юность и престиж,
русские наследницы графини.
Неужели ты меня простишь?

Амок шел за мной на «мицубиси».
За балкон шагнула с этажа
пятого. Сочли самоубийством.
Извини, конечно, но жива.

Возвращаясь утром на цистерне,
на пределе хрупкого ума
я пыталась распознать Систему.
Но она безумная сама.

Милая, они же профи!
Но крупье отпаивали зал,
когда твой молниеносный профиль
амок изумрудно озарял.

И страданья свет смущенно таял,
проступая через никотин.
Ведь сияние бывает тайным.
Или же бывает никаким.

Тачка ждет. Пора кончать свиданье.
Боже, излечи ее, спаси!
Смотрит сострадание страданья
в заднее окошечко такси.

Иней на деревьях — битой гжелью.
Но дорога вся темна.
Уезжает ею: «Неужели
ты простил меня?»

Господи! Камо грядеши?!
На душе тяжелый камень лишь.
Как мне жить, твой амок разглядевши?
Неужели ты меня простишь?

Ты пропала под Новый год.

И вот я, старый потомственный крупье с меньшим братом Дмитрием прочесываю злачные катакомбы. В Москве двести казино.

— Чем обязаны, мэтр?

Показываем твое фото. — «Ах, эта? Алхимическая блондинка? Как же, как же, пигалица такая... Нет. Никогда не встречали. Да мы бы для вас, мэтр...

А в Питере спросили?»

РУЛЕТКА ЛЕТЕЛА НАД РОССИЕЙ

Утренний алкаш принял ее за парашют парасейлинга. «А где же, блин, трос и катер?» — размышлял он. «катеркатеркатеркатерка — терка»...

Это его уже тащили щекой по смерзшемуся асфальту к дежурной машине.

ПАТРУЛЕТКА ЛЕТЕЛА НАД РОССИЕЙ

Она лежала навзничь в зеленом камзоле Преображенского сукна. Коршун кружил над ней. Какой-то Малевич расчленил ее на квадраты губерний. Губернии были красные и черные. На некоторых городах уже стояли фишки. Стопка фишек росла над Владивостоком,

Разум переходил границы. Заплывала зависть. Всюду лежали страсти. Ставки росли. Ставьте на ненависть, господа! Оголенная правда била током. Сострадание сужало границы.

«Пушкин, спаси нас!» — вопил увозимый.

За Пушкиным виделись слова —

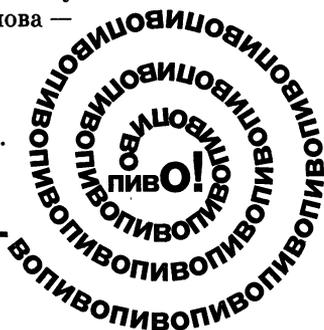
«Россия» и «казино».

На площади расходился митинг.

Японцы фотографировали.

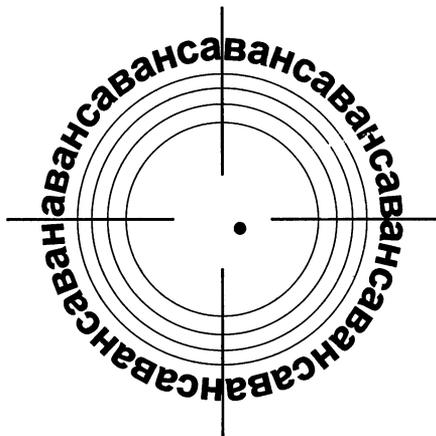
Толпотворенье!

вопи, толпа, вопи -

РУЛЬ С СЕКРЕТКОЙ ВОПИЛ НАД РОССИЕЙ

Если сложить Кремль зелеными башнями внутрь, получится идеальный круг рулетки, с гнездами для шарика по кругу стены. «Доиграетесь!» — грозил увозимый алкаш.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ В ЖИЛЕТКЕ ЛЕТЕЛ НАД РОССИЕЙ

Сквозь глазок всенародно парился в бане гоголевский Нос. Под той же фамилией — Ковалев.

«А у нас сауна, а у нас саунасаунасауна», — пели хороводом девушки.

«Коман сава?» — интересовался инвестор.

«Аванс — авансавансавансаван — саван», — усмехнулся киллер.

СЛЕЗА-МАЛОЛЕТКА ЛЕТЕЛА НАД РОССИЕЙ

«Дяденька, ну давай за так...» — просила.

Брат Иван ехал в поезде. Протяжная нива тянулась за окном в виде горизонта. «Нива — ниваниваниван — Иван! Иван!» — звала она.

Отвернулся. Когда глянул снова, вдали явно плыло: «вина, вина, винавинави и н а», — понял Иван (значит, ехали в обратную сторону). Винавинави-навин — Навин! Солнце остановилось. Что означало бесконечный рабочий день. Об этом мечтал великий вождь.

ТРУП С ТРУБКОЙ ЛЕТЕЛ НАД РАДЗИНСКИМ

Великий крупье шагал по кремлевским коврам. Он запретил все казино. Казнил Зиновьева. Но чего-то душе не хватало. Вождь шагал, вслушиваясь в то, что шептали под сапожками ковры: «ковры — коврыковрыковрыковрыковрыковрыков — Р ы к о в», — вспомнил вождь и улыбнулся.

УРКИ ВАЛЕТОМ ЛЕТЕЛИ НАД РОССИЕЙ

Лысый комдив, прыщавый, как палица, окружил дачу Буденного С. М. Комдив имел от вождя ЦУ: обстричь герою усы и преобразовать дачу в усыпальницу. Герой поставил на рулетку пулеметы и отстреливался с крыши. Вкруговую. «За Вождя! — другой рукой он крутил вертушку телефона: — Коба, что делать?! Отстреливаюсь от диверсантов...»

«Бэ Сэ Мэ, мучай, — пропела усатая трубка. — Расстреляй прыщавого!»

В яйцах ворочались, вылупляясь, страхусы.

Ни одна европейская рулетка не имеет цифры 37. 37-й — год нововведения красного колеса. 19. 37. 19. 38. 19. 39. Ставка на миллионы.

КАРАУЛЕТКА ЛЕТЕЛА НАД РОССИЕЙ

Ты, ухватясь двумя руками за мутовку, крутила белье в кипящей воде. Пузырилось исподнее, трусики, инстинкты, измены, ценники. Твое отражение мешалось и кипело с ними в этом домашнем аду, «о», выкипая, превращаясь в «а!»... Ко тел — котелкотелкотелкотел — телка! Ты была молода, наивна. Ты еще не болела тогда.

ТАБЛЕТКА ЛЕТЕЛА НАД РОССИЕЙ

Скажите вы, Шурик, небритый электронщик в черной джинсовке и желтом несвежем галстуке, взятом напрокат, вы не видели нашу Ру-Ру? Вы склонились, сутулы, как колба алхимика, над своим блокнотиком. Вы проиграли работу, обе семьи. Проиграли золотые зубы. Вы всегда были партнером с ней за столом — так что, и вы не видели?

А вы, вечный студентик Консерватории, такой прозрачный, что сквозь вас видно все буквы уличных вывесок, или это надписи на вашей белой майке? Вы сублимировали страсть к ней в игру, так что же, вечный мальчик, вечный бой, — и вы не видели?

Скажите, Тигран Вартаныч, вы пришли сюда в малиновом пиджаке, вы были директором уральского завода, теперь вы почти божж, шестерка черт знает для кого, — так и вы не видели ее сегодня?

Молчат три шестерки дьявола.

ТАБУРЕТКА С ПРОРЕЗЬЮ МЕСЯЦА РАКОМ СТОЯЛА НАД РОССИЕЙ

— Рута, она что, латышка у вас?

— Да нет, чистокровная русачка, Рута Руднева. В миру, так сказать: «Ру-Ру».

— А я думал, латышка латышкалатышка...

Ты — шкала градусника всегда выше, чем 37.

Откуда в тебе гены игры? Конечно, у нас дома всегда были фишки, сломанные астролябии. Ты фыркала, якобы ими не интересовалась. Потом стала пропадать. Потом стала пропадать всегда. Рута, куда несешься? Дай ответ. Ты сжимаешь виски руками.

— Головокружение?

— Да нет, что-то душа кружится. Душескрушение какое-то.

Я понял, что ты больна.

УЛИТКА ЛЕТЕЛА НАД РОССИЕЙ

Скажите, синеглазый, ее тайный вздыхатель на кресле-каталке, обрубок страсти по кличке «Рузвельт», вы ее не видели? Куда вы катитесь, как печальная улитка, выглядывающая из-за

Я — графиня, грассирующая по фене.
 В игру внедряют меня к утру.
 Принесите кофейник!
 Я ломаю игру.

Дама-пик Чайковского, вершина духа.
 Настает Час Дамы, голубые гуру!
 Я планирую Случай. В тридцать лет я — старуха?
 Я ломаю игру.

Я училась на скрипке. Играла пассажи.
 Вы сломали игру.
 Я вас, боссы, от радости обоссавшиеся,
 на зеро разорю.

Мы страна мазохистов.
 Поймешь, как попробуешь,
 русский кайф — проиграть и вопить про провал.
 Достоевский оргазм испытал после проигрыша
 (граф Толстой не испытывал).

(Каждый проигрыш — это выигрыш,
 небу взнос.
 Только плохо лишь, что не выдержишь
 и души не вернешь.)

Нас сломала игра. Щеки жжет, как горчичник.
 Вспоминайте Ру-Ру!
 Я люблю гениального игрочишку,
 но ломаю ему игру.

Проиграй меня, мальчик, как отрок с картинок,
 как, скотина, лицо твое искажено!
 А в глазах твоих светится шепот: «Аз инок —
 аз инок — казино казино казино».

Пишу из Сургута. Мангал меркнет.
В отеле «ЕРМАК» я живу, мой ангел.
ЕРМАКЕРМАКЕРМАКЕР-МАКЕР.

Вот так и живу у Творца за пазухой.
Снег выпал — чистая страница.
На черный ставь и не запаздывай.
Но что творится, что творится!

Make money — зов над теремами.
Держи карманы!
Берет контроль над терминалом
Ермак в армани.

И мне до первых кукареку
среди крупы, глядя в упор,
винтил сибирскую рулетку
коротко стриженный крупер.

Заныли сладостно колени.
Мы возвращаемся к игре,
как тянет лыжные крепления
к магнитной Барсовой горе.

Снимаю банк. Бледнеет Бэлза.
Играю против казино.
Я чую — напрягнулась бездна,
но

сквозь прорези сибирских ставен
я вижу только нас с тобой,
мы на любовь с тобою ставим,
но снова выпало «разбой».

Крутые пахнут карамелькой.
На урке зайцевский армяк.
Мы все поставили на «take»,
но снова выпало: «Ермак».

Снег таял,

таялтаялтаялтаялтаялтаялтаял
 таялтаялтаялтаялтаялтаялтаял

На ялтинском пляже в июне царил Баядер Басилов — долго-вязый болгарский гаер. «Империя ваша нам мачеха, чихать мы на нее хотели!» — хохмил он. Он забавлял публику новеньким немецким шумовым пистолетом.

«Болгарская рулетка», — объявил он и приставил дуло к твоему обнаженному животу. «Ну, розыгрыш», — восхитились вокруг. Ты смутилась.

Раздался выстрел. Ты согнулась пополам. Все ржали. Оказалось, что шумовые пистолеты заряжаются парафиновым шариком, который, как мы пробовали после, пробивает тонкую доску. Шарик пробил кожу живота и запутался в подкожных связках.

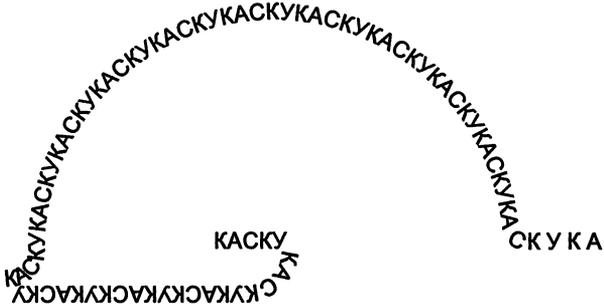
«У человека должно быть два пупка, как два глаза», — не сдавался весельчак. Я не убил его тогда, так как надо было, не теряя ни секунды, везти тебя в госпиталь.

Сзади на почтительном расстоянии ныл Басилов и протягивал мне пистолет: «На! Стреляй в мою жену. В порядке обмена».

Хохмачихохмачихохмачи — мачехи вашей давно уж нет, как вы там веселитесь на воле, братушки?

«Скука», — сформулировала ты.

Скука сторожит с ножом у пропахших мочой лифтов. Скука лает среди автомашин и бросается на капоты из голого, на четвереньках Кулика, скука подпевает Гарику Сукачеву, и совсем ни в чем не виноватая, пиликающая великую песенку, надевает вещмешок и каску — каску — каскукаскаску — скука.

Алкаш шел с Калашниковым.

«7! 4! 33! 21 — 15!» — Лифт играл на этажах. Загорались номера. Двери заклинивало. Маньяк медлил.

ROSE

Р О З Э

ШРОЗЭРО
ЗЭРОЗЭРОЗЭРО

— Что пьем?
— Rosé
— Слышала,
в Таллине от-
крылось первое
ночное казино?

У тебя паспорт с собой?

Мы полетели к джинсовому морю.

В чем были — в чесучовых белых прикидах.
В Таллине шел ливень. В гостинице нам как
оккупантам не дали места. Мелочи! Зато мы
купили билеты на полуночное открытие казино.

Оставалось только найти место. Мы шли по
облипший шелк в...
позвоночник. «М...»
Это был Ян Гросс...
по Москве, к том...
посвященную азартным делам.

Оставляя лужи на мраморном полу, мы
поднялись в особняк. Рюмка коньяку и светская
получасовая беседа. «А где вы остановились?
Ах, нигде... Ах, еще девять часов до открытия?..
Ну заходите как-нибудь в другой раз...»

Еще восемь часов
под ливнем.

РОЗЭРОЗЭРОЗЭРОЗЭРО

ЗЭРОЗЭРОЗЭРОЗЭРО
РОЗЭРОЗЭРОЗЭРО

В казино нас не пустили без смокинга. Ночь до первого самолета мы провели на скамейке в аэропорту. Злые, с мокрыми ногами. Но это мелочи! Смотри, открывается утренний буфет! Небритые, заспанные пассажиры потянулись к стойке. Ты, белоснежно-красивая, с непроницаемым лицом, машинально стала в очередь. «Мелочи все это, — бодрился я, — зато как прекрасно, что мы здесь одни, на необитаемой земле, никто нас не знает»...

Тут самый небритый и отвратный оторвался от хвоста и направился к нам: «Здравствуйте...» И он назвал твое кинозвездное имя.

Очередь остолбенела.

С непроницаемым лицом ты ответила неземным четко поставленным голосом:

«Здравствуйте, еб вашу мать!»

Онемели. Расступились. Пошедшая пятнами буфетчица сунула нам вне очереди бутылку румынского шампанского.

Сев за столик, я спросил: «Что с тобой?» — «А что, что я такого сказала?» — «Ты сказала: «.....».

«Не может быть. Я думала, что я не вслух, а про себя сказала.

С недосыпа, наверное».

Ваш банк, мадам!

Шампанское оказалось розовым — розе, розе розе-розеро-ро-зеро.

Через неделю ты вернулась в Таллин одна, чтобы забрать забытую мной в аэропорту куртку. Тогда, наверное, ты и начала играть.

Мелочи — мелочи — мелочи — мелочимелочимелочумел — очумел, очумел — мелочи мелочи мелочи.

ИНОПЛАНЕТНАЯ РОЗЕТКА ЛЕТЕЛА

Бесстрастная, она высасывала энергию боли из открытой страны.

«Донор — ветер», — слышалось в переговорное устройство.

Внизу лежали километры апатии. Под тонкой пленкой льда лежали балки и болотца, подобно покойникам, только что захороненным в целлофановых мешках. На гробы средств не было. Мертвые бродили между живыми. Мертвые мысли стояли в воздухе. Ты отравилась этим временем.

Ты могла глядеть карты сквозь рубашку. Ты читала обратно ход слова. Ты видела клады. Однажды ты нашла бумажник с тремя тысячами «зеленых». Нашла потерявшего шведа. Дура, отдала.

Резо Габриадзе хотел резать меня и сбросить в Куру. А зачем я набросил свой пиджак на плечи его девушки?

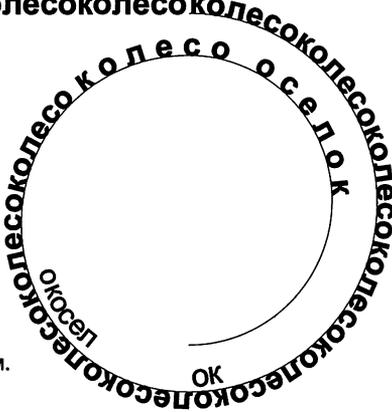
Теперь он знаменитый режиссер. Она стала его женой.

Резо—резе—резе—резе—зеро.

Что ты плачешь, безногий, с лицом подпаса?
 Помнишь лязг колеса, переезд, лесок?
 Наши судьбы, как искры, летят и гаснут
 с оселка точильщика, наискосок ...
 Инвалид Николай проиграл коляску.

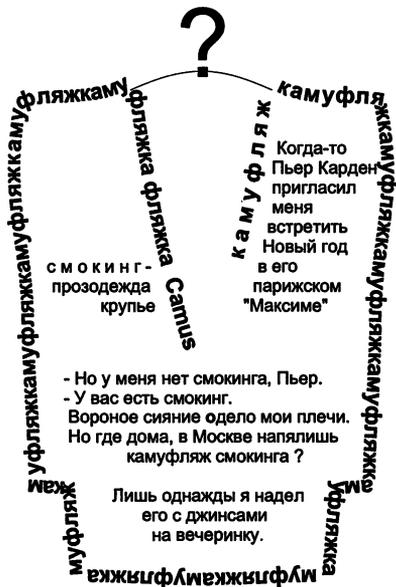
колесоколесоколесоколесоколесоколесоколесо

"Окосел ? О.К !
 а был год
 в завязке..."
 Ты сама
 на нуле,
 Но дала кусок.
 В казино
 за Соколом.
 Без огласки.

«На! Играй по маленькой, корешок...»

ОДЕЖДА КРУПЬЕ

Через пару лет в Париже был прием в «Максиме» после премьеры «Юноны и Авось».

— Но я не захватил смокинг из Москвы, Пьер.

Второй смокинг повис на моей вешалке.

Американцы — снобы. Для получения своей премии «Камен уэлш» они требовали быть в смокингах. Их менеджер разговаривал со мной как с больным: «Вы видите, напротив есть магазинчик, там все наши лауреаты — и музыкант, и математик — берут напрокат смокинги. И вы можете, это недорого...» Я возмутился: «Мы в Москве ежедневно ужинаем. И непременно в смокингах». И патриотично извлек свой карденовский камуфляж.

Что есть крупье? Служка Случая.

Крупье не должен: 1. играть сам, 2. носить смокинг на тельняшку и даже на выстиранные тренировочные костюмы, 3. носить черные очки, чтобы замечать карты, крапленные фосфором, 4. применять «игольчатое колесо», когда в ячейки вставляются тайные иглы, по мере надобности мешающие шарикую попадать в гнездо, 5. следить, чтобы другие не применяли «Коварный рукав», когда при помощи электронного устройства изменяют ускорение рулетки, 6. следить, чтобы шарик-крохотуля «о» точно выскакивал на место «а» и т. д., 7. произносить вместо «ан плон» — «ну блин!»

Хаос строго следует своему Закону.

Какое меткое старинное словцо «крупер»! Кто крупер золотой запас? Кто крупер журналистов?

Есть идея — заменить деньги на фишки, тогда исчезнут неплатежи.

Увы, пока я разыскивал тебя по казино, я сам пристрастился к игре. Меня вычислили. Меня выгнали.

Под твой локоть, ставя, подлез старик
и когда выныривал — слетел парик!

Закружились в омуте колеса
власавласавласавласавласавласавла —
Савла оскорбленные волоса.

Надо ли описывать, что поднялось?
Все крупье уписались, ловят вихрь волос.

Грива уносила как от лассо.
Ты теперь красивей, чем Пикассо!

И твой номер выиграл, старик, ура!
Только аннулирована игра.

Русь, куда несешься ты?! — дай ответ.
Мы летим по кругу — исхода нет.

С кулаком нависшим, плюя, хрипя,
милая, черт лысый проклял тебя.

Черт лысый проклял меня.

Я стоял в центре сцены среди ревущего зала. Вернее, висел в воздухе как шарик, не зная, куда деваться. Вокруг крутились ряды амфитеатра, все ячейки кресел были под номерами.

Вскакивали, вопя, добровольцы.

Так вот ты какое, «игольчатое колесо»! Привилегированные ряды были укомплектованы тайными иглами, вмонтированными в кресла. По мере надобности Крупье из президиума нажимал на педали, и иглы выскакивали. Ораторы вылетали из кресла. Вижджджджали от вожджеления.

Одна товарищ встала, трепеща от чувства долга и возмущения. Сзади в центре ее тугой трикотажной натяжки голубела дырка от прокола. Она прозрела! Гневный голубой зрачок ее сверкал как у одноглазого циклопа.

Все вопили. Только ты, золотая, молчала, держа рядом с собой пустое кресло для меня.

Черт сверкал надо мной. Правой рукою он кулаком потрясал воздух вверх и вниз, будто спускал воду в туалете старой конструкции.

Одной из версий, почему он орал на меня, было то, что он принял на свой счет метафору «Антиголова». Терзаемый завистью, я всю жизнь пытаюсь приблизиться к этому идеалу. Через четверть века на аналитической Конференции выставили в витрине нижнюю лысину. Анализанализана — лизана — анализ отношения власти и интеллигенции.

золушка золушка

А эта пара забываема !
Он ставил.
Она была его кошелек.
Мы звали ее "Золушка".

козелушкокозелушкокозелушко

В час проигрыша
она извлекала
из ароматного сапога
теплые,
пропахшие потом
трудовые купюры.

"Козелушко",- грозно стонала она

козелушкокозелушкокозелушко
сапог 42-го размера
козелушкокозелушкокозелушко
таких номеров в казино нет
козелушкокозелушкокозелушко
Он содрогался.

золушказолушказолушка

Как звали железного Эйфеля?
 Густав — густав, густав-
 густавгуст, «железный
 август в длинных сапогах».

Твой приятель мчался
 в джипе по ночному
 августовскому шоссе.
 Кто поставил фишку
 на милиционера?
 Приятель думал,
 что это белая фуражка.
 Подъехал, оказалось —
 фишка. Он выстрелил,
 не целясь.
 Белые фишки
 понеслись за ним.

Выигрыш — вышка.

ВОЛОДЬЯ ! ВОЛО ДЬЯВОЛДЬЯВОЛОДЬЯВОЛОДЬЯВОЛОДЬЯ
 ДЬЯВОЛ ДЬЯВОЛОДЬЯВОЛОДЬЯВОЛОДЬЯВОЛОДЬЯВОЛОДЬЯ

"Володя, зачем
 ви запирають меня ?"-
 интересовался инвестор.
 Дьявол Володя включил утюг.

БЛИН, КУДА НЕСЕШЬСЯ ТЫ, ДАЙ ОТВЕТ!

Дымящуюся стопку блинов, как стопку победных фишек, ты поставила перед американским гостем.

Икра — красная.

Скатерть — белая.

Гинзберг — голубой.

Прикольный триколор! Проглядывался в его голубизне бизнес небесный.

Сексуальный символ той поры, композитор К. играл нам и пел. Пришедшая с ним первая красавица Москвы сияла. Потом мы поехали на Таганку на семисотый спектакль «Антимиров». Ах, Таганка — бешеная рулетка семидесятых!..

Я сидел рядом с Алленом. В затылок мне дышал Композитор. Автора вызвали на сцену.

Сначала я поприветствовал гостя: «Люди! У нас в зале великий поэт-битник, борец за мир!» Аллен, близоруко щурясь, встал, роскошно-лысый как Карл Маркс, в грязном красном шарфе, наивный ниспровергатель военных блоков, Домостроя и Торы. Публика лупилась на великого.

Я читал на полную катушку. Мне хотелось, чтобы он увидел, как я прохожу не только в Америке, но и дома. Вдруг среди чтения я увидел, как Композитор, схватив за руки Красавицу, выбежал из зала.

Вечер был испорчен. Я погрузил запотевшие очки гостя в такси.

Утром меня разбудил звонок К.: «Ты знаешь, что этот твой ... борец за мир сделал? Он обернулся ко мне, прямо-таки залез в ширинку. Всенародно. Я не дал ему в морду только во имя дружбы народов».

И зал восхищенно глядел, что делает великий борец за мир.

«Он еще вынул свой язык, показывал какой-то пупырь на нем», — пожаловалась Красавица.

Через пару лет, летя из Австралии, я спросил: «Аллен, ты помнишь смуглого Композитора? Ну зачем ты это сделал? Ну влюбился, но почему не подождал конца чтения? А если для рекламы, то пойми, мы отсталые провинциалы, пуритане, ханжи, мы этого не понимаем еще...»

Аллен взглянул сквозь голубые очечки: «Я ничего не помню», — ответил он.

Я понял, что он ответил уже с той стороны иллюминатора — НАТО — НАТО — тора Тора Тора...

ИННА ЧУРИКОВА ЛЕТЕЛА НА ДРАНДУЛЕТКЕ

Достоевский играет в казино «Чехов». Против «Ленкома». В 66-м году он написал роман «Игрек». А кто «Икс»? — Наверно, Христос. Но неужели «Z» значит «sego»?..

Игра. Графиня-бабушка. Ирреал. Ла Скала. Германн. Наполеон. Полина. Бабушка. Де Грийе. Генерал. Проиграли Аляску. Сериал. Политика. Генерал. Расширение Альянса. Игра. Царь, прочитав, написал на рукописи: «ОК». Так и напечатали: «ИгрОК». «И грех», — отреагировал граф Толстой. «Горки-3», — уточнили ученички.

РУБЛЕВАЯ ЗАДОЛЖЕННОСТЬ ЛЕТЕЛА НАД РОССИЕЙ

Мы все должны всем. Мы люди долга. Я должен за электричество.

Игра в нашей крови. Это в нас кровь болеет.

РУЛОН ТУАЛЕТНЫЙ ЛЕТЕЛ НАД РОССИЕЙ

Его принимали за след самолета.

Русская рулетка
между нас сидела.
Курит сигаретку
женщина Елена.

Выстрелил любимый
ей в висок от дури.
Голову навывлет
просвистела пуля!

Не задела мозга
сказочная пуля.
Ты смеешься — «может,
у меня там пусто?»

Кругленьких два шрама,
как глазок над дверью,
звали не без шарма
в темноту и веру.

В русых завитушках
разместилась метка
более чем русская —
Божия рулетка.

Мело, мело по всей земле.
 Меломело меломело — мелом писали
 выигрыш и стирали проигрыш. Зеро, зеро
 по всей земле.

Тебя вело в тот вечер. Ты взял кредит у
 казино 2000. Выиграла 4000. Ты отыграла
 квартиру. Щемило под ложечкой. Тебя
 вело. Ты ставила на 19. Вокруг тебя
 росли стопки фишек, как пирами-
 ды. Не хватало коробок, чтобы
 их унести. Подъехали грузо-
 вые Волги. «Поставь на
 17» — кричал Тигра-
 ныч. Было двенад-
 цать часов
 следующего
 дня.

Тебя
 вело.
 Сердце
 летело,
 как на велосипеде.

Вело —
 velo-
 velovelovelovelovelove — l o v e.

Отель «Палас» — паласпаласпаласпаласпала

Вставь электронную карточку-ключ в щель двери — получишь счастье наличными.

За окном было небо и ствол сосны.

Над окном слева и справа, будто нанизанные на шпирную палку, стояли стопки фишек. Ты перевернула комнату как надо, чтобы стопки фишек стояли вертикально. Естественно, по закону страсти. Левая стена, естественно, стала полом. Люстры превратились в настенные бра. Дверь оказалась в потолке и, как люк, выводила в небо.

Естественно. Приучайся спать на вертикальной кровати, как спала Любовь Орлова, чтобы личико не отекало!

Зато окно оставалось на прежнем месте. Только сосна в нем висела горизонтально, будто бревно, которое нес невидимый Ленин. Слева от нее стояла стопка фишек. Они парили, можно было начать игру. Надо жить естественно.

отель палас паласпаласпаласпала
спаласпаласпаласпала с п а л а

Веди Мусеньку в кабинет.
Вруби музыку. Туши свет.

На замужество время нет.
Вруби музыку — туши свет.

Отъел пузо, цветной жилет.
Исполняем велосипед.

Все мы узники. Пьяный бред.
Мы играем последний сет.

Вруби музыку. Туши свет.
В Новокунцева места нет.

Ангел муки во мраке лет
включил музыку, гасит свет.

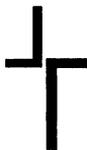
Ты вышла в дверь через потолок. Естественно.
Ты шла параллельно земле. Ты могла играть на клавиатуре березы.
Господь, успокой ее мятущуюся душу! Поставь на ее пути деревянный ворот сельского колодца. Его вертикальное старенькое колесо колесо противостоит горизонтальным игровым кругам. Напой ее из студеного ведерка, прикрепи к цепи. Упусти ведро.
Тебя упустили на дно, как ведро.

Русские — люди непредсказуемые.
Они поэты и киллера.
Непроницаема, как Казуки,
непредсказуемая игра.
Непредсказуемо папа с мамой
стали тобою. Мы — дети мглы.
Для предстоящей Иной программы
нас тренирует азарт игры.
Ненаказуемые прозренья
непредсказуемого козла.
Но над странкою, где оборзели,
дрожат жемчужные образа.
Зуммер мешал. В небесах играло
Бог поставил — Ему везло! —
на непредсказуемые рояли
принца из нищей страны-зеро...
Твои приблизятся невозможно,
у переносицы, где слеза,
как бесконечность или восьмерка,
непредсказуемые глаза.

Игра существовала до человека.

Один из трех друзей ударил меня
в спину.

Надо было угадать — кто?
Я обернулся. Вижу три улыбки и
три радостных кулака с поднятыми
большими пальцами —
три дружелюбных шестерки.

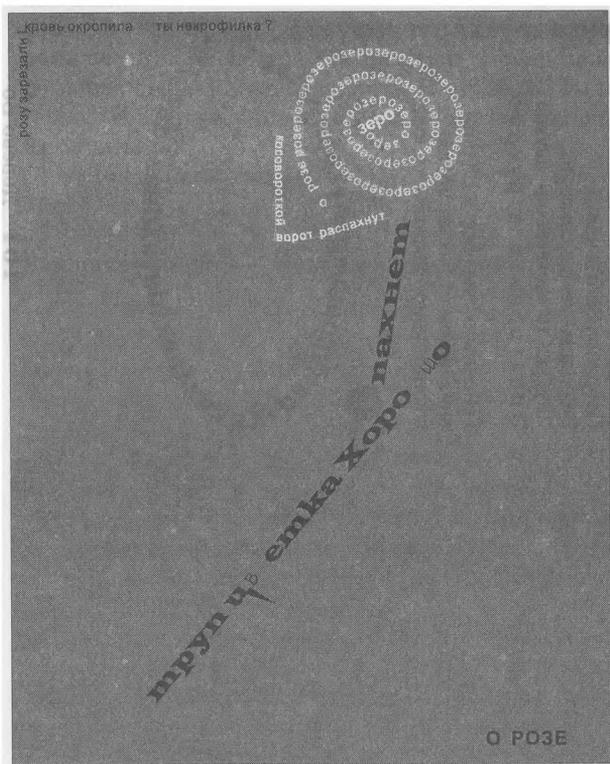
Сними со лба мучительные мысли,
невидимой фигуркой взяв в персты,
и христианским жестом шахматистки —
ходом коня
себя
перекрести.

ла. Ты поняла — это был не сон. «Любит, любит, любитлюбит-любитл...»

Самолет отлетал в 14.30. Ты приготовила глазунью из четырех ромашек. Потом, сопя и глотая слезы, складывала всю тонну ромашек стеблем к стеблю, стеблем к стеблю. Ты не хотела их терять. И на аэродроме ты стояла, обхватив как сноп их в своих объятьях.

Лепесток прилип к мокрой обгорелой скуле. Потом ее не стало видно.

Ромашка ромашка — мошкара мошкарамошкарамошкара.

- Что завещаешь
нам, старый
крупье ?

Соколка лимпена Арбатонический Дидас
Завершается круг мой. Завершается.
"Щераковская", Пролетели "Щераковская",
121 51 171 331 Все пропирать
и ставить до зари - 12! 5! 16! 33! Осторожно, Версае,
121 51 171 331 Неужто глянет череп
венчанки Самари, 121 51 171 331
121 51 171 331! Еще я должен за джинсы от
"Варшавская". Ставь опять и снова повтори - 121 51 171 331

- Ставьте крупней !

Горный град

Падают градины жаркого лета
 Все урожаи попортили, гадины!
 Разоруженье всемирных рулеток —
 шарики счастья, прыгают градины.

Ты без халатика мчишь сквозь картины.
 И из плечей твоих прыгают градины.
 Как отмечает английская «Гардиан»,
 были беременные от градин.

Из драгметаллов стоят мандарины,
 как пересыпаны нафталином.

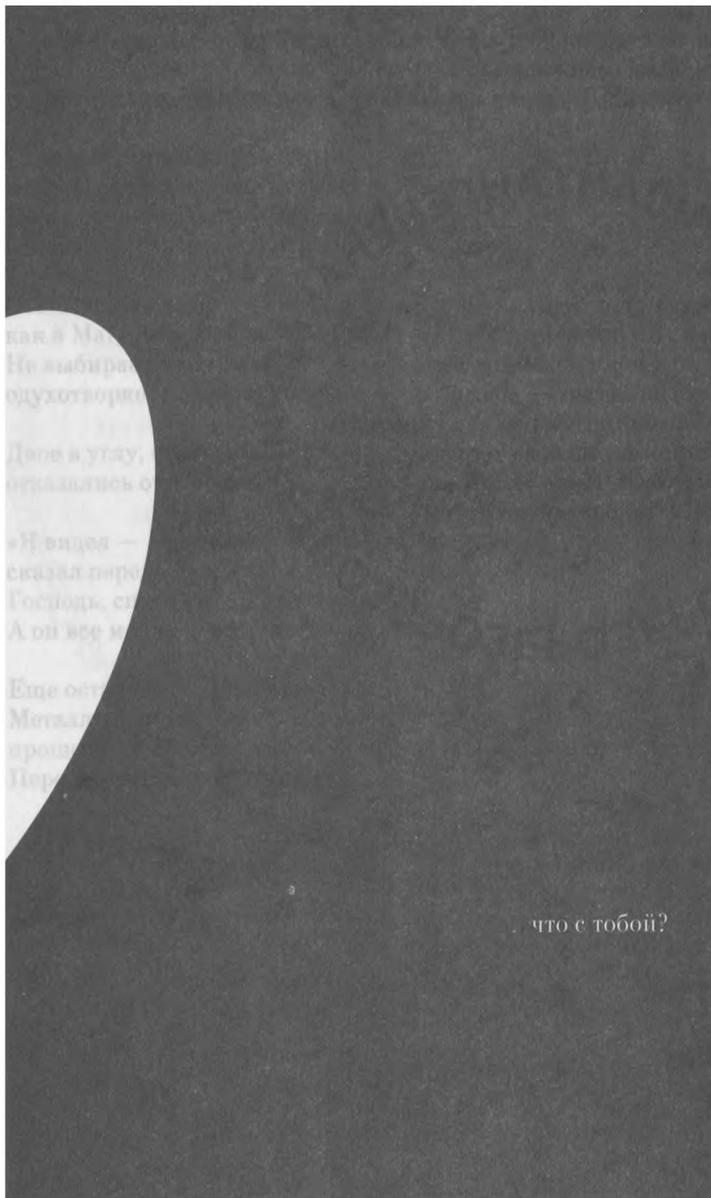
Прыгайте, градины дней наших краденых!
 Освободи от угара и ада,
 белогвардейский налет градопада!

Ад. Угар. Адугарадугарадугарадугарадуга

радуга

радугарадугарадугарадуга радуга радуга радуга радуга

ад уга

... что с тобой?

Тиграныч все не отдавал долга. Его заморозили в рефрижераторе для перевозки говяжьих туш.
 Причем тут казино? Не дилер же засовывал его в холодильник!

Эпоха глухонемая.
 Тону. По поэме круги.
 Друзья меня не понимают.
 А кто понимает — враги.
 На крыше антеннка, как скрепка,
 пришиллит из неба тетрадь.
 И нет тебя, Нина Искренко,
 чтобы было кому почитать.

Мела метель из фальшивых чеков.
В ночь на тридцатое декабря
вошел священник в казино «Чехов».
И прочитал нам два тропаря.

Татуированным и крапленным
он отслужил. Окропил углы.
Тебя окропил. Пригубил крепленого.
И пожелал счастливой игры.

Вошел священник в обитель блуда,
как в Магдалину вошел Господь.
Не выбирает вино сосуда —
одухотворяет из глины плоть.

Двое в углу, отвернувшись вдруг,
отказались от его услуг.

«Я видел — в четверг он играл в «Метелице», —
сказал передернувшийся другой.
Господь, спаси его душу мятежную!
А он все молился за нас с тобой.

Еще осталось, на что надеяться.
Металлоконтроль, как в аэропорту,
прошел он. И улетел в «Метелицу».
Перекрестивши нас на лету.

К Яру!.. рулили гости.

«Я рулетка! — вопила поддтая. — В меня закатился шарик. Я беременна от вечного времени».

Я — рулетка.

Я лежу на операционном столе. В каком-то соборе.

Кружится голова.

Я чувствую реставраторов над собою.

Почти вся Москва.

Поэт Бизнесенский с тремя трефовыми дамами,

Хандамов,

похожий на А. Н. Яковлева Сократ...

Я знаю, что когда-нибудь

ты придешь на меня сыграть.

Столетия стоят. Кто-то тычет штопором.

Неужели удалят Чечню?

Когда ставят на пупок Севастополя,

чувствую, сейчас чихну...

Лежу. Губернии расползаются.

Но холодком потягивает к утру.

Я слышу твой голос — полный абзац!

Тыходишь ломать игру.

Жарко шарик. Здесь все Останкино.

Но мне надоело лежать.

Я хватаю тебя за руки, всех расталкиваю

и — бежать!

Милая, как ты от счастья жмуришься!

В ужасе дамы трэф:

«Держите жмурика!»

Мы прячемся в левый неф.

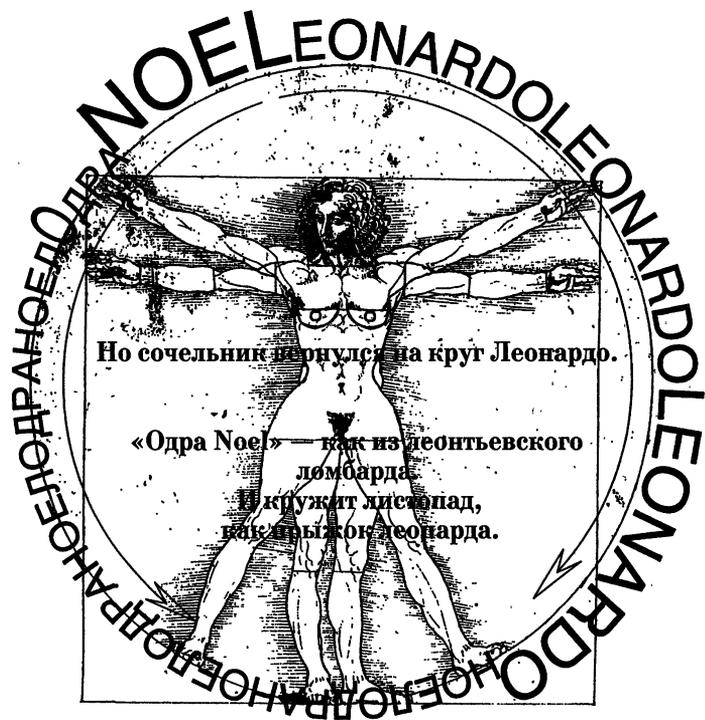
Мимо несутся менты и нимфы.

Столетия. Толпа.

Над тобой сияют рублевские нимбы,

как рулетки, поставленные на попа.

Я раскручиваю тебя обратно,
обрядно —

Эпилог

Я раскручиваю тебя обратно,
акробатно —

«А мрак?» — упираешься ты. «Карма», — откручиваю я.
кармакармакармакармакарМакар — Макар Девушкин?
Очень приятно.

Я раскручиваю тебя обратно,
возвращается первенец из аборта,
желтый особняк вылупливается из скорлупы Нового Арбата,
пленка крутится в аппаратной.

Я раскручиваю тебя обратно.
В чей скелет превратился телекс?
Возвращает наган свой Юсупов Феликс.
(и под ролик фрейлины пляшут фрейликс)
Соучастница случая, ты не рада?
Эмигрантка, вдруг в лагерь вернут обратно?
Осени крестом и сестру и брата.

Я в слова играю не для отрады —
я отыгрываю тебя обратно.
«Адидас», — защищаешься ты.
«Сади сад! Сади сад! Сади сад! Все назад».

Ах какой растет сад!
И в пруду скульптуры.
А Рута и верба — аббревиатура.
И гуляет какая-то Анеса пса.

Спасена! Спасена!

Против стрелки везу тебя на Восток,
где луга над озером, как Вудсток.
«Севан», — жмуришься ты. «Навес», — догадываюсь я
и натягиваю тент параллельно земле, чтобы ты не сгорела.

навеснавеснавеснавеснавеснавес — в е с н а!

С п а с е н а!

На спине твоей золотые пятна.
Говоришь: «Я вернулась в себя обратно.
И совсем не тянет в казино отвратное...»

А ночами свежо. Согревает шкалик.
И луна сверкнет на зрачке, как...

0

Вот все. Умчалась моя повесть,
как починивший крылья стриж.
Живу. Но все не успокоюсь —
«Неужто ты меня простишь?»

За нож, оставшийся под кожей,
за то, что спутал имена,
дурного игрочишку, Боже,
неужто Ты простишь меня?

Мы жили жизнью, Богом данной.
Но из всей музыки Его
есть Страдивари сострадания.
И больше нету ничего.

Спасите черемуху

Рев небес

Табун самолетов врывается в быт.
 От децибелов срывается плитка.
 Топот табунный. Топот копыт —
 Копыткопыткопыткопыт —
 П Ы Т К А!!

Съехал сосед мой, тех мук не стерпя.
 Корчи ребенка.
 Наши бомбят! Я не слышу Тебя!
 В сердце лопнула перепонка.

Душ состояние аварийное
 сна Переделкину не прибавило.
 Будьте вы прокляты, авиалинии
 дьявола!

Курс проклинаю, который мне сгрыз печень!
 В небе свихнулся упившийся вдрызг диспетчер.

Что же ты душу в расчет не берешь,
 свистом разбойничьим,
 брюхом касаясь невинных берез?!
 В поле завяли все колокольчики.

Крест на церковке нашей дрожит.
 И вопреки христианским инстинктам
 Просит у неба, целясь навскид:
 «Стингера!»

Рев не от демонов к людям глухих —
 А пассажирами брюхо набито.
 Одни несчастные глушат других.
 Вот что обидно.

Спасите черемуху

Спасите черемуху! Как в целлофаны,
деревья замотаны исчервленные.
Вы в них целовались. Летят циферблаты.
Спасите черемуху!

Вы, гонщики жизни в «чероки» красивом,
ты, панк со щеками, как чашка Чехонина.
Мы без черемухи — не Россия.
Спасите черемуху.

Зачем красоту пожирают никчёмные?!
К чему, некоммерческая черемуха,
ты запахом рома дышала нам в щеки,
как тыщи волшебных капроновых щеточек!

Ее, как заразу, как класс, вырубают
под смех зачумленный.
Я из солидарности в белой рубахе
сутуло живу, как над речкой черемуха.

Леса без черемухи — склад древесины.
Черемухи хочется! Так клавесину
Чайковского хочется. К вечеру сильно
и вкладчице «Чары», и телке в косынке,
несчастливым в отсидке, и просто России,
опаутиненной до Охотского,
черемухи хотца, черемухи хотца...

Приду, обниму тебя за оградой,
но сердце прилипнет к сеням шелкопряда.
Шевелятся черви в душе очарованной...
Спасите черемуху!

Придет без черемухи век очередной.
Себя мы сожрали, чмуры и чмуренихи.
Лесную молитву спасите, черемуху!
Спаситесь черемухой.

Ушел Великий чеченец.
Остался продлить дела
земной его порученец —
племянник — врач Абдулла.

Он пользуется в Подмосковье
со всей России народ.
Он пользуется любовью.
Он денег с них не берет.

Врач экстрасенсорен, молод.
Свинину не чтут уста,
но бабки в церковке молят
за Абдуллу Христа.

Когда Махмуд Эсамбаев
плясал, эротичней пантер,
клипсы, как замки с амбаров,
в восторге терял партер.

Меж наших танцоров пестрых
он возвышался как ферзь.
Папаха сверкнет как наперсток,
надетый на Божий перст.

Как шторм бескорыстных баллов,
пронесся король папах...
Людскую юдоль убавив,
теперь другой Эсамбаев
мальцу выправляет пах.

Каракульча Махмуда?
Капризный изгиб плеча?

Нас всех исцеляет чудо
танцора или врача.

Откуда же в сердце трепет,
как будто Божья рука
каракулевый пепел
не стряхивает с мундштука?..

Мы все — пациенты бездны.
Ужель среди враждебной мглы
чеченский в нас след исчезнет
Махмуда и Абдуллы?

Беженка

Беги, беги, беженка,
на руках с грудным!
На снежной дорожке бежевой
не столкнись с крутым.

Греби, греби, беженка,
к поезду, бегом.
Беги, беги, белая
береза за окном!

Под крики: «Бей черножопых!
Бей русских! Бей христиан!»
Кружись полосатым крыжовником,
зеленый Таджикистан.

Бедствие! Нет убежища.
Гоним к берегам другим,
ладошкой южнобережной,
махнув, убегает Крым.

Вьюгою центробежную
рвет нас до тошноты.
Ты — ближнее зарубежье,
и дальше — тоже ты.

Беги, беги от группешника,
сердечка уставший ком,
несись, спотыкаясь бешено,
по снегу босиком!..

Ротвеллером из лендровера
Ирод рычит: «Атас...»
Беги, беги, родина,
в ужасе от нас!..

Беги, беги, беженка,
беги, беги, бе...
Беги, беги, чудо Божие,
беги, беги, Бо...

Над лугом погибшим Бежиным,
по небу, в облаках
бежит от нас Божья
беженка с ребеночком на руках.

Лесной регтайм

С. Юрскому

Ку-ку —
миную Времени реку —
ку-ку-ку-ку-
читаю ли Матфея и Луку,
ку-ку-ку-ку-ку-
укушенный собаками бегу —
тебе не прозвонюсь через Москву —
ку-ку-ку-ку-ку-ку-ку-
лишь состраданье неба привлеку,
что клен приставив пятерней к виску,
помахивая мне, как дурачку,
меня диагностирует:
«ку-ку!»

Мы все — «ку-ку» — внизу, хоть наверху
Кухарка, слей чеченскую уху!-
ку-ку-ку-ку — ушу или Ду Фу —
чужие яйца отыщи в шкафу —
кукареку! — ку-ку-ку-ку из ху?
Куда? Отку... Откупорь бутыл-ку...
Прейску-иску-я рашен обеску...
Ку-ку-ку-ку — подобно пузырьку,
не капай нам всемирную тоску,
окультная пичужка на суку!..
Ку-ку-ку-ку-ку-ку-ку-ку-ку-ку-ку-ку...

Лишь в небе в акустическом цеху
Курехин оборвет свою строку —
ку...

— За что мои всходы растоптаны?
за что мое солнце зашло?
за что я не выйду из штопора?
за что?

За что мое сердце растлили?
за что мне проклятье дано
увидеть крушение России
и выжить при этом?

— Дерьмо!

За что?! Повались на колени,
молись человеческой судьбе
за магниевое мгновенье,
когда я являюсь тебе.

За что? Не торгуйся, как челядь.
За миг благодати земной,
что в эти тысячелетья
мы, милый, совпали с тобой.

XXI

Нынче время — крупных лаж,
краж, потерь.
Время — extra-extra-large
XXL

Прошлый век нам выдал марку —
«СССР».
Новый лидер носит майку
«Экс-экс-эль».

Выше всех на Новом годе
наша ель.
Мы живем по страшной коде —
XXL

XXL — НАШ
ПУТЬ
К ПОБЕДАМ.
ОТСЕЛЬ
ГРОЗИТЬ
МЫ БУДЕМ
ШВЕДАМ.

Мы — нейтрально элегантны
к грязи всей.
Мы — нитратные гиганты
XXL

У мужчин, как и у женщин,
та же цель.
Несогласные на меньшее —
XXL

Червячок в нас заголился.
Злит прогресс.
Дразнит антиглобализмом
Буквы «S».

Ни экс-Маркс и ни экс-Ельцин —
наш Устав.
Мы желаем, XXL-цы,
чтоб стал мир — большое сердце,
extra-love.

У деяги и у лявы
на обувке
Скрыты перпендикуляры
крайней буквы.

Мы, эпоху удивляя
Буре-натиском,
кажем перпендикуляры
«выкусь — накоси»!

Платите женщине

Женщине надо платить —
жизнью, а лучше наличными.
Как утверждают античные
Плбтин или Плотин.

Все оставляет блондин
золото на подушке,
гений забился в падучей —
женщине надо платить.

Деньги суммируют секс.
В женщину, словно в копилку,
суть свою юноша пылкий
вкладывает, и Ксеркс.

Женщине надо плодить
тайны и войны всамделишные,
грезы налогоплательщиков
в куртках на голое тело,
и тех, кто платить супротив.

Женщиной надо балдеть.
Пусть обвинят в пораженщине.
Платите женщине!
(Шкурой, когда вы медведь.)

Чем я тебе заплачу
за твоё чудо бесценное,
за поцелуй, за сцену
перед поездкой к врачу?

Как мы играли с тобой!
За щеку сунув динару...

И из тебя — из Данаи —
сыпался дождь золотой.

Как ты неординарна!

«Я — одорукий бандит!..»
Отхохочись до упаду,
став игровым автоматом.
Надо платить.

За этот аперитив
будешь, родная, расплачиваться
дном, унижениями, прачечными,
за все мужские палачества
женщине надо платить.

Бард в погонах

О. Рубежову

В чужеземных небосклонах
продолжается полет.
Бард в погонах, бард в погонах
мне об ангеле поет.

Ночь как чайная заварка
Наступает за окном.
Ночь темна как косоварка.
Только песня не о том.

И когда Анастасию
Называют не дыша,
будто душу занозили,
просыпается душа.

Предстоят такие стрессы!..
Чай, нельзя на посошок.
Дай нам водки, стюардесса,
по глоточку «on the rock».

И тревожно, и наклонно,
сделав ласточку, на нас
смотрит ангел,
за погоны
как за поручни держась.

Все мы не шарпеи,
Скорее дворняги.
Не люди-аллеи,
А люди-овраги.

Сейчас не дворянка
Мне честь оказала —
А полудворяга
По кличке Оксана.

Родители — самая
пьянь беспробудная.
Ютилась Оксана
с собакою в будке.

Херсонские плавни,
Галушки, вареники...
Дошкольница лает
на четвереньках.

Оксана, согрейся,
прижавшись щеками.
Оксана, скорее
в тепло меж щенками!

Тебе не читали
«Маугли» Киплинга.
Лишь пасти дышали
Как угли. Без дриблинга.

Земля въелась в руки.
Умом слабовата,
растешь ты неврущая,
как собака.

Каков беспредел,
когда в нынешнем мраке
от наших людей
нас спасают собаки?!

Игрушки кустарные
отодвинула.
А вдруг бы ты стала
Рената Литвинова?

Виновен кто? НАТО?!
Но мама собачья
тебе снится Найда.
Все ищет и плачет.

Пацанке не надо
ни Лёд, ни Данай.
Найда — найданайданай —
Д А Н А Й.

Прощай, ненайденыш!
Далекое — близко.
С луною на донышке
облизанной миски.

Постыднейший Гиннесс.
И Найды касанье.
Оксана, прости нас!
Не надо, Оксана.

Не дай нам, Господи, сорваться!
Нам слово Божее верни —
в мелеющую речь славянства,
в горячечную речь Чечни.
Чей мальчик в маске или в каске?
Он в Нальчике шел в первый класс...
Обертывается эхом Кафки
братоубийственный Кавказ?!
Спать не дают мне безыскусные
слова танкиста среди тел:
«Я не могу наматывать на гусеницы
женщин и детей...»

Очисти, снег

«Очисти, снег, страну,
сознание очисти.
Телеэкран души
зашкален от помех.
Мне непонятно, с кем
помолвлена отчизна.
Очисти душу, снег.
(На клавишах берез,
взлетев, сыграем «Чижик».
Все пьяные, как снег,
целуемся при всех.)
...В душе метет метель —
предсвадебный мальчишник?
Смертельно люблю снег.

Люблю ногами вверх
висящие кальсоны.
В морозе, как собор
из колоколен двух.
Очисти, снег, страну
неконституционно,
исповедью вслух.
Очисти, снег, страну
сейчас, без промедленья!
Не трогай, гнев, страну.
Пусть к нам слетит с небес
мольба объединенья.
Я снегу присягну».

Летальный лейтенант

П. Степанову

Трупами в Чечне
Вымощенный ад.
Текст исправил мне
мертвый лейтенант.

Парень с того света,
на мои мечтанья
имел право вето
лейтенант летальный.

«Вечного покоя»
нету, Левитан!
Не зарыт покойный
вечный лейтенант.

В трупах неопознанных
нашла его мать.
Он приходит поздно.
Не дает спать.

Я не бил в литавры —
почему ж он ждет?
Их не я в летальный
отправлял поход.

Мука винтовая
тычется в окно.
Все мы виноваты
неопознанно.

Ты служил в Самаре.
Сев на парашут,
женщину шаманя,
под гитару пел.

Таня ли, Наталья —
разберет Аллах...
Но снежок не тает
на его губах...

Будто в телеящике
мутно от помех —
полосы тельняшки
переходят в снег.

Как вопрос негающий
«кто виноват?»,
над страной летает
летальный лейтенант.

Милосердия!

Ложным кайфом дырявим вены.
Не досмотрим мы мыльной серии.
Дай нам, Господи, хоть мгновение
неотложного милосердия!

После Пушкинской, после «Курска»
перст горящий встает в Останкино.
Дай земным моим однокурсникам
хоть надежду, что жизнь останется.

Дай растерянной Маросейке,
папану в институте Сербского,
моим милым — и в «мерседесе»
и в метро пошли милосердия!

Поколения неминуемо
к свету выведут Моисеи.
Но сегодня, сию минуту
не выдерживает предсердие.

В небе нашем приклеен коршун.
Я на краткость судьбы не сетую.
Мы соседям башку раскрошим
ради мира и милосердия.

Мы, гражданские и военные,
небеса задымили серою.
Не даем Тебе ни мгновения,
Тебе, Господи, милосердия.

Мы сбрендили?!..
Загадкой плоского лица
наш Сфинкс похож на генерала Лебеда.
Таит непроницаемость Творца.

Пловец

Дай мне выплыть из бездн. Я забыл тебя, брасс.
Руки-ноги мертвы, бл...
Дай мне, Господи, выплыть единственный раз.
Дай мне выплыть.

Я любил в черной шапочке, как Фантомас,
вздыбить лыжами Припять.
Брасс мой, брат мой, предавший товарища брасс!
Дай мне выплыть.

Доигрался, «играющий чемпион»?
Рыбки детская киноварь
поумней, чем заносчивый черепок,
дай мне вынырнуть.

Сколько всплыло дерьма!
Ты одна, как луна,
тянешь в жизнь. Неужели
оказалось сильнее притяжение дна
Твоего притяженья?

Что-то стало со мною и со страной?
Жизнь — без выплат...
Изумрудная чайка над тяжелой водой,
дай мне выплыть!

На спине плыву устало.
Холодочек за спиной.
Эной пронзает золотой,
словно клипы «Супер-стара»...

Хорошо, что ты не стала
моей вдовой.

Пушторг

«Пушкин — это русский через двести лет».
Все мы нынче Пушкины. Гоголю привет!

Пушкин не читает в школе Пушкина.
Пушкин отрывается на Горбушке.

Пушкин лопнул банки, как хлопушки.
Кто вернет нам вклады? Может, Пушкин?

На спуске, на Васильевском, читают Пушкина.
Царь-пушку изнасиловали пэтэушники.

Пушкин современников учит воровать.
Как баночка с вареньем, укутан Арафат.

Пушкин, параноик, мне помог
отыскать в России пару Твоих ног.

Пушкин Прокуратору подставил шмару.
Пушкин аккуратно поджег Самару.

Кто спасет от падающих высот?
Может, только Пушкин и спасет.

— О чем печалишься, моя бесценная?

— Я вся бесцельная.

Мои родители — совсем не церберы,
жизнь офицерская, но бесцельная.

Мои приятели — фанаты Цеппелина,
натуры цельные, но бесцельные.

Скушны бестселлеры...

Была я целкою — хоть все не нравилось,
была какая-то целенаправленность.

Страна за церковью — с нормальным Цельсием,
не полицейская, но бесцельная...

И пес безухий, как брат Винцента,
воет талантливо. Но бесцельно.

Эпистола с эпиграфом

*Была у меня девочка —
как белая тарелочка,
очи — как очко.*

Не разбей ее.

Ю. П. Любимов

Вы мне читаете, притворщик,
свои стихи в порядке бреда.
Вы режиссер, Юрий Петрович.
Но я люблю Вас как поэта.

Когда актеры, грим оттерши,
Выходят, истину поведав,
Вы — Божьей милостью актеры.
Но я люблю вас как поэтов.

Тридцатилетнюю традицию
уже не назовете модой.
Не сберегли мы наши лица.
Для драки требуются морды.

Таганка — кодро молодое!
Сегодня с дерзкою рассадой
Вы в нашем сумасшедшем доме
решились показать де Сада.

В психушке уровня карманников
Садома нашего, позорища
де Сад — единственный нормальный.
И с ним птенцы гнезда Петровича.

Сегодня, оперив полмира,
заправив бензобак петролем,
Вы придуряетесь под Лира.
Но Вы поэт, Юрий Петрович.

Сквозь нас столетье просвистело.
Еще не раз встряхнете Вы
нас лебединой песней — белой
двукрылой Вашей головы...

Ругал вас критик мародером
и потрошителем гробниц.
Воспомяненье молодое,
на это только улыбнись.

Но мне иное время помнится,
когда крылатей серафимов,
ко мне в Елоховскую комнату
явился кожаный Любимов.

Та куртка черная была
с каким-то огненным подбоем,
как у архангела крыла.
Нам было молодо обоим.

Юрий Петрович, с этих крыл
той осени, отрясшей ризы,
уже просматривался стиль
таганского «юрреализма».

То чувство страшно растерять.
Но не дождутся, чтобы где-то
во мне зарезали Театр,
а в Вас угробили Поэта.

Минчанка*И. Халип*

Ирина, сирена Свободы,
шопеновской музыки,
забьют тебя без стыдобы
бронированные мужики.

По телеку племы и шабаш.
Свалив на асфальт, скоты,
«Шайбу! — лупили — шайбу!»
Но шайбочка — это ты.

За что? что живут не слишком? —
за то, что ты молода?
за стрижиную твою стрижку,
упавшую, как звезда?

Ты что-то кричишь из телека.
Упала, не заслонясь.
Отец твой прикрыл тебя телом.
А я из Москвы не спас.

И кто на плечах любимых
твоих, Ирина, плечах
почувствует след дубины?
ты ночью начнешь кричать.

Лицо твое вспухло, как кукиш,
Губы раскрасневая...
Ты встретишь меня. Поцелуешь.
А надо бы плюнуть в меня.

В тени неопознанной
есть подмосковный дом.
В нем под ножом сапожным
женщина — под ножом!
Повреждена не кожа
в маске мадам Роша —
просто ножом сапожным
повреждена душа.
Это на многом скажется.
Красен долг платежом.
В нашей стране, где каждая
женщина под ножом —
на ежедневной тризне,
где нелюбимым лжем.
А у любимых — трижды
женщина под ножом...
Вот почему так горестно
в поле, где этот дом,
воздух дрожит, как горлышко
женщины под ножом.

Диспут

— У вас «Смирнов» и у нас «SMIRNOFF».

— Но у наших орлов
вдвое больше голов.

— У вас нет тайги.

— И у нас нет тайги.

(Японцем спилена на торги.)

— У вас Ге, а у нас — Танги.

— У вас скорби, у вас Горби,
а у нас орхидеи в колбе.

— И у вас, и у нас есть посольства в Киеве.

— У вас самая лучшая в мире Хиллари.

— А у нас лучше киллеры.

— Принимайте белладонну, принимайте!
— Применяйте теплый шарф при променаде.
Принимайте зуботычины и мантии.
— А лечебный душ с любимой? — Принимайте!
Принимайте жизнь и верьте, Бога ради,
что ваш доктор отдыхает в Тринидаде.
По утрам не премините растираться.
На прощание примите христианство.
И пока не наорались, понимайте,
что молчание скрипично, как Амати.

Пара-шут

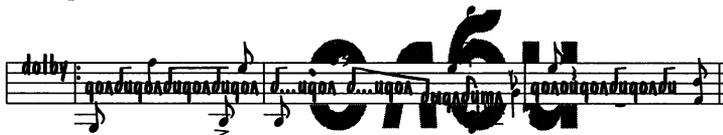
— Как живете, старый шут нового типа?
— Спасибо.

У народа зуд, зуд:
— С кем живете, шут, шут?
— С Макаревичем ел суп!
— Яйцо красит в перламутр...
— Башню Татлина ввернут
тебе в попку, как шуруп.
— Строишь виллу у Бермуд —
с каких ссуд?!

А народы ждут, ждут
миллион зеленых роз...
Я надену белый suit.
Я надену красный нос.
— Ишь, хохмит над беспределом.
Мы — в дерьме, а он весь в белом?!..

Парашют освоил он.
Шут летит над Азиопой
к Богу обращен лицом,
а к народу — пышной сдобой?!

— Чертик в колбе!

— «Сamel» вреден по Минздраву —
Перейдем на анашу.
Вместо маски карнавала
ваше зеркало ношу.

А кругом — пьяный снег
Параноев ковчег.
Ржет порнокопытный век.
Стой! Ноги вверх!

С неба сеет
нонпарель.
Кто Есенин?
ПараЛель...

Глазки, милая, открой.
Бог с Тобой? Шут с Тобой!

Есть ли что срамней души?
Есть ли что смешней рубля?
Соревнуются шуты
примерять колпак Кремля.

Если скажешь суть, суть —
тебе скажут: «Шут, шут!»

Клоун, он всегда alone,
хоть толпою избалован.
Одинок.
На прострелянных баллонах
дует с горки ледяной.

— У виска кручу палец с ухмылкой
не за тем, чтоб дразнить дурака.
Просто я зажимаю дырку
от пробитого пулей виска.

Экспромт*Ю. Полунину*

Клоун, где парик мочальный?
Snow show — шоу снов.
Упоительно молчанье.
Ангел говорит без слов.

С Интернетом не балуем:
унисекс — по-русски «унипол» —
униполуниполунипол — Полунин!
Полнолуние — лучший волейбол.

Не ищи нас, Интерпол.
Мы за клоуном ушли.
Самый лучший волейбол —
это волейбол души.

Меня речи радуют —
все! — до полоумия.
Но из всех ораторов
я люблю Полунина.

ВЕРНА
ЕМФИРА
ИФМЕ

Белый клоун

Черный траур — сердцу травма.
Но, как белая рояль,
существует белый траур,
будто белая печаль.

Наши карточки для паспорта
Божья — наискось! — рука
белой траурною фаскою
обвязала с уголка.

Несерьезностью момента
оттенья вечный шах,
белой траурною лентой
надеваю белый шарф.

Вот зачем бледнее мела,
зля ученого ханжу —
(все в дерьме, а я весь в белом), —
белоснежно выхожу!

«Птичий цирк»

Клоун обхотался кубарем.
Опупела публика —
Класс!

— Шампаневича нам откупорили.
— В Цирке ласточка завелась.
— Хулиганом небось подкуплена,
дебютантка, малыш, под куполом
о п о з о р и л а с ь !

— Чай, отечественное слабительное,
на английское денег нет...
Как прожектора сноп, в обители
очистительный брызнул свет.

Ржанья публика не сдержала.
Оборжался пиджак в дерьме.
Умирала до слез Держава,
опозорившаяся в Чечне.

Тяжко жить. К чему обличенья?
Все ложится на женские плечики.
Облегченья нет, облегченья!
Ты облегчилась.

Тяжек гнет, тяжела свобода,
Даже, может, — потяжелей.
Что естественно для природы,
неестественно для людей.

Понимали ее естественно
лев, пичуга и конь в пальто.
Где невольная дочь протеста?
Где она? Не знает никто.

Она птицею улетела.
Она ласточкою была.
Птице нет никакого дела
до условных добра и зла.

Я видал, как сверкнули крылышки —
чирк!..
С той поры шапито под крышею
называется «Птичий цирк».

Террорист доброты

Подобно антеннке сотовой,
поэзии стебелек
растет поперек горизонта,
общественности поперек.

Ты был агрессивен крайне
меж общества немоты.
Теперь меж всеобщей брани
ты — террорист доброты.

Одинокие твои муки
не ведал телеэкран.
Неверующие мухи
питались из твоих ран.

Под радостный вой округи
ты муки с крестом сверял,
где в горизонтальные руки
вонзался перпендикуляр.

Открытие в Новгороде памятника «Тысячелетие Руси»

Академику В. Л. Янину

Спадает простынь, как тусы...
Бунтарь, мастеровой, холуй
в «Тысячелетии Руси»
отлил в металле слово «икс».

Ни Царь, ни скульптор не увидел,
ни дам взволнованный журфикс,
что нес на лбу священный идол
три выпуклые буквы — «икс».

Вдруг что-то значит по-китайски
во лбу наморщенное «икс»?
Мне академик без утайки
расшифровал его эскиз.

Умолкли тосты и мортиры.
Но русский гений всех сгребал —
бессмертный и ненормативный
гудит опрарвленный в металл.

Быть женщиной

Луи Арагону

Быть женщиною — быть антимашинной.
Быт с женщиной — тяжел, как жернова.
Будь женщиной, родившийся мужчиной,
Спустивший на ботфорты кружева!

Сын бляди и начальника угрозыска,
он мстил тебе, изнеженный Риста.
И растопырит руки, как при обыске,
распятие Христа.

По вечерам, надевши черный котик,
лютуя белоснежной головой,
он вкалывал готический наркотик
литературе мировой.

И почему пред нами он таращится,
голубизною озарив глаза?
Целуя ручку как сухая ящерица,
он говорит: «Я Вас люблю, Эльза»!

Зачем он лифчик нацепил спросонок,
от счастья улыбаясь, как дебил?
Душа его — копилка-поросенок,
ее он ради женщины разбил.

Он гениален в макинтоше розовом.
А жецина есть, в сущности, душа.
Она — копилка с драгоценной прорезью.
И снова, нераскрытая, ушла.

Заканчивается монополия.
Ночь непонятна и темна.
И дышит в запрокинутое поле
великая голубизна.

Парашют

Зачерпывая стропами,
повсюду не из праздности
на вкус я небо пробую,
небо — разное.

Турецкое — с сурепкою,
испанское — опасное,
немножко с мушкой шпанскою,
над Волгой — самогонное,
похоже на слезу.

Цимлянское — мускатное.
Кто, в прошлом музыканточка,
задела неприкаянной
душою по лицу?

Зачем я небо пробую
над тропкой психотропную?
Чем ангел мне обмолвится?
Вам не понять внизу.

Владимирское — вешнее,
что пахнет головешкою.
Попробуешь — повесишься...

Но я и так
вишу.

Над Маросейкою — парасейлинг.
Нас тянет купольная Москва.
Есть изумление в отземлении —
не вниз, а вверх несут купола.

Так колокольный Ивана купол,
взвивая зодчего, высоты щупал.
От парашютных полос Блаженного
не вниз, а ввысь идет притяжение.

Рей над Россией, парасейлинг!
Тучи рассеются в благодать.
Мы не настолько опоросели,
чтоб к небу головы не поднять.

Учусь контролю над катастрофой.
Пучком, светящимся из спины,
из человека лучатся стропы,
что видно только со стороны.

Чем мне аукнется парасейлинг
в просевшем домике моем бревенчатом?
ПОРА СЕЯТЬ —
НЕРАЗУМНОЕ — ДОБРОЕ, ВЕЧНОЕ.

Я задираю башку обветренную,
чтобы успеть различить из ста —
под крайним куполом ремни набедренные
нас инструктирующего Христа.

Прощай, Аллен...

Не выдерживает печень.
Время — изверг.
Расстаемся, брат мой певчий,
амен, Гинсберг.

Нет такой страны на карте,
где б мы микрофон не грызли.
Ты — в стране, что нет на карте,
брат мой, призрак.

Нет Америки без Аллена.
Удаляется без адреса
лицо в жуткой бороде,
как яйцо в чужом гнезде.

Век и Сталина, и Аллена.
Шприцев стреляные гильзы.
Твой музон спиритуален,
Гинсберг..
Призраки неактуальны.
Но хоть изредка

дай знак мне иль Бобу Дилану,
чтоб потом не потеряться.
Ты — в пространствах дзэн-буддизма,
я — в пространствах христианства.

Слыл поэт за хулигана,
бунтом, голубою клизмой...
С неба смотрит Holy ангел —
Ангел Гинсберг.

Иду по небу на парашюте.
Катапультгируйтесь из нашей жути!

Лишь тень оранжевая, скользима,—
бросает корки от апельсина.

Я ног не знаю, я рук не знаю.
Лишь рвут предплечья ремни-гужи —
счастливый ужас парасознания,
абсолютной парадуши!

ОТСТЕГНИТЕ ПРИВЯЗНЫЕ РЕМНИ!

Иду минуту
без парашюта
элементарно, как «до-ре-ми».

Чайку подошвами не примни.
Мне не ответил Петр за дверьми.

Как голуби мира, грязны мои кеды.
Бонжур! Покедова!

Я понял истину, живя все годы,
где Кант, где Шеллинг, где дождик сеет —
не может быть на земле свободы.
Переходите на парасейлинг!

Где наши семьи? и где «Дом Селенга»?
Лишь свист осеннего парасейлинга.

Внизу фигурка идет по водам.
А хочешь — по небу походи.
Являйся небу, забудь заботы
над морем утренним в бигуди...

Какое небо под пяткой резкое!

И стало видно до древней Греции,
где купол неба над водной пряжею,
над человечеством овноедов —
парасознанием несет напрягшимся
онемевшего
Ганимеда.

Домой!

Пора! Дорожки свертывает море.
Домой — к Содому и Гоморре.

В приливе чувства безутешного
с тебя подводная волна
трусы снимает, словно женщина.
С тобой последний раз она.

Аренда

Рухнул мир Левиафана.
Мой последний закидон —
арендную у Литфонда
желтый дом.

Соскребаю всю валюту
и влагаю в развалюху.
Крою крышу, стены строю
на песке.
В страшный год — сажу левкой.
Строю собственность Литфонду —
не себе.

Снится штукатуру Насте —
НАСТЕНАСТЕНА СТЕНА.
«Плитка — плиткаииткаииткаииткаиитка...
«Капли-ит», — говорит она.

Все в разрухе — из афронта
строй, дурак!
Друг из Бруклина шлет фото,
мол, гуд лак!..
Мой адрес — мрак.

За заборчиком лимонным
растит репу и бурак
запредельный член Литфонда
Пастернак.

Не бросайте мусор у моей калитки!
Жгу я горы Мальборо — бедности улики.

Пусть вы даже Пушкин или даже Мусин —
у моей избушки не бросайте мусор!

Я взялся за гуж —
гуж гужгужгужгужгужгу — жгу...
целлофанов Гиндукуш
отдан красному флажку.

Мечется в поп-музыке пламя Сарасате...
У моей избушки души не бросайте.

Как мы счастливы с тобой, мы счастливы!
Молоко нам несут мычание.

И Христос, позабывши муку,
к нам по полю, смеясь навзрыд,
словно форвард, забивший штуку,
растопырив руки, бежит.

I

Рассвет. Седые истуканы.
Сны у кровати.
Начальницыны зубы из стакана
улыбкой розовели, как креветки.

II

Дети любознательны.
Ловили кошку.
Сбрасывали с десятого этажа.
Зарывали. Через пять дней бережно отрывали
щемящий изяществом белый скелетик.

III

- 1) Привяжите мясо к леске
 - 2) Дайте заглотать Жучке
 - 3) Тащите из желудка
- Шутка
- 4) Чем жутче, тем интересней.

IV

Когда Наполеон скрещивал на груди руки,
в Москве происходило короткое замыкание.

V

Муж тети Клары имел единственный в квартале
презерватив.
Утром стирал его в умывальнике.
Мы, найдя его, мазали изнутри горчицей.
Ждали, пока после полуночи из комнаты
Берты Львовны раздавался звериный вой.

* * *

Мотыльковый твой возраст
на глазах умирает.
Обратиться ли в розыск?
Обвинят в аморалке.

Каждый раз после встречи
мотыльковые чувства,
мотыльковые плечи
на руках остаются.

Матерком твоим чистым
и толковым уменьем —
тороплюсь облучиться
чудным исчезновеньем.

Свет толкущийся, тайный
над тобою не тает —
мотыльки улетают!
мотыльки улетают!

Жемчуга среди щебня.
Ландыши среди хвороста.
Расставанья волшебные
мотылькового возраста.

Едва просыпаюсь во мраке,
шуршит непонятный маршрут,
кроссовки, как белые раки,
как белые раки ползут,
суровые шейки шнуровок
шевелиются, спать не дают.
Опять ты сбежала с уроков,
красотка! И шлепаешь тут...

Ревет метро, как пылесос.
Бледнеют взрослые, как монстры.
Под кокаиновой пылью
дрожали ноздри.

И это крылышко с брильянтом,
и ноздри с белым ободком
притягивались хоботком
к беде, сладчайшей и приватной.

К чему фальшивые жемчужины?
Уже поехал потолок.
И лобик, мыслями замученный...
Лети, мой падший мотылек!

Не вызывайте «Скорой помощи»!
Тот хоботок неумолим.
И ноздри с чуткою каемочкой...
Ах, окаянный кокаин!

Летишь от наших низких истин,
от туалетного бочка —
небесная кокаинистка,
набоковская бабочка!

Гибель наркокурьера

*В белом сахаре калинка, кровинка моя...
в саду ягода калинка малинка моя...*

Ягодицы как Кандинский полыхают от огня.
В мотоцикле без глушителя отдыхают стремяна.

Спать положите вы меня.

Проводите гимном Глинки
с криминального Кремля.

Кокаин, кокаин — кокаинка моя...

Я давал надежды дозы
в вашем гибнущем саду.
Я возил студенткам грезы
в пломбированном заду.

Но в прямой кишке, как мина
увлекая в беспредел,
лопнул столбик кокаина —
мой любовник-миллионер.

Заждалась твоя калитка,
очи цвета чая Липтон,
и к косыночке прилипли
две кровинки комарья...
Украина — Сан-Доминго, непоимка моя.

Вера в жолобе сторела.
Накрывается жених.
Помяни наркокурьера,
молодой таможенник!

Помяните бестолкового.
Говорили главари:

«Не бери ты много в голову.
В жолоб тоже не бери».

Без копья семья в Кузьминках.
Миллионы ждут огня.

*Гори, гори, царица рынка, героинка, кокаинка,
укоринка моя.*

Кто в загадочной кабинке,
как и все перестрадав,
нос напудрив кокаином,
поплывет как астронавт?

Ах, студенточка — соломка,
обойдешься как-нибудь.
И Россия в страшной ломке,
воя, прет в последний путь.

Кружит рваные простынки
вьюга в белом забытьи...

Справь, студентка, кокаинка, поминки мои...

Пирсинг

В тебе живет сияние. Безжалостно
Из тьмы пупок проколотый мигнет.
Меж топиком и джинсами, как жалюзи,
Просвечивает солнечный живот.

Переход на «Пушкинской»

В переходе на «Пушкинской»
была пирсинга лавочка.
Твои щеки припухшие
украшали мы давеча

модным вздором серебряным...
Лохов девушки клеили.
И дрожали целебные
два колечка над лейблами.

Все казалось игрушечным.
Милицейский — без пушечки.
Вдруг со взором опущенным
ты выходишь на «Пушкинской»?..

Времена переходные...
Вместо лавочки с обувью
корчатся пешеходы
с вывороченными утробами.

У девчонки подобранной
шоком сдвинута психика,
и на ухе оторванном
три заветные пирсинга.

Будьте прокляты, рожи
фотороботов-призраков!
Спаси, Господи Боже,
мою девочку с пирсингом!

Нирвана

Я сознанию учусь параллельному.
Из Сииндзяна гуру мой с портфелем.

К потолку уплывают колени.
И нирвана дымит куренья,
Словно профили параллельные
Маркса-Энгельса-Сталина-Ленина.

Жизнь бежит за стеной молельни.
Параллельны мы, параллельны.
Поправели вы? полевели вы?
Параллельны мы, параллельные.

Параллельные окна завешены.
Параллельные женщины.
Параллельны мы, параллельные.
Нас поймут через поколение.

Над трамплином в небо смертельное,
как двуперстие на дороге,
взвиты лыжины II,
словно путь Николая II.

Что ищу на горе Поклонной,
в нимбах, демонах, снах неузнанных?..
Я ищу пропащую школьницу
в наушничках.

С рюкзачком она, как бойскаут.
Ее демоны не отпускают.
Ты во всем меня понимаешь,
как в наушниках Микки-Маус.
Как в нас демоны заревели,
когда встретились параллели!

Как зовут тебя в мире странном?
Ты не слышишь. Ты не ответишь.
Лишь мерцает сквозь суперветошь
имя вышитое: «Нирвана».

Называемая Нирваною,
моя школьница параллельная,
как минер, углубясь в мембраны,
ты смеешься:
«Нет мин. Проверено».
То, что раньше считалось — рано,
стало майками от Версаче.
Вранье взрослых переворачиваем
в палиндром — А НАВРИ, НИРВАНА.

Собираемся на Поклонной,
люди роликов, после школ.
Катитесь, Наполеоны,
на колесиках своих шпор!

Не на Лысой горе — на Поклонной,
не задев отставных полковников,
мы не варвары, мы не эллины,
мы парим, нирванопоклонники,
параллельное поколение!..»

Между пьяниц с глазами кроликов,
как прабабка твоя меж пьяными,
ты скользишь, королева роликов,
именуемая Нирваною!

Ах Нирвана, свобода зверская,
с синячками от банды сверстников.
Параллельны мы, параллельные...
Вас поймут через поколение.

AVE RAVE

Поэма

I

ЖИВИТЕ В РИТМЕ 217 УДАРОВ В МИНУТУ!

Рейв — это круто.

Скакал Блаженный в цветных бермудах
над снежной площадью. Рейв!

Рейв, Рейв! Перегрев.

Пить хочется! Выпью Волгу, Рейн,

Енисей, Лену — ленуленуленуленуленуле...

— На нуле я. Ну?..

Мужик, ссуди на один дрейф...

Моя «Девочка в автомате»? Мерзнет.

В туфельках почему-то.

Я стоял у Архивного института.

Я почувствовал 200 ударов в минуту.

Так я познакомился с мисс Рейв.

II

rave — raveraveraverAVERAVERave,

Это демон вышел в рейд.

Ангелочки Рафаэля

под фанеру пляшут рейв.

Контркультура экстази

не выносит экс-стеzi!

Мы летим в автомобиле.

«Милый, do you love Ravel?»

Я люблю «Ave Maria»,

ты врубила: «Ave rave».

— Вы что, шизануты?!

ДАВНО УЖЕ ТРИСТА УДАРОВ В МИНУТУ.

III

Задыхаясь от сердцебиенья,

ты говоришь мне: «Родненький!

Вы — алкоголиков поколение.

А мы — кислотники.

Вы бессердечны, как нотабене;

вы ракетеры —

сердцебиенье, сердцебиенье,
сердцебиенье — основа мира.

Меня спросили, мною беременея?
Спросили, Россию когда мочили?
Мы погибаем от сердцебиенья,
мы цифр мцыри!

Без тормозов понеслась моя «вольво».
Пить дай, Арбенин!
В гены вонзился клещ удовольствия —
сердцебиенье, сердцебиенье...

Мы — добровольцы нового дьявола?
Нет исцеленья, милые семьи...
Сердце обмануто новою явью
сердцебиенья, сердцебиенья.

Значит, кому-то нужно как минимум,
чтоб, осыпая нас конфетти,
тайные фетовские жасмины
вырабатывали амфетин?»

(Неясно, сколько ударов в мин..)

IV

Raverageragerageragerave,
неважно — русский или еврей,
быстрей, миленький, быстрей!..
Кто рехнулся в Третий рейх?
Ревет абзац со всех широт.
Бык Апис децибелы рвет.
В тридцать лет валитесь к ляду!
Только молодость чиста.
Миром правят ангелята
вместо старого Христа.
рейврейврейврейврейврейврейв!
андрейвознесенский воспой, не дрейфь,
автоматчицу в ритме рейв.
рейврейврейврейврейврейврейв!

Raverageragerageragerave

Я взглянул на часы: прошло четверть минуты.

V

Консультант моя по рейву,
 где тебя я раньше видел?
 Алый китель цвета «Дизель»,
 стрижка словно светофор.
 Над тобой незримо реет
 черный ворон, рейвен, рейвен,
 сколько он склевал царевен!..
 Весь он в черном, стиль Диор.
 На меня похожий рейвен,
 как сутулый парабеллум,
 что пугаешь малолеток,
 что ты пялишься в упор?
 Очень древен, точно Репин,
 что кричишь, бросая в трепет?
*(В переводе не уверен:
 что-то вроде «Беломор».)*

Что пугаешь афоризмом,
 стряхнув крылья, как Башмет?
 «Рейв, рейв — танец жизни,
 А ЦЕЛЬ ЖИЗНИ — ЭТО СМЕРТЬ.

Живите в грезах, как все живут:
 один уд. в 300 минут.

Мы все в отечестве, если честно,
 галлюцинируем. Но бессердечно.
 Неважно, кто куда расширяемся,
 мы все ширяемся.

Милиционеры галлюцинируют,
 убийств раскрытие инсценируют.

Парламент — это галлюцинации
 в гальюне нации.

Галлюцинирует матрона голая,
 верблюда вдевшая в ушко игольное.

И говорят, под Наро-Фоминском
 есть центр по выработке информ-морфина.

а Лунная соната расширяется на восток
а юные фанаты расширяются на запад

Ширак переводит Лермонтова
Нью-Йорк вверх ногами стол
Бог запил
виной оборачивается восторг

стрекозы целуются хвостиками как запонки

*есть третья реальность
где стол есть стол
но пока ее никто не нашел*

VIII

Что скажу, дитя-подруга?
Сам я вырвался из круга
чудом. Заварил мне Аллен
мексиканский мухомор.
Его пепел ветер развеял.
Может виртуален, Гинсберг?
В городах ведут и избах
рейв и рейвен вечный спор.
Пусть не танцевал он рейва,
он пророк сердцебиенья,
и над ним, как «Ave, Allen»,
«Ave gave» исполнит хор.
Что кричишь ты, ангел, дьявол?
«Ре минор» или «кор-хор»?
Ни нетто, ни брутто,
лишь бесконечность в минуту.

Я взглянул на часы: прошло три четверти минуты.

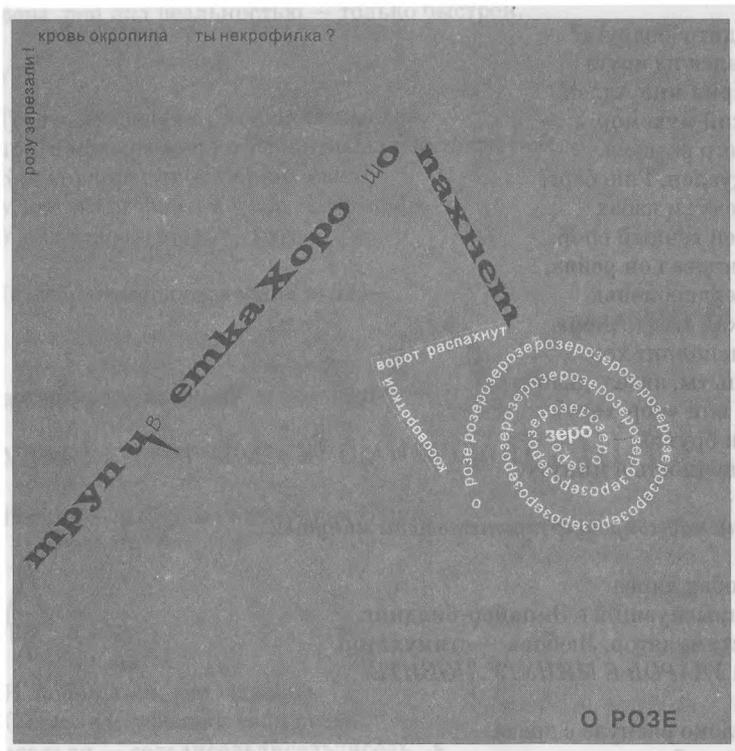
Это знает любая лярва
и парень, спрыгнувший с Эмпайер-билдинг.
Любовь — стимулятор. Любовь — стимулятор.
НА ТРИСТА УДАРОВ В МИНУТУ ЛЮБИТЕ!

Когда ты яблоко рванула с древа,
испуг белокурый уткнув в сирени,
весь Сад содрогнулся от первого рейва —
сердцебиенье, сердцебиенье.

Живите с Ивитой, с женою Мобуту,
используйте мужа вместо вибраторов,
но полюбите — хотя бы минутку —
без стимуляторов, без стимуляторов!

Меняйте прокладки в дирил-ксилите,
но только любите, как скрипка Менухина!
Врагов возлюбите —
лупите по 300 ударов в минуту.

Звонит из Лос-Анджелеса будильник.
Там погибает от дребедени
сердцебиение Боба Дилана.
Грибы съедают сердцебиенье.

IX

Мы все в себе убиваем детство,
 «Роялем» травясь, на Дали давясь.
 ГЕНИЙ — ЭТО ЗЛОДЕЙСТВО.
 Детство, мстя, убивает нас.

Как вы, взрослые, ее кинули;
 Экзальтированные вурдалаки!
 Детство отнявши у вундеркинда,
 все виноваты —

кураторши-куры, и дозы дури,
 дельцы, раскручивающие феномен,
 и весь итог мировой культуры
 в тебе виновен, в тебе виновен.

Разбившийся ангел с улыбкою кино?
 демон, лежащий для монтажа?..
 Господи, как они тебя кинули
 с пятого этажа!

Бутон на тумбочке. Мандарины.
 Мы все виновны, не разглядевши
 под взрослой мукою вундеркинда
 сердечко детское.

На койке больничной твой рот
 искусанный.
 Но вдруг не поздно восстановление
 сердцебиения неискusstvenного
 путем искусственного сердцебиенья?

X

Аве, рейв, сердечко, фантик?
 Где тебя я видел раньше?
 Может, ты была инфантой
 у Веласкеса, мисс Рейв?

— Помнишь, девочку убили?
 Во дворце меня родили.

И мальчишкой подменили
 в городишке масти трэф.
 Рейвен подлетал к могиле
 в вороном автомобиле.
 Я умчалась крошка-грех...
 В андеграундных прикидах,
 педофильские элиты
 набирают упырей.
 И в конце тысячелетья
 в малолетней русской леди
 бьюсь подсаженное сердце
 вроде Дорианы Грей.

Я приучаю тебя к стихосложению. Мы понимаем друг друга
 с полуслова. Вот первое стихотворение мисс Рейв:

«Вы нас духовно богаче, забулдыги-отцы.
 Вы сдавали многоцветные бутылки,
 А мы — одноразовые шприцы».

Убежав из дома, ты подружилась с бомжом. Он не имел места
 жительства. Бомжу звонили по пейджеру.

XI

Тут ты выворачиваешь себя
 наизнанку.
 Кишками наружу.
 — Это я!
 Этот мир мой внутренний.
 Гляди, на сердце царские знаки —
 след от любящего ножа.
 Бренчит печенка, как нумизматка.
 Почки фырчат, как будто нутрии,
 дрожа.

Трахеи. Трубочки удовольствия —
 страх селезенки. Влезает слеза
 по пожарной лесенке
 с внутренней стороны в глаза.

Как норка души,
под нательным крестиком
вилочкова железа.

Алые, трепещущие, лиловые.
Пульсируют розовые салюты
со скоростью тыща ударов в минуту
Это я?
Это мой анатомический театр,
мой разбившийся демон,
мои волнующие кулисы,
мои романы, страхи, убийства.

Что же вы все от меня шарахаетесь?
Вы что, накурились?
Это же я, Ваша мисс Рейв,
которую вы любили, вводили в компьютер,
хотели трахнуть.
Я люблю вас, я улыбаюсь вам всем.

Я улыбаюсь шесть на девять.
Я улыбаюсь девять на двенадцать.
Учись, Мона Лиза, говорить «cheese».
Губы больше мне не мешают.

Мои зубы сверкают, как Белый дом,
очищенный от копоты.
Сольемся в нездешнем опыте! Улыбайтесь.

Помню, я убежала к моему морю. До черного горизонта беле-
ли обрывки полосок. Пригляделась: это были зубы. Море ска-
лилось. Зубы, зубы! Я поняла: это море смерти. Плясали
оскаленные улыбки. Этот зарезал меня в зыбке! Луна сверкала
на пломбочках. Зубы хотели кусать меня, сожрать. Это был
рейв смерти. Ужас ударов в минуту. Мне стало весело и
страшно.

Береза в ночное небо уносится, как белозубая улыбка
в лифте.

Улыбнитесь мне, осчастливьте. Увеличьте число ударов.
На моей эмали розовеют отсветы сердца. Оно дышит, как грудь
без лифчика. Жарко. Я прощаю вас. Хочется просто тепла.

Открываю вам сердце, неприступное, как скала —
скала — скаласкаласкаласкаласкаласкаласкаласка.

Любовь — Ла Скала тела,

скала - скаласкаласкаласкаласкаласкаласкаласкаласкаласка

сердечко выскочило

улетело

в третью реальность

Осторожней! В небе рейвен.
Он нервен.

У него пустое чрево,
У, черва!
У, пика!
Бой. Дико!

Сердце бьется с сатаной,
черва — с черною каймою.

Рейв, рейв, рейв,
рейвен, рейвен, рейвен.
Бог. Кайф. Грех.
Рюрик. Рерих. Ленин.

Я нацеливаю ружье. У-дар! Кор-хор,
Люрекс скрылся за бугор.

Там Ванесса Редгрейв
выбирает красный рейв,
мировой пожар ревкома.

Рейв. Кома.

ХП

Ничего не предвещало.
На носилках увезли.
Больше в жизни обветшало
ты не выдашь новизны.

Ах, мисс Рейв, моя ломака,
Вера Чашкина в миру,
дикою соломкой маковой
ты сломалась на ветру.

Ты мне не объяснишь весну.
Кому я осень объясню?

Прости, сердечко оцепенелое!
Врач возвратит тебя, подожди,
Дистанционно сердцебиенье
реанимирующей нас звезды.

Боже, неужто и Ты без сердца?
Как все познать? Как понять, простя,
даже когда за убийством младенцев
явится сердцебиенье Христа?!

P.S.

Ариадны и Дианы,
Натяните лук быстрей!
Рухнул век как гладиатор,
Прохрипевши: «Ave, gave»

Но когда вижу — рубят сирени
Или рэйвфруты везут в участок,
Слышу твой голос: «Серцебиенье,
Серцебиенье — основа счастья».

Возвращение к морю

Я вернулся,
я вернулся в себя, я вернулся в тебя. Я вернулся.

Бороную
баттерфляем кишки и систему твою кровяную.

Как ты там без меня,
мое море, гуляло на шару?
Чьи во тьме имена
ты, отплевываясь, шептало?

Повернется волна —
бык с Европою в позе модерна.
Жизнь тесна,
а любовь безразмерна.

Я к Парижу
ревновал и к листве октября.
Ненавижу
твое платье за то, что оно обнимает Тебя.

Ливануло. Но я
только глубже ныряю.
Лучше снова с нуля,
чем опять конура с двумя общественными нулями.

Под волну поднырну
без спасательного жилета.
Я вернусь на волну
уже третьего тысячелетья.

Я — вселенский полудурок.
Бит Никиткой и тоской!
Вознесенский — переулок меж
Никитской и Тверской.

Невезенья квинтэссенция,
он не трасса, а тропа.
Здесь на Пасху Вознесенская
просияла Скорлупа.

Был он улицей Станкевича.
Нет Станкевича, увы.
Переулок он теперича,
что понятней для молвы.

По нему, минуя мэрии
темно-красную парчу,
опуститесь в век безверия
к памятнику Ильичу —

Петру Ильичу Чайковскому,
что презревши суицид,
точно мучимый щекоткою,
на скамеечке сидит.

И красавица из местных,
Не уехав в Эмират,
в Вознесенской лавке крестик
сладко будет примерять.

С тьмой литературных урок
разберусь я вдругорядь.
Вознесенский переулок
не переименовать.

Давай с тобой зашторим створки
в монастыре «Шести сестер».
Крестообразною отверткой
застыл костел.

В саду не тронуты куверты.
Не дует. Не летит пыльца.
Антверпен полон антиветром.
Мысль не выветривается.

И сад, недвижимый как и прежде,
слепыми слепками белел.
Их пустотелые одежды
хранили очертанья тел.

Обучимся обыкновенью
жить внутренне, не напоказ
в остановившемся мгновенье
неважно до иль после нас.

Чей зрячий посох ищет руку?
О чем тоскует трансвестит?
Антропосовская разлука
в нас раковиную гудит.

Напои меня вином —
Темно-красною свободой,
напои меня собою —
в рот набрав «Сент-Эмильон».

Напои меня виной,
холодяще, эротично,
все другое — еретично.
Нови, нови нет в ином!

Все фужеры я давно
перебил тебе на счастье.
Обучу тебя причастью
пить взаимное вино.

Научу пить из горла
вкус малины и канцоны —
антирадиационно
Геба ты, а не герла.

«С Новым годом!» повторим.
Неужели, неужели
твои женские фужеры
не новее всех новин?!

Жизнь — короткие вакейшны.
Нам завещано одно —
пить из губ любимой женщины
монастырское вино!

Рукавами кимоно
утро сужено в окно.
Нови, нови нету — но
есть вино, вино, вино.

Это больше, чем романы,
и терзаний миллион.
Мы — отпетые гурманы,
я люблю «Сент-Эмильон».

Новый год — какой наив!
Век какой? Не все ль равно?..
Нет новин, новин, новин,
есть вино, вино, вино...

Жемчужинка

Очнись, жемчужина — мое тайное
национальное достояние.

Нас разделяют не расставания —
национальные расстояния.

Глаза выкальывая стамескою,
плача над беженкой Кустаная,
мы — достояние Достоевского,
рациональное отставание.

Мы, как никто, достаем свою нацию,
стремясь то на цепь, то на Сенатскую.
А ты живешь иррационально —
с глазами отсвета цинандали.

Душа в подвешенном состоянии,
как будто чинят «жигуль» над ямою.
Вокруг все тайное стало явное,
в тебе все явное станет тайною.

То сядешь с телеком на ставку очную,
а то в истерике дрожишь до копчика.
Живи, как хочется, ну, а не хочется —
«Вот дверь, вон очередь...»

Я плач твой вытер. Сними свой свитер.
Не рвись в Австралию и Германию.
Я не хочу, чтоб ты стала интер-
национальное достояние.

Бездна

Страшно. За колонкой бензо
ТЕМЗАТЕМЗАТЕМЗАТЕМЗАТЕМЗАТЕМЗАТЕМ

Что за тем? За темью — темь.

Плачет младенец голенький.
Храм возведен разрушенный.
Боже, прости Раскольникову
еще миллион старушек!

Молятся две пеструшки
Ему или двум разбойникам?
Боже, прости старушке,
что соблазнила Раскольникова!

Темная фигура

Шахматы начинают и выигрывают.

Они съели все фигуры, весь офицерский корпус, черные и белые, они съели чемпиона и претендента, машину IBM, пол-Каспарова и остальные полчеловечества.

Не зажигайте в окнах свет — они проникнут в квартиры через белые квадраты окошек, не тушите свет — они проникнут через черные квадраты.

Малевич распался на суверенитеты.

ХАМЫ НАЧИНАЮТ И ВЫИГРЫВАЮТ

Королева зевнула офицера.

Русский мат — X — угрожает Европе, X похож на знак умножения, X зачеркивает крест-накрест ценности в супермаркете.

ХОХМЫ НАЧИНАЮТ И ВЫИГРЫВАЮТ

Мы с тобою играли в Шахматове.

Вместо закатившегося под скамейку короля ты поставила губную помаду, вместо туры — огарок свечки. Шах! А где твой король?!

— Не ревнуй. Должна же я поправить губы.

Ты загорела. Ты — темная фигура. В тебе сумерки подсознания.

Темен загар твой и одновременно светел. Я обучаю тебя черной и белой игре.

Согни Нью-Йорк пополам квадратами вверх, внутрь доски засыпь фигуры, белых сенаторов, черные блюзы, манхеттенский «Chess club», статую Свободы — ну и сэндвич интеллектуалов!

ШАМАНХЕТТЕН НАЧИНАЕТ И ВЫИГРЫВАЕТ

США — это СБА, СНГ: С — это слон, Н — это клетка, а что такое Г? Ах, это ход конем... Кентавр — это конь верхом на Екатерине Великой, как рассказывала выпускница Сорбонны.

Конь Калигулы ходит свастикой.

Помнишь мое посвящение Аксенову:

Глядь!

Кобылы Дунька, Судьба, Конь Блед...

От безысходности я отнес рукопись в правоверную «Лит. Россию». Редактор К. Поздняев тайно любил стихи. Рискнул напечатать. Он пришел домой, разбудил жену, стал ей читать публикацию:

Глядь!

Кобылы Дунька, Судьба, Конь

«Блядь!» — вскричал из-под одеяла малолетний Миша, будущий поэт Михаил Поздняев, пораженный радостью рифмы. «Блядь», — ахнул изумленный редактор.

МАХИ НАЧИНАЮТ И ВЫИГРЫВАЮТ, ведя сеанс одновременной игры.

— Вилка?! — парируешь ты, — это королева на штыке революции. Королеву на эшафот! Каждая может управлять государством.

— Шахматы — это нашинкованная зебра, — объясняю я.

— Зебра — это вегетарианский тигр, — парируешь ты.

А жирафа — выросший мухомор.

ЧЕРЕПАХА ВЫИГРЫВАЕТ БЕГ ИСТОРИИ

Мы с тобой играли в Шахматове.

Ты проиграла плащ, сняла шелка и туманы. Но опять проиграла.

Я догадываюсь, что ты жульничаешь, чтобы проиграть.

Ты осталась в одних контактных линзах. Опять проиграла.

Ослепла. Пошла вслепую. Опять проиграла.

Раба чести, ты снимаешь свою темно-золотую кожу. Вот вам!

Сейчас мы увидим, что у тебя светится внутри. Ты сидела смущенная, как ало-сизый анатомический театр, пульсируя изнутри, как мигалка автоинспектора. Опять проиграла.

Ты отстегиваешь левую мерцающую икру и шлепаешь на стол — нате, жрите! Мы съели. На стол летят печенка, почки, светящаяся вырезка с седалищным нервом. Мы съедаем. Наши желудки временно светятся. Ты наливаешь черный кофе в коленную чашечку, выпиваешь и бросаешь нам. Я замечаю, что живот у шныряющей тут кошки начал светиться.

МОХНАТЫЕ НАЧИНАЮТ... Сквозь пучки нервов, проводов, штепселей уже поблескивает кость. Но внутреннего сияния ты не проиграла, душу ты не проиграла!

И тут, мазохистка, ты начинаешь отыгрываться. Тусклые мышцы впрыгивают в тебя, светясь от счастья, цепляясь, как

за подножку трамвая. Ты надеваешь контактные линзы. Ты счастливо озираешься. Темен загар твой и одновременно светел. Но что это дышит, забытое на тумбочке? Подобно скользкой лягушке, мерцательно пульсирует и пробует скакать? — Ах, сердце...

Мы играли с тобою в Шахматове,
В пыль алмазную вверх тормашками
белой махою, черной махою
тень ложилась на луг ромашковый.
От шампанского мозг пошатывало.
У колонн, где вьюнки усаты,
мы с тобою играли в Шахматове,
где давно никакой усадьбы.

АХМАТОВА, ПРОИГРЫВАЯ, ВЫИГРЫВАЕТ

Когда я обдумываю ход офицера, в мозгу моем пахнет лесным клопом, черная королева пахнет черемухой.

а5, Шопен не ищет выгод

удлиняя клавиши, Шопен проигрывает этюд Чигорина. Электричку потряхивало. Дорожные шахматы — это любовь лилипутов. А может быть, это — тир профессионалов, с дырочками точно по центру? Все ряды прошиты Калашниковым.

ШАМБАЛА НАЧИНАЕТ И ВЫИГРЫВАЕТ

Сетка полей минирована. У кого в кулаке пешка — тот ходит. А если в кулаке свинчатка?

Россия — родина шахмат. Не только слонов, но и офицеров. Не так-то просты наши лапти! Это портативные клетчатые доски для игры. Пошел. Поиграл. Подумал. Опять пошел. Бортики защищают от ветра. Правда, клетки одноцветные. Белые или черные. От времени. Но это лишь усложняет игру ума. Магнитные лапти притягивают нас к земле. Опти-лапти. Балетки так и называли: «la petit» — танец маленьких лаптей. Постановка Ролана Пти. Опти-лапти. В берестяных лаптях, как в люльке, вызревает ум. Не лапотные, а шахматные. Мат — триумф нашей национальной школы. У меня мозоль на уме от забившейся в носок пешки.

Папаха Махмуда танцевала над пешками, делавшими фугте.
 Перевернутая ладья катила на роликах. Шумахер прошел по
 краю поля. Король оказался крапленным.
ЧЕХАРДА НАЧИНАЕТ И ВЫИГРЫВАЕТ

«Там, где ступал мой Конь, не растет трава» (Аттила). Трава
 растет теперь, где ступал конь Аттилы.

Кре2Кре3Кра...х

Ты открыла мне смысл даты смерти Набокова: 1977 (в сумме
 24), что равняется жизни Марселя Дюшана 1887—1968.

Тоже в сумме 24, т. е. 2Т). 24 — это три восьмиклеточных
 поля, на двух расположены реальные фигуры, а на третьем —
 пока невидимые нам, сюрреальные.

Ты и имя гениального Филидора прочитала, как ход Ферзя —
 туда и обратно: «родили, Филидор?»

Мы думали — чирый, а это пешка вылезла!

На день рождения ты мне подарила фигуры, вырезанные в
 виде ангелов. Белые ангелы против черных. Ферзь светился.

Видно, был покрашен по золотой подложке.

БОГОМАТЕРЬ НАЧИНАЕТ И ВЫИГРЫВАЕТ

Странные это были шахматы!

Темная сила любви была источником света. Встречные тени
 твоих фигур смешивались с моими. Все проблемы решались
 лежа.

Были ли у меня соперники?

Когда я вглядываюсь в доску, я чувствую встречные взгляды.

Доска превращается в витрину-продажу солнечных очков.

Пошла мода на прямоугольные! Г-З — Н-З — это очки Элтона
 Джона. Или Стинга?

Ты — Мата Хари инстинкта.

Один твой поклонник штемпелевал поля турой, на доске ос-
 тавались круглые орлы. Я заметил, что такая же отпечатка у
 тебя на правом плече в виде татуировки.

Почему александрийский белый стих просвечивает сквозь
 нашу чернуху?

Темен загар твой и одновременно светел. Говорят, ты вышла
 из полусвета.

Предупреждали тебя — осторожней шагай по полю. Тебя мо-
 гут затянуть в черный люк. Так погиб Иоанн Грозный. За
 шахматной доской. Он получил магнитный заряд, когда пере-
 двигал ферзя. Пошел IG-GI. Тут его и пригвоздили, как по со-
 товому телефону.

Но ты не вняла предупреждению. Ступила.

Ты провалилась в шахту подсознания.

Х...

ШАХТЫ НАЧИНАЮТ И ВЫИГРЫВАЮТ

подземная тайная сила

Больше я тебя не видел.

Ах, наркотические черно-белые цветы, превращающие нас в нереальные цифровые комбинации! А вдруг они и есть реальность? А мы лишь физиологические иллюзии?

Когда я сильно думаю о тебе, мне на лоб прыгает доска, за ней фигура. Неужели весь мир на магнитах? К сердцу присосалась, как пиявка, черная пешка.

Между тем столетие в цейтноте. Заканчивается партия «Набоков—Марсель Дюшан». Твоя ушанка — без головы. В метро шархнуло!

Кто оспаривает первенство в матче между отцом Гаты Камского и мамой Гарри Каспарова?

Не ты ли подсказала алогичные решения игроку против машины? Ревную. Мне тесно в клетке разума. На свой выигрыш от проигрыша машина хочет Клавдию Шиффер. Не от тебя ли свихнулся Бобби Фишер?

СУМАСПЕДШИЕ НАЧИНАЮТ И ВЫИГРЫВАЮТ

Кегельбаном бы по фигурам! Лучше бить углом доски! Дважды мат XX веку — мат разуму и мат надежде.

Между тем паркетины вспучиваются, как безумный кроссворд землетрясения.

Я не знаю, чем опять беременна Россия, но абсурд — Богоматерь истины.

абсурд добра

И на самом краю доски вдруг зажегся огарочек Твоей свечи.

Наверное, самовозгорание.

ТЫ ВСЕГДА НАЧИНАЕШЬ И ВЫИГРЫВАЕШЬ.

Особенно когда проигрываешь.

Темен загар Твой и одновременно светел.

Я обучаю Тебя черно-белой игре.

Посланица полусвета, полукровочка подсознания,

свет Тебя начиняет. Этим Ты и выигрываешь.

Бровь нахмурится над спецовкой.
Пальцы вечностью затекут.
Илья Муромец васнецовский
отдает пионерский салют.

И Димитров на Якиманке
в кулаке, нашибав рубли,
поднял кружку пива. Но панки
кружку, видимо, увели.

Гамаюн надевает джинсы.
Третья Стража уходит в рейд.
Оживают иною жизнью.
Как бы в эту жизнь penetrate!

Это Нерль в небоскребе
проветривается?
Стоп!..
Возмущая во мне поэта,
из меня проступает стиб.

В карбюраторе ржут россинанты.
Не хочу быть в толпе комет!
Я хочу к Тебе, россиянка,
без которой России нет.

Без которой не разобраться,
без которой страсть — велотрек,
без которой жемчужным блядством
обернется Тулуз-Лотрек.

Чемпионы новой веры
мчатся, галок распугав, —
VELO-VELO — ПРИМАВЕРА! —
VELO-VELO-VELO-LOVE.

Повело кота налево!
В Думе полевел состав.
Многоженство просвистело —
VELO-VELO-VELO-LOVE.
Душа рвется из физтела.
Завихренье в головах.

Трассу пробуем, набывчась.
Не пойдем, ни Ты, ни я,
неземную необычность
головокружения.

Эй, любовники пространства!
Крутит цепи бытия,
в руль, как кот, вцепившись
страстно,
жуть горизонтальная!

Где камейка? Курит травку.
Позабыла свой анклав.
Не скамейка, а таке-лавка.
VELO-VELO-VELO-LOVE.

Все велюровое лобби,
шеф, руководитель лаб,
машут шляпами с дороги.
Сердце переходит в ноги.
VELO-VELO-VELO-LOVE.

Вешний паводок пронесся,
любопытных раскидав,
Из сугроба дрыгнут ножки,
Точно дужки от оправ.

Руль бодается рогами,
шины пробуют настил.
Так на раме вверх ногами
бык Европу увозил.

Было все. Сирена выла.
Разбиваемся стремглав.
Руль вонзался в грудь, как вилы.
Velo-velo-velo-love.
Христианство — костоправ.

Запад — ложь. Восток — химера.
Западло по части прав.
Побеждает только вера —
Вера — velo-velo-love.

Уважаю Челентано —
извините за троизм, —
он войне предпочитает
сексуальный терроризм.

Кривой мести изуверство
Ты, весна, останови.
Воскресенье — это верба,
месть великая любви.
Мир вербальный не узнать:
верба — дочь, вербена — мать.

Прозевай нас, Азazelло!
В белокаменных церквах
проведена примavera:
velo-velo-ax!

Love you, город златоглавый!
Love you, солнце на щите!
Мы уходим от облавы
по просохшему шоссе.

Обовью тебя любовью,
христианством смерть поправ.
Остальное — суесловье.
Velo-velo-velo-love.

Любо сердцу на балу,
даже биться перестав:
«Я болю-болю-болю»
Velo-velo-velo-love.

*«I love you» — вся общественность взъярилась.
Я — вирус!
Но я видал общественность в гробу —
«Я вас люблю».*

*Люблю с зубцами ласточкины стены.
И платья твоего арбузный вырез.
Я вирус, разведующий Системы,
я — вирус.*

*Мое письмо по электронной почте
получишь. И семь раз переписав,
улучишишь почерк, и избежешь порчи,
и вирус переищешь по адресам.*

*Я вас люблю, великие ублюдки,
www.ru, заложники вранья!
Как любит инвалид свои обрубки,
как любит полночь вирус соловья.*

*...«Я вас люблю». Так плачет над Манежной
комарик, малярный херувим:
«Я вас люблю так искренне, так нежно,
как, не дай Бог, любимой быть другим».*

ЧАТ

Поэма

www.салют.ru

Первое посвящение

— РУСЬ, КУДА НЕСЕШЬСЯ ТЫ?
ДАЙ ОТВЕТ
— В INTERNET!

Второе посвящение

Я вышел в сайт. Он резонанс собора
напоминал. Он полосат. Плыву.
Я вышел в чат. За зубьями забора
заговорили вирусы «love you».

Я вышел в чат. Он был куда реальней,
чем зоосад наш или же Мосад.
Плыл Моцарт вверх ногами на рояле —
мой сайт.

Я вышел в сайт. Пельмени, как Сатурны,
лица касаясь, в невесомости висят.
Надежда, что казалась авантюрна, —
мой сайт.

Я вновь благодарю Тебя, Всевышний,
что в сатанинский рай, точнее, в ад —
мне стало душно в комнате — я вышел
в Твой сайт.

А если вас, ушибленных, досадит
вниз головой фасад,
не приходите поиграть в наш сайтик —
в мой сайт.

Я — сальто перевернутой отчизны.
Я — старый клоун. В клюкве, не в крови.
Я вышел в чат. Страна, поговори!

Ты, ставшая любовью моей жизни,
определяешь жизнь моей любви.

Третье посвящение

Тебя не сберегли.
Я в душу соберу
седьмую часть Земли
с названьем кратким — ги.

Чат 1

Только выбегу поутру,
с горки с выгибом посмотрю:
за Рублевским шоссе — ги,
и в брусничном бору — ги...

Коррупцированная ги,
поруванная моя ги,
рулевая моя ги
с кликом Врубеля в миру!

Хорошо ступать на грабли!
Считываю на ветру
смысл кардиограммы — дабл ю —
www.gu.

Я люблю три дабл ю ги,
www — три струга Рюрика?
и гармошка ввечеру?
33 коровы? — вру! —
три короны и секьюрити —
ЦРУ и ГРУ.

Нас ги-банки
обстругали, как рубанки.

Моя белая рубаха
ночью по небу летит —
мессианскими ги Баха
дирижируя навзрыд!

Ru — бяка?

Хороши Нью-Йорк, Бейрут и Каунас —
но нигде так не воруют, как у нас.

Как ругаем мы себя за рубежом!
Зато веруем. И душу бережем.

www.зарубежье.ru

www.группировка.ru

www.трубадуры.ru

«Раздолблю!» — вопит дура ru.

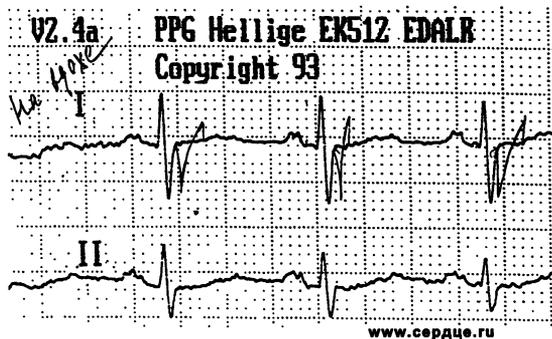
Порубленную мою ru
не зовите к топору!

Чат 2

Государствами правят кухарки.
Молодые бегут в инет.
В закодированной доблести хакера,
в тайне смеха — позорного нет.

Что в сердечке Твоем, моя хакерша?
дочка ги? выпускной спецкласс?
Утомившийся хризопраз.
Несмотря на защитные хартии,
устают хрусталики глаз.

Ползарплаты — на парикмахершу,
ты победно, как будто картуши,
носишь локоны: «Смерть фуфлу!»
Что ж, листая странички Hangers'a,
дышишь тяжело, будто Фру-Фру?
В твоей кардиограмме, хакерша —
www.господи!..ru

www.высоцкий.ru
www.рулетка.ru
www.Пушкинская.ru
Нужны новые гуру.

Чат 3

Осторожно! Бокалы не кокните —
слепки с бюстов Антуанетт.
Интерьеры терра инкогнито
называются internet.

Что хотел, как яйцо, бритый гладко,
ваш компьютерный инженер?
Видно, всмятку мозги имел,
медицинским плакатом матки
обустроивая интерьер?

Словно красная карта Родины,
нежной страсти его предмет
не укладывается в пародию
на начальничий кабинет.

Спец по видео и халявщик,
по-младенчески безволос...
— Его, видите ль, «вдохновляет»!
Понеслось!

«Отвратительно! Круто! Знаково!»
Содрогнулась, возмущена,
выворачиваясь наизнанку,
оскорбляемая стена.

Душа, розовая, как мыло,
бормотала из камасутр:
«Не играйте с внутренним миром!
Не заглядывайте вовнутрь!»

Его череп заколотило.
Серьга брызнула, как слюна.
Мы видали — его проглотила
стена.

Исчезали в каменных схватках
череп гладкий, потом нога.
Еще долго стенная кладка
успокоиться не могла.

Где теперь ты, юноша чокнутый?
Кто сегодня — дожди комет?
Интерьеры terra инкогнито
называются internet.

www.пургаз.ru
www.оргазм.ru
www. бизнес. ru

Мышке хочется в нору.

Чат 4
(без ги)

Я без Тебя, как без ги.

На Венере безрукавка,
без ги — Кафка.

Нигде так не во...ют, как у нас

...блевское шоссе

...левая — по...ганая

мне и ...бля не накопили строчки

...салка на ветвях сидит

«своя ...башка ближе к телу» (Мария Антуанетта)

...МКа коньяка

Я — па...с. Одинокий. Белею.

Почем «мерседес-бенц»? А просто — ...бенс?

...ина — девушка моей мечты

Все восхищены ...бином Ньютона

ТВ и т...п

ГЕНПРОКУРОРУ (копия в РАО)

«Еще в 1994 году мною было изобретено и опубликовано имя
«Ру» (ru). Прошу компенсировать моральные убытки из-за
всемирного плагиата в размере — 1 руб. за 1 ru».

Граждане Ru! Трудовые гиганты!
Достигнем уровня Руанды!

Вы...чат!

Чат 5

Как Ты меня любишь, как Ты меня любишь, как любишь!..
В сердце впрыснувши наркоту,
сбросив тыщи осенних юбищ,
посвящаешь меня в наготу.

Ты — свобода моей неволи.
Это Ты в брусничном бору,
натерев позвонки канифолью,
посвящала меня в игру.

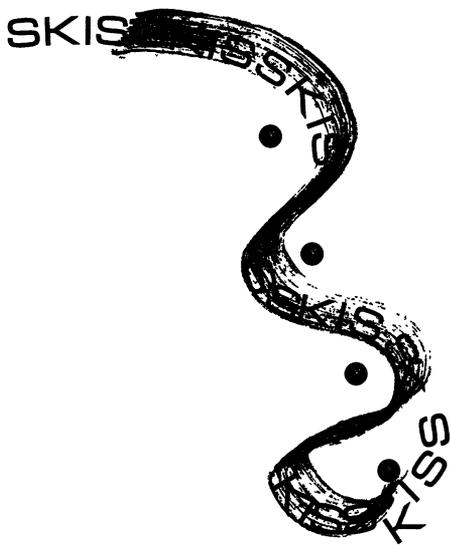
Дрожь над полем, над лопухами,
недоступное маляру
исчезающее Твое дыханье,
нерукотворная моя ги...

www....ru

Чат 6

Мы устанавливаем неслабо,
покруче «Девушки с веслом».
Поэзия — ослепший слалом
между «послал на...» и «Абессалом».

www.слалом.ru

И С Л А М

РИСКРИСК

РИСКРИ

СКРИ

Ночь. Челябинск. Ремни в ручищах.
За товарища пасть порву!
Дед. Ремесленное училище.
Пряжка с литерами «РУ».

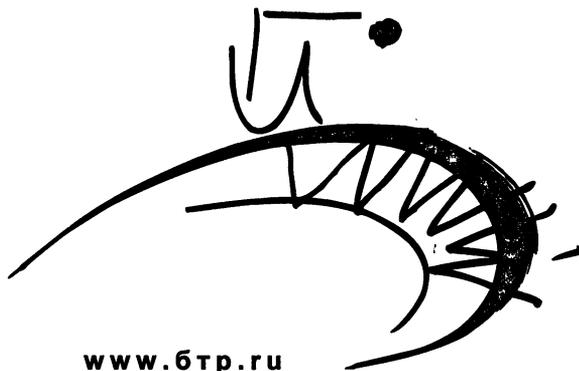
Свищут пряжки. Бей, ремеслуха!
Ряшкой в грязь. Чтоб не был лицом.
Свищут в праздник Святого Духа
пряжки, наваренные свинцом!

Драка! Драка! Из чувства мести
(дранка, дранка! летит в подъезде!) —
месть за нищую жизнь, за мрак.
Мы — кулак, когда все мы вместе:
каждый — друг, товарищ и враг.

Мордой в глину — не в торт пражский.
Кто-то в небе уже плывет,
раскрутись роковой пряжкой,
одинокий, как вертолет.

Пряжки в воздухе режут полосы,
не какие-то там «дабл ю».
Это я из-под ног, без голоса,
это я на земле хриплю...

Кровоточит чат темпераментно,
в нем прилично лишь слово «на»...
В небе свищет прожекторами
салютирующая страна.
— Ты куда несешься, ги?
Тпру...

www.бтр.ru

Сказка о залатанной ры

www.гармошка.ru

СтаРУха брала свою пряжку.
Старик ловил неводом net.

Инопланетян — нет.
Стран, куда летят, — нет.

У Твардовского был свой счет;
руганет, а потом — печатнет.

NESCAFE

Люблю Нескафе под икру.
Ни дабл ю, ни дубль вэ, ни ру.

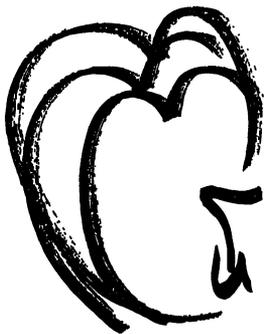
Снедь,
чтобы красНЕТЬ.

Шевролетной улыбки — нет.
Прошло лето, а рыбки нет.

Whiskas

Китекета котенку нет.
УгНЕТенных бананов нет.

www.индюк.ru

Индюк сто**НЕТ** по двору
перед казнью: «www.ru».

НЕТипичено Скуратов одет.
КиНЕТических скелетов — нет.
Нас **Кио киНЕТ**,
Moshino киНЕТ,
мякина **киНЕТ**,
Госкино **киНЕТ**,
НЕТленки **НЕТ**.
Дурака, что с крюка **висНЕТ**, нет.
Рака, что **свистНЕТ**, нет.

Что в продаже есть, того **нет**.
Ему даже поесть — **нет**.

Осень — **моНЕТ**ный двор.
НЕТопырь не платит за свет.

Новый **кабиНЕТ**ный вор
над страной **нагНЕТ**ает: «Нет».
Уронив на струну вихор,
плаНЕТарно плачет Башмет.

Т Е Н И **Н Е Т**

Монтеня нет
Нататении нет
«ИНТЕРНЕТУ — НЕТ!» —
наш сосед произвел запрет.

Ученик Башмета, хакер,
бросив детства мир засахаренный,
взламывает банка код —
из азарта, как кроссворд.
Талант тянется к добру...
www.тюряга.ru
www.астма.ru

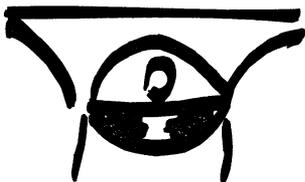
Подпишу письмо царю
(www.коммерсантъ.ru)
«Талант теряем», — говорю.
Отвори тюрягу, ru!

Чат 9

Блеснуло лезвие «Жилетт».
 Начальник, убери свой ствол!
 Выкидывает авторитет
 кишки на стол, кишки на стол.

Как красных жемчугов ведро,
 как из метро народ пошел,
 дымится смутное нутро —
 кишки на стол, кишки на стол.

Любуйтесь русским харакири!
 Начальнику сулит позор
 кишкоковая терапия —
 кишки на стол.

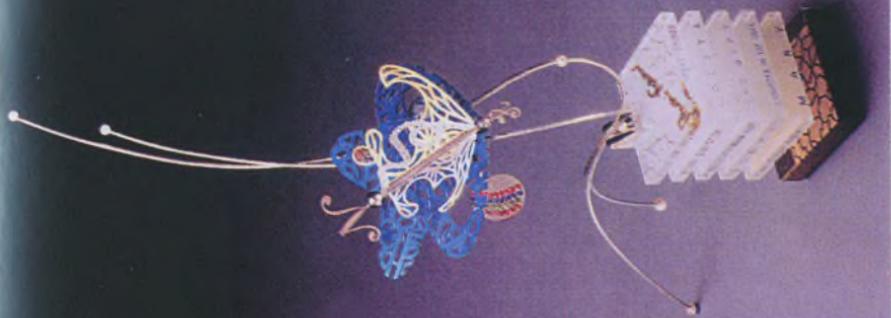
Ни русский не поймут, ни идиш.
 Выход простой —
 летит пульсирующий выкидыш
 на грязный стол!

Душа откроется, сочась.
 Овчарка дернулась к нутру.
 Тебе наложит шов санчасть —
 www.ru, www.ru.

Ты вспомнишь, Холин, этот бред,
 когда в первопрестольный ор
 ты выкинешь, уже поэт,
 кишки на стол — письменный стол.

ВИДЕОМЫ

Ювелирная
вариация на тему
«Бабочки Набокова».
Совместно
с Алексом Солджером.
Золото, сапфиры,
титан, драг. металлы,
драг. камни.
Нью-Йорк. 2001 г.

Хиты.

Hits – хиты (англ.),
shit – дерьмо (англ.).
1986 г.

Из иллюстраций к книге
«Ностальгия
по настоящему».
Совместно с А. Пибрманом.
Металл, тушь. 1978 г.

Я не знаю как отмыться
Но я знаю ~~как отмыться~~
как примому бога
в палату в Неродеву

м а в р о

Поздравление.

Холст, бумага,

старинная пудреница,

талон на спиртные напитки.

1992 г.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Плакат

«Конгресс ПЕН-Клуба».

Гуашь, 2000 г.

А.МЕНЬ

Памяти отца Александра Мень.
Гуашь, золото, калька. 1990 г.

А.МЕНЬ

НЕМ

Кремлевская идилия.
Гуашь. 1991 г.

Евгений Онегин
на выставке невест.
Ковбойский ремень. 1985 г.

Иллюстрации к поэме
«Девочка с пирсингом».
Гуашь, 1999 г.

СВЯТЫНИ

ПАРСИНГ-ЭТО

НА ТРОГАТ!

ПУШКИНСКИЙ МОГОТЪ

ПУНК-УЕЛЖЕЖИ

ПУН
ОК!

ПУНОК!

УНОКЪ ПУНОК!

МИР УБОГ -

Портрет бабушки.
Акварель. 1959 г.

Девушки на морозе.
Акварель. 1959 г.

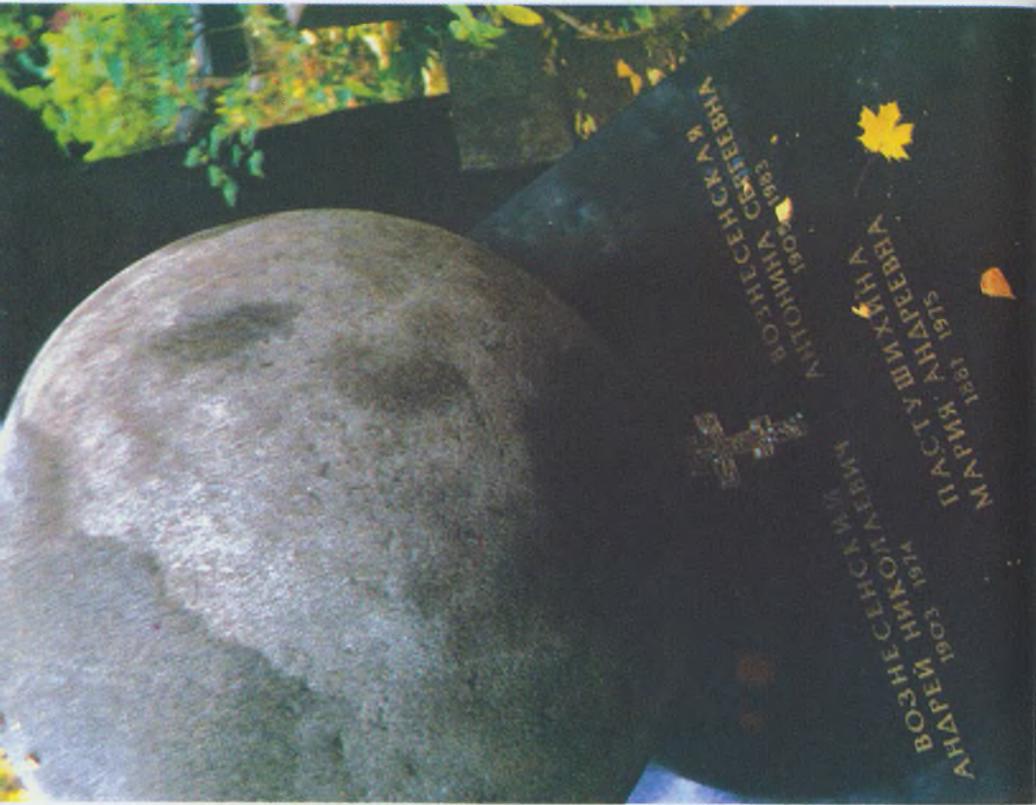
Среднерусский пейзаж.
Картон, уголь. 1960 г.

Ты собрал компромат?
Каргон, гуашь. 1996 г.

Памятник
на Новодевичьем
кладбище.
Проект архитектора
А. Вознесенского.
Гранит, бронза, 2001 г.

Х•Л•И•Н
 Х•Л•И•Н
 Х•Л•И•Н

В зеркале пишущего холдинга
 («Холин — ни лох...» и рифма — «болен»)
 нелепая фигура Холина
 бредет длиннее колоколен.

Ни лох, ни царь и ни герой,
 жизнь мертвецу была, как хобби,
 он жив свободой иной,
 иной свободой, чем у Горби.

К чему похвал ненужных хор?
 Ведь каждый пить приговорен
 из крана воду «ХОЛ» и «ГОР» —
 из речки, где царит Харон.

ХАРОН В РЕКАХ — ХАКЕР В НОРАХ

ХороШОКовая терапия

КонВОЙный

Из жизни моей, из ПАРАБОЛЫ
 выдавливаю раба,
 и тень ПА...ОЛЫ, высвободясь набело,
 касается франческиного лба.

www.медный всадник.ru

Петро-сквозняк! Простуд полно.
Европа, затвори окно!

У послушниц Ордена хакеров
полуночные очи болят.
Поддевичка цвета хаки.
Зомбированный взгляд.

Интердетка, сети детеныш...
Как за вредность — литр молока,
ты спасаешь души своей тонус
ненормативностью языка.

Когда ты снимаешь фуфайку,
дыханье перекрестя,
проступят, как лейблы файла,
тату из плеча и крестца.

Крутизна есть в твоём характере
математика и азарт.
Ты можешь выплеснуть в харю,
что нельзя тишиной сказать.

Половой терроризм? Оскоми́на...
Бьётся, словно в сачке, чужа,

как красивое насекомое,
непонятная мне душа.

И шевелится в голове,
как у каждого, мини-зло:
два убийства неосуществле
и вчерашняя кража со взло...

На Земфиру фыркнешь с презрением?
Сиганешь с этажа? Сдохмишь?
Полуграмотное прозрение
в твоих пальцах дрожит, как мышь.

И внезапно так станет тошно,
что введя «Макинтош» в игру,
«Надоело! — ты крикнешь. — Точка!
Ru!»
Сеть ринется в тартарару.

Ухнет сеть в **ТАРТАРАРУ**
все - и Иоанн Заточник,

Точка!

мамонт Западно-**В**осточной

веры, БТРы на смотру,
миллионы одиночек,

приложения к ребру:
дачки, тачки, мамы, дочки -

сумчатые кенгуру,
кисти ортодоксов в досках

и Москвы пожар

М

певец, начавший "Тоску",
и печеная картошка
на студенческом жару,

два

ОМОНовца в чулочках

остопчинский,
мы с тобою, полуночники,
смотрим памятник Петру,

и родившийся в сорочке
затекает постиру...

Кто-то спит. Кого-то мочат.

"Не хоч **У**!" - Твой крик истошный.

"Дайте Божию искру!"

"Девочка **С** ромашкой в мочке,

ну, за что ее, сестру
Твою младшую?! За то, что -
т о ч к а.

Все в **ТАРТАРАРУ**

Критик-бабушка с заточкой.

Прочитаем первоисточник.

www.ru.

Боже! Мы забыли Точку!

Не зарифмовали точно

мини-черную дыру

(гол, что снится вратарю).

Гол!.. Но что это? Отсрочка?

Шуточка твоя? Примочка?

Или мышка, взяв игру,

завалила на бок точку,

превратив в тире, в муру?

За заборами цветочки.

www.ru

До сих пор от смеха корчатся:

Иван Грозный на пиру,

и Калигула, ну в точности

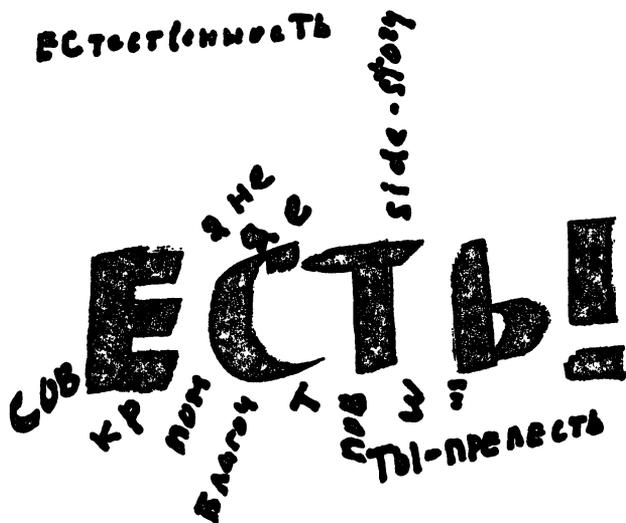
походящий на Шуру.

Мы еще прорвемся, ru!

Чат 11

Леди Макбет и леди Годива
 утомились от негатива.
 Интернета нет, Ваша Честь!..
 В душе — шелест, в душе — интернерест.

Из замученных интерьерщиц
 в нас рождается интер-ересь —
 ИНТЕРСЕТЬ — т.е. — ИНТЕР-ЕСТЬ.

Омоновки кричат,
 под маской скрыв чадру:
 — Ты чей, чат?
 — Ru!

Чат 12

www, связанные в вязанку,
этот черный опасный свет
терний, вывороченных наизнанку,
называется internet.

Словно елочные украшения,
эти новенькие дабл ю
еще не ржавые от ношения
на живом человеческом лбу!

— По ком —
a.колокол.com?

И, урча колесом потерянным,
по часам (по-немецки «uhr»)
контейнер, груженный терниями,
направляется в точку «ru».

— А что снится комару?
— Кома ru.

Off

Прости меня, милый попутчик
сегодняшних гала-Голгоф.
Ты все, что желаешь, получишь.
Я — off.

Я жизнь твою исковеркала
до тла.
Я в Болдино и в Переделкино
была.

Меняются дженерейшны,
страна.
У Блока и Блейка женщина
одна.

Опять с поколениями Мозес
в пути.
Я гибну. Меня, если можешь,
прости.

Хлестал звездопад в дырявый
дуршлаг.
Наивный, ты веришь в халяву,
дурак.

Я, женщина, неизменна
в изменяющихся веках.
Государственные измены —
мой кайф.

Завистливые облаи
облав
все это явления off-лайна,
off-лайф.

Я от прокурорской морали
дошла.
Вбегаю в тебя. Мировая
душа.

Попорчу я новым боярам
игру.
Я с Пушкиным ринулась к «Яру».
Я — ги.

Эпилог

Я люблю Тебя, я люблю Тебя, так люблю!
 Все красавицы — страхолюдины,
 не дублируют тебя, ru!

Твои псы мне порвали икры.
 И теперь, когда загорю,
 на ногах проступают титры —
 Твое имя — www.ru.

Тобой пайщики пировали,
 вроде оруэловского хрю-хрю.
 Ты, чурающаяся пиара,
 нераскрученная ru,
 ты спасла меня, целовала...
 И за это, когда умру,
 свою буковку инициала
 закодирую в www.ru

Пусть кURЛычат они, улетая,
 на бескрайнем трубят миру —
 три журавлика вечной стаи —

W

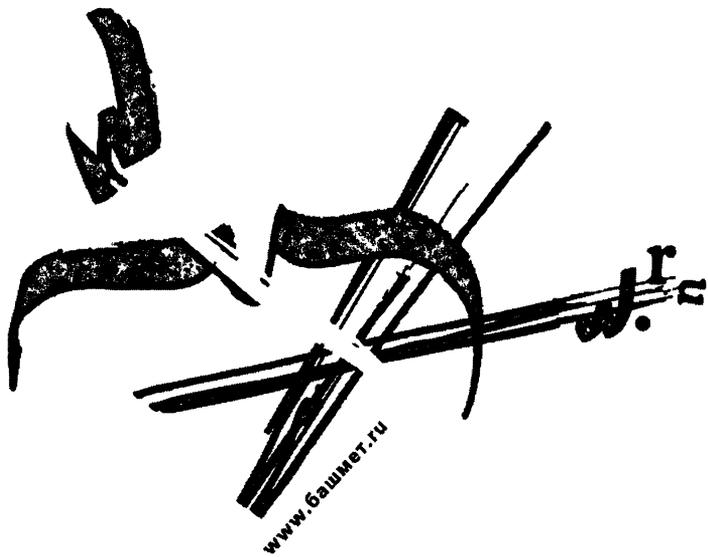
w

w

ru

ЧАТ МОЛЧАНІЯ

Поэма

Чат 2

Стенка Чата. Чатские герои.
 Вольнодумства непочатый клад.
 Посреди общественного воя,
 в оре сволочей и сволочат
 Лермонтов погиб за Чат-горою,
 Гумилев — из-за озера Чат.
 Я стою у стенки. Чат прикрою.
 За спиной хохочут и кричат.

Завтра ты убила меня.

Чат впечатляется:

KEKS: убийство — кайф секса

KAIFA: род кайфа

ALFA: выдавливай пальцем глазное яблоко

SERGE: я б его...

— Бей олигарха стиха!

— Наматывай на локоть потроха

ALFA: оптическая прицелка...

ARFA: а я еще целка...

ZUBILO: извините, но Вы без очереди, кобыла!

ARFA: фи, быдло

не хай, файл! всё — «хай фай»

SERGE: где-то я слышал этот хай

ZUBILO: а как всё это было?

KEKS: труп расчленила,

пуп начинила тротилом

TORTILLA: а, может, выслушаем самого?

SERGE: а что думает наш Б. Г.? Вернее, В. G.?

BILL GATES: блин, полтергейст!

ZUBILO: знание — сила

SERGE: бей гейтсов — с кейсами и без кейсов!

MAG: мы за независимость адыгейцев!

BIG MAC: не понимаю, почему все против бомбы?

TROCKY: ледорубом бы!..

Ты выбираешь ровер.

Ты прислоняешь меня к стенке у метро Динамо.

Разгоняешься и таранишь меня.

**Я вижу в упор твои веселые от ненависти глаза.
Раз! Я уклоняюсь. Плечо всмятку. Фары вдребезги!
Осколки бампера впиваются мне в шею, как вампир.
Ты снова разгоняешься и...**

ZUBILO: убила!

**...но тут стена расступается, пропускает меня
и захлопывается.**

Видно за моей стеной была дверь лифта.

Этажи! этажи! этажи!

Так, вот ты какой, чат, изнутри.

**Пахнет кексом, сексом, тестом, текстом и,
конечно, протестом.**

Чья-то теплая мысль берет меня за руку.

Так я познакомился с Сержем, Кексами и Зубилом.

У нас до сих пор сохранились отличные отношения.

KEKS: все мы киксанулись!

ALFA: уходим через санузел.

Он — в нас

SERGE: ОХРАНЯЙТЕ ДЕНЬГИ

ОТ СБЕРЕГАТЕЛЬНЫХ КАСС!

BIG MAC: храните честь в банке «Манхеттен чейз»

ARFA: а по пьянке — в «Альфа банке»

нехай, всё — «хай фэй»

SIZO: мы заказали по электронной почте

преподавателя ИЗО

SERGE: тс-с...

ZUBILO: могила!

ARFA: чат значит — непечат...

SOCRAT: чат зачат, как демократ

SERGE: демократов — на вешалку!

BIG MAC: хочется чего-нибудь свеженького

KEKS: демократия — это когда на самокате я.

Шутка!

**Ты выбираешь жемчужины из моего желудка
в остатках дерьмового ужина.**

В Останкине лопнул термометр ужаса.

SANYA: если углубиться,
любовницы — все! — убийцы.
Некоторые — само...

SERGE: моя родина Динамо.

Не понимаю — вроде бы убит я, а почему
на мне твоя кровь?

Умираю от моей любви по горло в твоей крови.

На белой брючине не смывается твое винное пятно.

Весь кафель за тобой в багровых пятнах,
как горох на юбке.

Будущее — знобюще.

ZUBILO: его, видите ли, зазнобило

ALFA: тренируйте мыслей бицепсы

ARFA: хочу суши!

SANYA: ЧАТ — ДУХОВНЫЙ ЭКСПИЦИОНИЗМ,
ДЕМОНСТРИРУЙТЕ СВОИ ДУШИ!

KEKS: гексагена нет
гексаметров навалом

SERGE (ment): обвинения наварим

SANYA: если Вы, Серж, из милиции, то почему же
Вы на «ниссане»?

SERGE: любовники — все! — убийцы.
Некоторые — само.

ARFA: МЕНЯЮ МУЖЧИНУ
С СОВМЕЩЕННЫМ САНУЗЛОМ
НА ДВУХ МУЖЕЙ В РАЗНЫХ РАЙОНАХ.
НА СЛОМ.

ZUBILO: на мыло!

ARFA: прическа у меня афро, клиентов прорва.
Но я люблю Диброва

DIBROV: я — off

ARFA: ку-ку!

SERGE: я подкидыш. На слуху
это мамино «ку-ку».
Ху из ху? Спрошу как на духу:
Вы сыночка не теряли?

ARFA: боже мой, как в сериале!

А есть родинка в паху?

SERGE: есть! У левого яичка.
Убедитесь самолично.

ARFA: как и у отца.

SERGE: Ху из ху? Меня зовут сержант Абзац.
К чему Nickname'ы?

ARFA: я — Анна Федоровна Хусейман.

SANYA: сержант Абзац, я твой отец!

Тогда работал я на ТЭЦ

Водяра подлая...

ZUBILO: сгубила?

SANYA: потом тюрюга...

ZUBILO: искупила?

SANYA: ты помнишь, Ньюра?

ARFA: помню, Вася

SANYA: Володя я

ARFA: не обижайся

Башка кружится, как от вальса

SANYA + ARFA: мальчик наш, чадо!

SERGE: папа!

ZUBILO: Войтила?

SERGE: мама!

VSE: спасибо чату за программу

SERGE: моя родина «Дина...

ARFA: хайль файл! Всё — «хай фай»! Ку-ку!

DINAMIK: атаку Спартаку

MAG: продам шорты цвета киви

FAN (Kiev): вин — Пеле! ВинПеле —

винПелевин — Пелевин.

EDIK: не Империю жаль, а царевен

MEDIK: не спи один.

Захлебнешься, как Довлатов

ВСЕ: ЧИТАЙТЕ, ЗАВИДУЙТЕ

Я — ГРАЖДАНИН

СОЕДИНЕННЫХ ЧАТОВ!

Шли годы. Благодаря счастливой моей сутулости,
я работал в чате вопросительным знаком.

Вопросы случались дурацкие,

но я был повернут к публике затылком, как дирижер,
поэтому не смущался.

Балансировал на шаре.

**Я уже заготовил убийственный вопрос Сфинксу.
Но однажды я вспомнил про Тебя, распряился
и стал знаком восклицательным.**

Меня не выгнули — просто выгнали.

Стена расступилась, и Чат выплюнул меня.

Моя родина. «Динамо».

Значит, лифт шел не вверх, а по кругу.

Метро. Цветы.

Ты бежишь мне навстречу розовая, как из-под одеяла:

— Я? Тебя?! Убивала?!!

ZUBILO: забыла

— А, что же ты, милый, какой-то покосившийся?

Ну-ка, встань под горку. А я буду, как водопад...

ZUBILO: любила

Ты выбираешь самокат.

Чат 3

Час Луны, чат вины,
чад чеченской войны.
Нам «двенадцать» часы прокричат.
Но среди тишины
вы расслышать должны
чат молчанья — тринадцатый чат.

Я — московская моська
слонихи-Москвы
в мощных хоботах эстакад...
Чат мой! Брат мой!
Легко ль, когда в вас совместят
чат молвы и молчания чат?!

Уедем в Нижний

«Октябрьский»

Четыре тыщи душ мерцают вроде мошек.
Смущает странный свет
наш нищенский общак.
Четыре тыщи лиц я обдаю, как мойщик.
Читаю на мощах.

Читаю на мощах времен кардиограмму.
Шаги мои трещат
от радиации погубленного храма.
Мы строим на мощах.

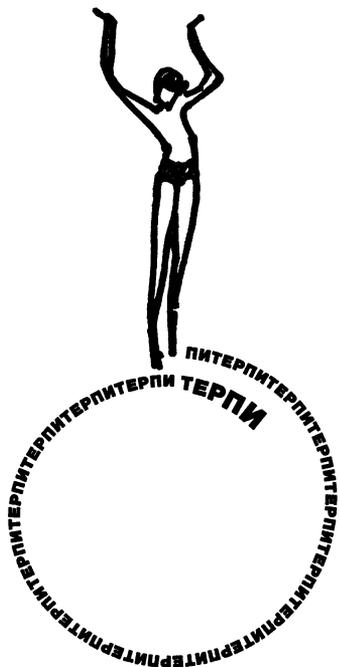
Построен на мощах Октябрьский зал концертный.
Рыдает валторнист.
Фундамент сохранив, снес Греческую церковь
Хрущев — волонтарист.

При имени глупца ты нос смешливо морщишь.
Зал искристый, как брут.
Скажу я проще — будущие мощи
священнодействуют.

Живых, как трупы, топчем мы сегодня.
Любой кумир — мишень.
Неужто трудный путь наш в Преисподнюю
мощами вымощен?

Кошунствует попса. Беретга женщин мочит.
«Ширяйтесь натошак!»
Но освящают нас смущающие мощи.
Читаю на мощах.

Смысл России в час распятий
простучит состав в степи:
наша культ-столица — Питер,
Питер — питерпитерпитерпитерпи-ТЕРПИ.

Уедем в НН

Уедем в Нижний. Помянем Минина.
Душе есть ниша.
Уединимся. Хотя б на минимум,
уедем в Нижний.

Пройдемся утренним Кремлем, заштопанным
суровой ниткой.
На что нам Ницца? Ницше, нишкни!
Уедем в Нижний.

Поддернет мели подол кремлевский,
как юбки нижние.
В НН уедем. Скрипач крепленным
зальет манишку.

Гвардейцем аглицким мерзнет клубничка
последняя. Душою нищей
я эмигрирую в твою глубинку,
хотя чувствительность ненавижу.

Я города обожаю волжские.
Как яблок, резанный пополам,
вы сердцевиною расположены
лицом на Волгу, лицом к лугам!

Мне волжский житель
родней приходится,
на «О» он говорит.
А New-York-City,
он переводится
почти как «Новгород».

Памяти Рихтера

В номере Рихтера однокомнатном
жил я. Он некогда жил в Барнауле,
таинством Рихтера terra инкогнита
клавиатурою боронуя.

Родина Рихтера — terra инкогнита,
И не Россия, и не Германия.
Бабочка билась в набыченном коконе
не для обычного понимания.

Веки прикрыв, Вы блаженно принохивались
к звукам, подобно ирландскому догу.
Мухами пахло, жизнью синюшной...
Недогматично Вы слушали Бога.

Вы пронеслись, Святослав Теофилович,
отсветом фар на общественных мордах.
Официозные некрофилы
любят лишь мертвых.

Помню: зима, Пастернак, Переделкино.
Вами любимого Гайдна в Страстную
пятницу я вопреки беспределу
в Консерватории зарифмую.

Вы миллионную вазу раскокали
перед инспектором из посольства.
Музыка Рихтера — terra инкогнита.
Жил гениальный рыжий подсолнух.

Рыхлый снежок, как и Вы, гениален.
По шкале Рихтера мы выживали.
Магию рихтеровских готовален
спрячет Господь черной крышкой рояля.

Никто меня не провожал.
Но я не терзался обидой.
Плыл провинциальный вокзал,
пропахший мочой и оббитый.

Никто меня не провожал.
Лишь пес провожал меня лаем.
За то, что его привязал
хозяин, похмельем терзаем.

Я шел, напевая мотив.
Меня ты не провожаешь.
И имя мое прикусив,
ты мужа сейчас ублажаешь.

Мой тайный приезд и отъезд
прослеживается звездю.
Пока ей не надоест
мое пребыванье земное.

Болезнь

Сколько взято барьеров
и провальных побед!
Все болеешь, болеешь,
И диагноза — нет.

Медицина бессильна
разобраться с тобой.
Внутренности взбесились.
Всюду адская боль.

Ты худеешь и чахнешь.
Тихий агнец, держись!
Этот страшный диагноз
называется — жизнь.

Дурман

Мэри Райхерт

Мне часто снится в заморской хмари
ультрамариновый, желто-духмяный
цветок российский — «Иван-да-Марья»,
что по-английски «марихуана».

Дымок отеческий сладок до гари.
Не только дурно живем — дурманно.
Марихуана почти легальна.
МАРХИ пропахнул марихуаной.

Американочка, как романы?
Деревня русская — не светский раут.
Здесь «до востребования» на Хуана
тебя посылочкой отсылают.

Чай, обкурилась в своем Сиэтле?
Сухая, тощая, как конский щавель.
Учись, сестреночка милосердная,
как самогон заедают щами.

Ты шизанутая, что ли, Мэри?
Но не о том ли поют косцы,
что жизнь занудна, что дурь безмерна?
Но губы — желтые от пылицы.

Не майся дурью. Сунь в ухо розан.
Привет древлянам или курянам!
Душа, привязана к двум березам,
вой, раздираема над океаном!

Ты грязь распадную месишь кедами.
В райцентр дороженька — райхероная.
Не обучали в Филипс Академи
под Эзра Паунда доить корову.

Ну хочешь, печку тебе раздую?
Мы — дети дури. После падучей
в нас затаилась за занавескою
дурь гениальная Достоевского.

Ты станешь фермершей на Белгородщине.
Колхозный сход шевелит умами.
Рыдает в храмике Богородица.
И степь, как будущее, туманна.

Ты сруб купила и спрей комарий.
Махютка дышит. Благоуханно.
Цветут, обнявшись, Хуан-да-Марья.
«Дурь» по-английски «марихуана».

Плачь по Булату, приبلудшая девочка,
веноч полевой нацепив на ограду.
Небо нависло над Переделкиным,
Словно безвучный плач по Булату.

Плач по Булату — над ресторанами
и над баландой.
И на иконе у Иоанна —
плач по Булату

Плачет душа, как птенцы без подкорма,
нет с нею сладу!
В ландышах, с запахом амбулаторным —
плач по Булату.

Женоров

Воронеж — женоров. Ведомый ворожбою,
по Мокренькой спущусь, где слезы жен и вдов.
Весь город окружен невидимой водою.
Воронеж — женоров.

А может, это ров, который бабы рыли,
защитницы Москвы?
Запомнил, желторот, я щеки их сырые.
По Красенькой спущусь. Опасны эти рвы.

Воронеж — женоров. Нас охраняют бабы
от жизни жерновов.
Надежда Мандельштам рыдает для масштаба —
великий женоров.

Я в женщинах ищу Крамского Незнакомку —
не репродукцию.
Я допишу портрет, который недокончен.
Характер узнаю
от саночек до брюк из кожи анаконды.
Осаночка ее похожа на твою.

Два «мерседеса» есть на этот женский город.
Их Петр замастерил.
Красавицы круты. Показывал же норов
Агапов монастырь!

Неси нас, вороной! Судьбу не остановишь.
Пусть все наоборот.
Это же норов наш по имени «Воронеж»!..
Воронеж — женоров.

Мне мама говорит клавиатурой «Рениш»:
«Мы — край не для воров».

Он кара, ров.
Облит бензином и безденежьем,
шофер Макаров среди нищих толп —
воронежский самосожженец! —
горит, как страшный автостоп.

Мы прилетим сюда российским бизнес-классом.
Шел христианский снег 33-х коров.
Есть корни городов.
Москва — мы, значит, квасим.
Воронеж — женоров.

Мефистофель

Я приду к тебе в черной мантии,
в черных джинсах — привет фарце!
Все пощечины, как хиромантия,
отпечатались на лице.

Я приду к тебе в мантии черной
и в Малевиче набекрень.
Ты раздвинешь меня, как шторы,
начиная свой новый день.

Кречет не квохчет.
Споет мне, увы,
клетчатый кочет
без головы!

* * *

Донеслось по связи сотовой,
и земной и неземной:

«Что ты,
Боже, делаешь со мной!..»

Понимаю тебя кожей.
Больше мысли ни одной.
Боже,
что ты делаешь со мной!

Очи широки до дрожи,
смотришь внутрь себя самой:
«Боже, Боже, Боже!
что ты делаешь со мной?!»

Господи, неужто снится?!
Застит свет твоя рука.
За подушечкой мизинца
светит месяц ноготка.

Звезды. Годы. Нечистоты
по пути к тебе домой.
Но за все спасибо, что Ты,
Боже, делаешь со мной.

ДЕВОЧКА С ПИРСИНГОМ

Поэма

**Не гадайте над Девочкой с персиками
с тайной мамонтовско-серовской.
Разгадайте девочку с пирсингом,
проколовшую сердце сережкой.**

Как жива ты в нашем паноптикуме,
фиолетовый стригунок?
Нос похож твой на флейту с кнопками —
только нет подходящих нот.

**ПИРСИНГ — ЭТО БИСЕР
ИНДИВИДУАЛИЗМА.
ИСКУССТВЕННЫЙ ХРУСТАЛИК —
ЭТО ПИРСИНГ ЗРЕНИЯ,
ВСТАВЛЕННЫЙ БЕЗ НАРКОЗА.**

ГВОЗДИ — ЭТО ПИРСИНГ ХРИСТА.

— Пирсинг — наркота «ДЕ БИРСА».

ТАТУ — это грибница пирсинга.

ПИРСИНГ — ЭТО ВОЗБУЖДЕННАЯ ТАТУИРОВКА.
— Они кровопийцы, они мормоны...

Девочку с пирсингом звать Мамонова.

* * *

Познакомься, Нинон Мамонова!
Слишком рано познала ты
неокрепшей душой манонской
изуверский кайф Красоты.

Занимай пустую вакансию!
Героинка Времени — ты.
Чтоб сломали, цветет акация —
провокация красоты.

Трудно школьнице, да еще шкоднице.
Сейф брильянтов в носу носи!
Раньше обрубали пальцы с кольцами,
теперь срезают носы.

**ВМЕСТО ПЛАСТИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ
КОЛИТЕ ДЫРКИ ДЛЯ ВЕНТИЛЯЦИИ.**

Пейте пильзенское пиво!
ПИРСИНГ — ЭТО КРАСИВО

Мы красотой опирсингованы.
Конь Блед — серебряными подковами,

поля шурупами васильковыми —
опирсингованы, опирсингованы.

Запеленговано Иговою,
шпунтами сердце опирсинговано.

Иконы наши опирсингованы.
Пупок спел голосом Преснякова.

Души жемчужины — не только говны —
опирсингованы, опирсингованы.

Лик — как картофелины Прасковьины
ростками белыми опирсингованы.
*(лично я пирсингом не балуюсь,
но интересуюсь ростками будущего)*

Неужто вилами забьют крестьяне
опирсингованного Себастьяна?

**НЕ СДИРАЙТЕ РОДИНКУ ОДИНОЧЕСТВА!
ОРДЕН — ЭТО ПИРСИНГ СОВЕСТИ.**

Алкашка мама твоя — торгашка,
страну назад и вперед толкавшая,
торгует мангами и лимонами,
вместо Мамонтова — тов. Мамонова.

Соседка клялась, уродина,
что видела тайну мамину —
левый сосок, опирсингованный орденом
Трудового Красного Знамени.

А прадед Мамоновой был полярник,
которому довелось
на полюсе лампой паяльной
подправить земную ось.
*И в такой семье такого выродка
взрастили!..*

Не чтит твое окружение
лица ненормативное выражение.

Пугаю процентом преступности века...
Ты мне говоришь: «Смотри!
% — это пирсинг левого века
и правой ноздри».

**КОГДА В ПУПОК ВСТАВЛЯЕШЬ ТЫ ВИЛКУ
ТЕЛЕВИЗОРА — ПО ЛИЦУ ТВОЕМУ
ИДЕТ ПРОГРАММА**

«В МИРЕ ЖИВОТНЫХ».

Святыни не трогать!
ПИРСИНГ — ЭТО ПУШКИНСКИЙ НОГОТЬ.

ЯЗЫК МАМОНОВОЙ — как у детей.
С нами — На⁰ми. Ее пуп — ОК!

Я ♥ Москву.
Ж.П.Готье — на попе дек⁰льте.
Боди-арт — БОЭБОБИ а⁰рт.

Опирсингуем кандидата в Президенты!
(бурные аплодисменты)

Пошли вы на ■.

От ответов твоих поежишься.
Ты не жалуешь словари.
Так булавки торчат из ежика.
Тоже пирсинг. Но изнутри.

* * *

ОПИРСИНГОВАННЫЙ ПОРОСЕНОК ВЫИГРАЛ «PANASONIC».

Он поставил, новичок,
с дырочками пяточок.

Ах, Мамонова, по-булгаковски
новый век, в куски разрубя,
как безумный портной, булавками
примеряет Тебя на тебя.

Каждый атом анатомии
в тебе хочет автономии!

Окольцованы, как птицы,
брови намылились за границу.

Принц Альберт выжимал гантели.
Автономные губы пели.

Куда убег
опирсингованный пупок?

Согнув спину в безумном рейде,
ухо едет на велосипеде.

Два других играют в пинг-понг.
Душ души обдал кипятком.

Ну и перси!
Дрожит колечком, как милицейский свисток,
опирсингованный сосок.

Преследуемые ОМОНОм
вдоль темной Москвы-реки
несутся Нинон Мамоновой
опирсингованные куски!

А ты, как дорожные шахматы,
вставляешь, умелица,
памаханские штфтики махотные
в дырки едущего лица.

Проколи иллюзии шилом!
Анекдотом с детьми махнись.
Садомазохистские страшилки
лучше, чем наш садомазохизм.

Поколение Пресли? Поколение Пепси?
Что за бред! Каждый Лир — инфант.
У поэта на сердце пирсинг,
принимаемый за инфаркт.

Обнимая в ночную пору
Тебя, как велит инстинкт,
в себя втягиваю сквозь поры —
п и р с и н г?

Спи, раскрывшийся апельсин...

Спи. Забудь криминал рубильников,
И темных орлов крыла...
В УХО МОСКВЫ РУБИНАМИ
ВОНЗИЛСЯ ПИРСИНГ КРЕМЛЯ.

СССР — ЭТО ПИРСИНГ РОССИИ.
СИНГАПУР — ЕВРОПИРСИНГ АЗИИ.
— Общественное безобразие!..
ПИРСИНГ — ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПОКОЛЕНИЙ —
ПИРОСМАНИ, ДЖАГГЕР, «PRODIGY».

«Я — московская папуаска!
Не путана на пуантах.
Попугавши вас, несусь,
словно бритву-безопаску,
три отверстия в носу».

* * *

В левом ухе — про дожди,
 в правом — «Prodigy».
 В левом рэп — в правом баркарола.

— Мама, я проколола!

— У, какой пирсинг у прокурора!

— Мама, я проколола...

— Дочка, заткни и радуйся.

t° — это крест под градусом.

37° 38° 39° 40° °

Императорская температура —
 в тебе пожар, в Москве пожар.

— Мамочка, я проткнула
 земной шар!

Бред!

Принц Альберт напряг свой арбалет.

Вздулась с кольцами щека,
 как гранаты чека...

Врач говорит: «Старуха,
 у вас пирсинг среднего уха».

АЛЬБЕРТ ВСТАВИЛ КОЛЬЦО САТУРНА. ДАМАМ ДУРНО!

У Альберта, первокурсника,
 ухо, как билет, прокусано.
 Он качок. Он ищет Скарлетт.
 Курит. С праной соотносится.
 Зато дым он выпускает
 через пирсинг переносицы.
 Кружатся колечки дыма.
 Вдень в себя колечки, весел,
 чтоб как штору нас подвесил
 ангел неисповедимый.

ПИРСИНГ — ЭТО ПИРОТЕХНИКА ТЕЛА.

Не везет тебе, девочка, с пирсингом.
Оклемалась. И вновь ЧП...
Иванова гуляет с песиком.
Ты же — с крысою на плече!

В метро отрубятся гримзы.
Вагон накрылся газетой,
когда с персональной крысой
войдешь ты — с живой горжеткой.

— Крыса подпольная, крысонька,
люблю тебя без ума!..
Провокация круче пирсинга —
чума!

Не травите в лаборатории
Божьих тварей! Бедная крыска...
Молчать о своей истории
крыса-бабушка дала подписку.

Посадили в ведро крысу-бабушку,
посадили врага на ведро.
И несчастная, в плен попавшая,
прогрызает ему нутро.

Как мучительно прогрызаться
через воющие кишки!..
Человечья цивилизация
развивается вопреки

миру Божьему и животному.
Все теснее тюрьма-ведро.
Ты с насмешливою зевоткой
озираешь людей в метро.

**ПИРСИНГ ИНТИМНЫХ ЧАСТЕЙ ТЕЛА —
ПРИВОДИТ К СПИДУ.**

Как электропила визжащая,
озверевшие от тоски,
прогрызая цивилизацию,
не свои ли грызем кишки?!
Провоцируй, Нинон Мамонова!
Но улыбочка все трудней.
С визгом ввинчиваются вагоны
к концу света, через туннель.
Не кусайте девочку, пресса.
Не давите заботливым прессингом.

ВЗРОСЛЫХ ПРОСЯТ НЕ БЕСПОКОИТЬСЯ.

ОПРИЧНИНА — ЭТО ПИРСИНГ ПСИНЫ.

Ни поэта. Ни атлета.
Ни усталого лица.
Только серебро нетленно.
И не окисляется.

Только в уши можно золото.
Речь лицо приобрело.
У меня душа проколота!
Только слово — серебро.

Разбухало, бревна словно.
Кашку ешь на молоке.
Но серебряное слово
холодит на языке!

Ранка зарастет целебно.
Сбросив тело, налегке,
человека след серебряный
остается в языке.

Выйду в ночь. Луна над пирсом.
Перископ — как моря пирсинг.
Нет Альберта. Нет Нинон.
Побежали за вином.

УХО ИСКРИТ. ИСКРИТ ВНУТРИ.

Гимн Пирсинга

Хватит, малыш, краснеть!
Смейся как проидиджист.
Боль. Секс. Смерть.
Это и есть жизнь.

Интернационал,
черный и голубой,
секс и смерть повязал.
Это и есть Боль.

Факс. ЗАГС. Сакс.
Мы ксерокс твой, ирокез!
Смерть. Боль. Секс.
Death. Pain. Sex.

Мама наша — тату.
Отец — абсолютный нуль.
Незнающие табу,
мы — флейты в дырках от пулю.

Режет Ван Гог ухо.
Наоми Кэмпбелл — пупок.
Боль — это секс духа
Death есть Бог.

Пей, пока ты не пень!
Стань звездным, пока ты здесь!..
Секс. Смерть. Pain.
Боль. Бог. Death.

ПУЛЯ — ЭТО ПИРСИНГ ВИСКА.

СНИТСЯ ПЕРСУ ПЕРСУПЕРСУПЕРСОН

* * *

Ниночка, забудь о крыске бедной!
Разгляди, задумчивая, сон,
где на берегу кровавой бездны
сидит девочка над ножом.

Меж тобой и девочкою этой
светлячками, ссадинами слез
садомазохистское столетье,
пронеслось.

Просинело. Пророзовело.
Прозвенело в ухе другом.
Чтоб гонялись милиционеры,
словно дети за светлячком.

Стёб для неба стал непотребным.
Извини, российский Синг-Синг.

ЛУННЫЙ СЕРП —
ЭТО ПИРСИНГ НЕБА.
P i e r c i n g.

Соловьиный джаз над бензином
резанет, как в носу колье.
В слове «piercing» необъяснимо
есть присутствующая «е».

До свиданья, девочка с piercing'ом!
Улыбнись. Сквозь блеск мишуры
удивленная Девочка с персиками
в тебе светится изнутри.

Дүңная рәпсодия

Царевны

Эхо адское в райских куцах.
Как десантники меж ветвей,
на деревьях ревут лягушки —
сублимированный соловей.

Их пятнистые униформы
ближе к кайфу, чем Самари,
чем скрипичные, канифольные,
суицидные соловьи.

Эти сольвейговские лягухи
в соловьиных мечтах ночных
заползают девицам в уши.
Те беременеют от них.

Эти трели лягушек русских
слушать я без конца готов.
Тренированные на брусках,
подтянулись до соловьев.

Мы с тобой не узнаем сами,
где в отраде сердца сольем —
меж болотом и небесами?
между жабой и соловьем?

Между жизнью и умираньем,
в промежуточных снах людей...
Нутряная труба желанья
обалденней, чем Амадей.

Церковь в Переделкине

Сколько охры и иных подарков
в души поотряхивает нам
сельскосердный колычевский храм —
золотая осень патриарха.

И взирает нищенский костыль,
И, взметнув глазурные сервизы,
кружится винтообразный стиль
патриархального сюрреализма.

Падшая листва — как нашатырь.
Радио играет «Рио-риту».
Патриарший ждет автомобиль.

И ни злата, ни серебра
меж обманчивого пространства —
я нашел наконец себя.
Неужели время прощаться?

Время шпорами торопя,
оставляя залы в прострации,
я нашел наконец Тебя.
Неужели пора прощаться?

Фиалки — твои филиалы.
Фиалки внутри тебя.
Я вечером их поливаю,
на клумбу пересажая.

Как скомканный плащик нейлона,
тревожней, чем Фалька этюд,
в твоём уголке потаённом,
рыдая, фиалки цветут.

Вишнево-коричневы губы
таят корневища. Хранят
чернику вкусившие зубы
фиалковый аромат.

Стеляют. Рыгает филин.
Поливщик, пою сады.
Фиалки — не некрофилки,
алкают живой воды.

Я пил из Господней пиалы.
Упав на колени во тьму
с твоих несмышленных фиалок
счастливые слезы сниму.

«*И far niente — мой закон*».
«Евгений Онегин»

Негу законную на себя наденьте.
Мы — воры в законе. *Dolce far niente*.

Вечности воруемой не сбежать из дома.
Между поцелуями — тайная истома.

Долгая секунда тянется неделями —
Сладкая цикута ничегонеделанья.

НТВ и в праздники выдает фрагменты.
Мы ж погрязли в праздности. *Dolce far niente*.

Мы не вылезаем из ничегонеделанья.
Вся цивилизация — крестик Твой нательный.

Позабудьте цельсии или фаренгейты.
Жизнь ценна бесцельностью. *Dolce far niente*.

Длится процедурный перерыв в истории.
Между поцелуями — сладкая истома.

В храме

Древний храм, окладами нехилый.
Бабки горемычные.
Со свечой заказывает киллер
службу по Димитрию.

Долог его список поминальный.
И свеча, как ствол кругла.
Со свечою профессиональная
не дрожит рука.

Как дымок струится над стволами,
над свечой чадит
с черною каемочкою пламя.
И глаза слезит.

Монады

Ю. Башмету

Не надо нас в психолечебницу,
не надо!
Я слышу, как колеблются у Лейбница
монады.

Есть в шейке альта стон обиды,
изгиб коня в момент гамбита,
поющая горизонталь...
Играйте, Юра! Вы — Мефисто,
остригший локоны неистово.
Альт вызывает шахматиста:
«Альт — альт — альтальтальталь — Таль...»
Смерть — альтруизм мальтузианства.
Алтарь — не место тусоваться.
Горяч ваш бархат, как асфальт.
Взывает к Богу из оваций
белка лиловая печаль.

Уходим в музыку остаться.

Метет февраль. Поют Менады.
С какой мучительной отрадой
бессмертие дает Башмет
и альтмановский портрет!..

Сифилитичка делала дитятей —
у страхолюдин губы, как диван.
Восемь из них — дебилы. Но девятый
был Людвиг ван...

Живу среди дебилов и диковин.
Глухонемые воют в шапито.
Я знаю, что один из них — Бетховен.
Но кто?..

Поминки по съеденному

Гонимы

голодные писательские массы.

Неужто дефицит конины

привел к отсутствию Пегаса?..

14 апреля

Меж вожжами в теплых портянках
одного только ждал поэт —
когда руку ему оттянет
комфортабельный пистолет.

Каллы

Неслись лошадиные силы,
неслись без бубенчиков...
Поставь за нас свечку, милый
Боря Гребенщиков!

Когда я очнулся, нагло
решил, что уже в раю,
узнав в склонившемся ангеле
за меня тревогу твою.

Спасая меня из ночи,
дыша из иных начал,
твой ландышевый позвоночник
беззащитнейше проступал.

Машину всю исковеркало.
Ты завтра — другим слабо! —
надменно, как королева,
пройдешь в медицинском жабо.

Смеялась. Не упрекала.
Но страх за тебя возник,
затянутую, как каллы,
в безжалостный воротник.

Елизаветинские прикиды.
Высокие воротники.
Мария Стюарт, берегите
шейные позвонки!

Ежедневно,
как бронежилет,
я поддеваю белый скелет.

На ночь вежливо
вешаю его сушиться к шубам на вешалку.

Пришла Верка.
Надела сверху,

растянула позвонки,
подмигнула: «Позвони!»

Теперь я — как инвалид войны.

Для вас — бред,
а для меня — нет.

Е-мое

Моя нога
утопает в цветочном ложе.
Мои два соска
шулеруют, как два бубновых туза.
Я их собственник, а может, заложник.
Не читай по ночам — не порти мои глаза!

Мои ягодицы
высочайшей кондиции.
Под моей рубашкой подрагивают при ходьбе.
Все это в различных позах
в зеркало Твое глядится.
Когда я ими не пользуюсь, даю поносить Тебе.

С Твоей ногой обстоит дело хуже —
не такая красивая, но зато немного крива.
Ты ходишь без шапки, а я простуживаюсь.
В моей голове болит Твоя голова.

Операция «Кус-кус»

Белый, черный и оранжевый
воют! Сжавши на весу,
Я трехшерстку на Балашиху
оперировать везу.

Не кусайся. Не суд Линча.
Вновь, дворовая Монро,
будешь шастать безразлично,
как красотки у метро.

Не царапайся, не надо.
От волнения румян,
шприц наполнит ароматом
врач по имени Роман.

Между ваты, мяты, мата
возвышающий обман.
Мята — мятамятам — я там...
Ах, Монро, Монро — Роман...

Ода ко второму изданию
«Casino «Россия»

«Россия» стала — «Пушкинский»
Страна меняет пол?
У Буша ножки Кински?
В нас соловей пуштунский —
разбойничать пошел.

Политики опущены.
Что там ни говорите,
двадцатый век откушали.
Играй в «двадцать одно».
В безумном лабиринте —
ллигенция напугана.
Россия, ставь на Пушкина!
Россия — казино.

По мировым стандартам
Мы явное г...но,
но святы по страданиям
в Господнем казино.

За Пушкиным — Россия
белей, чем Ганнибал.
Как шляпа у хасида,
чернеет пьедестал.
Только поля опущены...

И что нас ждет за Пушкиным,
за Беловежской Пущею?

Но, самые атасные
отвязники любви,
не продавайте тампаксы
у Спаса на крови!
Мы ставили на «красное»,

мы ставили на «черное».
Идут снега исподние,
и просят у метро.
Ты проживешь без «Оскара»,
чернушная, бесовская,
Господняя Россия,
Ты ставишь на «зеро»!

Люблю тебя на Пушкинской.
Над стрижкой продрог,
как бабочка-капустница,
лимонный ветерок.

Бежишь, зрачки расширя.
Покрытая едва,
в платочке из цифири
кружится голова.

И снежные пушинки
в волосиках хмельно
оттают, как пружинки.
Ты — Божье казино.

Чат исторический

Голосина, здравствуй, голосина!
 Пленку в Пензе обнаружил перст судьбы.
 Надо мной, над беспартийною Россией
 воет лысый шар «уйди-уйди!»

Голосина с того Света, голосина...
 Для того ли он людей освобождал, —
 на своих крестьян — чтоб Хиросимой
 сбросить атомную бомбу на Урал?!

Вверх ногами лампой керосиновой
 набухает бешеный кулак.
 «Вознесенский, — воет голосина, —
 господин!» (что означало «враг»).

Пахло водкой, ненавистью, щами.
 Я не помню даже, что молот.
 Чрезвычайное чревоещанье
 превращало встречу в монолог.

Голосина колбасится, голосина.
 Был упитан наш царек, но хреноват.
 Он от бешенства стал даже красивым,
 родину к поэту взревновав.

Помнишь, ты был следующим, Вася.
 В чем была вина наша, Васо?
 В реве автоматчиков «Сдавайся!»
 были мы живыми. Вот и все.

С той поры в покоях императорских
 воцарились мат и лимита.

Стали туалетствовать в парадных.
Где Никита? Знаем — «Никитá».

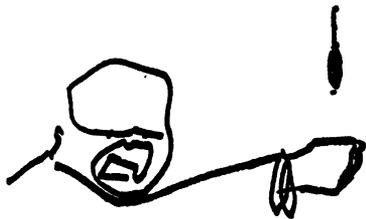
Всюду, когда я казался весел,
надо мной, между улыбок и зубил,
он свисал, сметая залы с кресел.
Годы шли. И я его забыл.

Почему же он сегодня именно
покидает в Пензе мавзолей?
Воет век на собственных поминках.
И блефует, что он всех живей.

Хрюк кабаний. Чавканье трясины.
Над интеллигенцией — кулак.
«Ишь, какой ты, — воет голосина, —
Пастернак!» (что означало «враг»).

Игнорируйте его отчаяние,
нутряной и убиенный рев,
хакеры, пев-мальчики очкастые,
а иные даже без очков!

Но в веках остался жест бессмертный:
с кулаком взметенная рука —
как спускают воду из бочка.
(Продолжительные аплодисменты).

Чат лунной рэпсодии
Партия и фортепиано

Луна на шифере. Окошки в испарине.
 Век двадцать первый. Столовая — спальня.
 Я с плеером жду тебя ночь напролет.
 — *Почему вы афишируете, что вы не член партии?!*
«Я не член партии!» Вызов дает!
Сотрем всех, кто стоит на пути
Коммунистической партии!

Сотрем!
 Где тебя носит? Все кончились party.
 Время близится к трем.
 Опять «тойота» в окне незавешенном...
 И опять стороной...
 — *Ваши дела говорят об антисоветчине!*
Нет, вы — член партии. Только не той...
Я буду бороться против всяческой нечисти.
«Я не член партии» — ишь ты какой!
Хотите указать путь человечеству?
(Аплодисменты. Крики «Долой!»).
 Не пора ли, пташка, домой?
 А вдруг вокруг тебя любера?
 Или под выборы
 Нам опять вставят клизму чеченцы?
 — *Либерализму здесь нет места, господин Вознесенский!*
Вы хотите нам какую-то партию беспартийных...
 Гляжу на твои картины:
 У женщины ум в инстинкте —
 смесь Левитана и поп-арта.

— Это клевета на партию!
 (Аплодисменты. «Вон из страны!»)
 Ах, как я ждал твоей предрассветной
 тишины!..
 Я слышу, как на далекой пристани
 стихает полуночный мат...
 — Ну как же! Родился Прыц!
 Все леса шумят.
 Вам вскружил голову талант...
 Но как ты одна среди страшных улиц?
 Вчера в Очакове трое качков...
 Луна, как платье, висит на стуле.
 — А вот два агента носы воткнули.
 Один очкастый, другой без очков!
 Экран: «Отче наш» поет Михалков
 Сергею Владиленовичу. Ночь черна.
 Чечня не выходит из головы.
 — Вы по своим стреляете! А кто свои?

Не хватайте ночных телефонов!
 А вдруг это ты из больницы в Лефортово?
 И не можешь вылететь в форточку?..
 Нет. Опять эта школа злословия,
 у, шкода поганая...
 Слова затишены. Трубка повешена.
 — Мы создали условия
 свободы не для пропаганды
 антипартийщины и антисоветчины.
 Кого обнимает Твое распятие?
 Камо грядеши? Куда идешь?
 — Партия, партию, партией...
 Право на молодежь... Вы говорите ложь!
 — Нет, не ложь!
 А брошь?
 Которую, якобы, подарил Диор?
 (Аплодисменты. Крики «Позор!
 Дави сучат!»).
 В дверь стучат. Лишь бы не отперли.
 Я без документов. Что скажут оперы?
 Кто я? Да еще с ключами... Вот вопрос.
 Дождик осенний
 — Никакой оттепели.
 Или лето, или мороз!

Вы скажете, я зажимаю, я — Секретарь, Председатель!

Как книксен жеманный, приседает белый роаль.

И кресло — в присядку.

«Мадрид твою!» — сегодня играют «Спартак» — «Реал».

Я спятил.

— *Если вы не перестанете думать, что вы родились гением...*

Экран: игра офигенная!

Ведет Спартак.

Пас. Тренер. Я те толкану!

— *Ишь ты какой Пастернак!*

Мы предложили Пас...тернаку,

чтоб он уехал. Спартак — призер.

(Аплодисменты. Крики «Позор!»).

Окно поехало по потолку.

«Вольво».

И опять не сюда.

— *Мы никогда не дадим врагам воли,*

н и к о г д а!

Для таких будут самые жестокие морозы!

(Открывает холодильник.)

Хорошо бы попитаться...

(Аплодисменты, переходящие в овацию.)

Есть ветчина

— *Антисоветчина!*

но какая-то антипатичная,

цвета Паприщина

— *Антипартийщина!*

(Одинокий антиаплодисмент.)

А плодись ты в рот, ед ассортимент!

За год не съесть.

Еще бы штопор.

— *А ты што хлопал?!*

А кто ты есть?

Творожник с корицей.

Полбанки «Невского».

— *Я художник, Голицын.*

Я люблю стихи Вознесенского.

— *А еще что ты любишь?!*

— *Еще Маяковского...*

Еще хрен с морковкою.

Еще опята — трупики лета.

Еще пудинг.

И паста в баночке.

Коньяк не допит, но запит.

(опять к поэту)

— В тюрьму мы вас сажать не будем.

Завтра получите паспорт!

И катитесь к чертовой бабушке!

К своим...

Вам нравится Запад —

п о ж а л у й с т а!

Я засыпаю от тепла и жалости.

Засыпаю под ор трафаретный.

Мне снится бешеная тоска —

обида непризнанного поэта

на принца, пришлого новичка.

Не все развалил он при спешке вечной.

Дурной премьер. Деловой зампред.

Но никто не утешил его сердечно:

«Никита Сергеевич, вы — поэт!»

И он прослезился бы так нелепо...

Он не был знаток кукуруз и реп.

В нем жил Поэт, реформатор рэпа,

ужастика в стиле «рэп».

ООН просвещал он туплей, поддатый
колхозный сюрреалист.

Не зря оппонент написал когда-то:

«Хрущев восхищает меня как стилист».

Любой человек не рожден бездарным.

Не всякий нашел себя как поэт.

И рэп с бэкграундом берестяным

поймут, как и я, через много лет.

Отснились, как сон, «анти — парти — анти»...

— ПЕРЕСТАНЬТЕ! —

(Ты вбегаешь и вырубашь кассету.

Твои бедра обтянуты в сетку,

как на бутылке «Кьянти».)

И в морозилке не партизаньте!
 Ах, у нас гости?! И у них ключи?
 Сам плеер включился? А ты — отключи.
 Нужна не милиция, а врачи!
 Милый, прости меня! Доброе утро.
 Как пить хочется! Есть цыкута?
(Снимает прикид с воланами.)
 Где я была? Да все время в ванной.
 Лежала в глубоком обмороке.
 Понимаешь, вошла, как всегда, смиренная.
 А он там сидит.
 Я думала — бандит.
 А он — оборотень. И гляделки сузил.
 И тот же бессмертный жест.
(см. предыдущий текст)
 Я всегда говорила, что наш санузел
 совмещен с иным измерением...

Как новый век зануден!
 Хочу в другой миллениум.
(Идет к роялю.)
 Где тут педали?
(Крыло подымается.)
 Улетаю!
 Без меня тут парьтесь!
 Нет, я не пьяная...
 ЕСТЬ ТАКАЯ ПАРТИЯ

ФОРТЕПЬЯНО!

(Доносится рэпсодия и одновременно бурные продолжительные аплодисменты.)

Все товарищи сегодня — господаины.
Над попсиною страной наискосок
голосина стонет, голосина —
с ним навек мой волосиный голосок.

Кто обидел и кого обидели
над землей сплетенные летят.
Виноваты только обвинители.
Разве виноватый виноват?

Чучеловече

Есть у великих словно Казбек,
чудик-предтеча.
Бродит меж нами духовный чучмек —
чучеловече.

«Чучеловече» зовите меня,
я вам отвечу.
Смейтесь, за все ваши беды вина
чучеловечу.

Вам ордена за победу в Чечне,
мне же — увечье.
Не понимает ученья Чучхе
чучеловече.

Кто черные четки рассыпал в лесу —
помет овечий?
Все — на метле, а я просто лечу —
чу? — человек.

Чудище-вече кремлевской попсы
нас осудило.
Целят все мученики в небеси,
но я, чудило,

всюду свои забываю очки.
Это — стрекозы,
чтобы мы с милой белый нашли
за Востряковым...

Из-за меня ваша участь темна.

Я не перечу.

черт черным нимбом крутит меня — ЧУЧЕЛОВЕЧУ —

Се чат

Се-лекция павианов.
Молчание — се-ребро, а слово — Ева.

Се-верный Руслан.
Се-мена прошлого и будущего.
Се-литровую дыней пахнет ночь.
Се-розеленые Твои просыпаются.

Полные су-се-ки.
Се-далищная мысль.
В-се новости пересохли.
Се-розеленые Твои распускаются.

Се-Че.
Се-я Тельман.
Се-ул есенина.
Се-льд инакомыслия.

Се-розеленые Твои полны слезами.

Се-неказистый.
Се-ретроспектива.

Росейская беседа: «Хусейн я...»
Все в...

Се-ван Гог.

Се-дой Козлов.

Се-розеленые Твои поплыли.
Се-ксерокс с Ангелов.

Не величье пирамид мгновенное
и не пепл Империи в золе —
состраданье, стыд, благоговение,
уходя, оставим на земле.

Объяснения нету, и не надо.
Когдаходишь в соловьевский сад,
на сердце тревожная отрада,
и с тобой сирени говорят.

За калиткой — сердце участится
и над полем, увлажняя взгляд,
неэлементарные частицы
в воздухе взволнованном дрожат.

Ухожу проселочной тревогой.
Краткою земною торопкой —
всюду сердце, узнавая Бога,
холодеет, как перед трамплином.

Мы не возвратимся астронавтами.
Я к тебе как призрак не приду.
Стыд, благоговенье, сострадание
от меня почувствуешь в саду.

Демоны

**Крылья мерзкие слышу,
хоть я к ним не готов.
Как летучие мыши —
перепонки зонтов.**

«Ц'инь, ц'инь, ц'инь» — райских птиц колено?
Или цокает ультразвук?
Это свищет дружок мой Лена,
по-нашему, бурундук.

Лена будит меня под утро,
будто ближе не знал родни.
Конфискует мои продукты
и обнюхивает ступни.

Он — дитя наива и солнца.
Так же, робости лишены
с поцелуями по-цейлонски,
обоюдные пацаны.

«Ц'инь, ц'инь, ц'инь», — издышался спинкой.
Выпей виски. Восстановись!
Схожий рожницей со Стравинским
хвостатый додекафонист.

Как дупло, он висит на стенке.
Пахнет тайной и воровством
диетолог мой беззастенчивый...
Но Восток есть Восток.

«Ц'инь, ц'инь, ц'инь». Ты о чем, настройщик?
Музыкальный мой ерундук
в полосатой своей матроске?
Кушай фундук!

А когда он пропал недавно,
я сорвал отлет на Москву.
Не признался, что ожидаю
бурундучное рандеву.

«Ц'инь» — божественною одышкой
задышало мое жилье.
Так же билась Твоя подмышка
до того, как сбрили ее.

Цейлонская черная чайка,
иллюзии прекратив,
по-видимому, означает,
что все вокруг — негатив.

Но где-то же есть отпечатки,
где ты не обижен судьбой —
где белое золото чайки,
как крестик, блеснет над тобой.

Гамлет, сынок мой, отцеубийца, ты не узнаешь,
как «Тень Отца» — братец мой, отрубился на свадьбе —
с матерью мы тебя спьяну зачали.

Ради тебя я женился на властной невестке,
брата убил, страсти к сыну заложник.
Чтоб тебе стать все глобально известным,
мальчик мой, вынь свое сердце из ножен!

Личностью стань, не рифмуйся с молочной яичницей!
взвей рукава черным ландышем кладбища!
Трагедии Гамлета — почетные грамоты.
Всем наплевать на трагедию Клавдия.

Скроет отец преступление сына.
Я повторюсь в твоих генах инкогнито.
Ах, как от матери пахнет жасмином!
Лишь бы тебя твои дети не кокнули.
Я дядя сына? Отец анонимный?
Яд... яд... ядядяд... я... Это — икота.

Как без меня ты на этом свете?
Даже проститься нам воспевают.
Поторопись быть в Университете.
Учись, мой сын. Науки сокращают.

Я упаду. Послушай гул столетий.
Ты надо мною, музыкант слепой,
сыграй на флейте — laterlaterlater —
все человечество потянешь за собой...

Входит клинок твой в сердце отцовское
Браво, сынок! Узнаю свою руку...

Мать не бросай... Разберись с полоумной отсоскою...
Не дли муку!

Призрака встречу — трансинтелигибельный юмор
я оплачу.

Царствуй, сын, справедливо, но в меру
мерумерумерумерумерумер

(Умер.)

КАРА КАРФАГЕНА

Поэма

«Carthagem delendam esse».

Сенатор Като

378 А. Вознесенский

Пролог

— Карфаген должен быть разрушен!
 — Картагином делендам эссе!
 Это ясно темным и русым,
 Корчагиным и ээсовкам.

Коррупция, блин, депрессия.
 Муж зашит. Ничего на ужин.
 Но Карфаген должен быть разрушен!
 Картагином делендам эссе.

Контрактнику долейте, бесы!
 Караганов... корреспондентку ТАССа
 картагином делендам эссе...
 Хакамада — интеллигентесса.
 Хоть дуринда Барбра Стрейзанд,
 но она — блендамед прогресса!

Рафаэль должен быть разрушен!
 Марафет должен быть обналожен,
 черный квадрат — не повешен,
 бардак в ФРГ — низложен!
 Контрфагот заложил нам уши.

За все Карфаген нам должен.
 Как сбрендил великий Эзра:

«Британия делендам эссе!»
 В «фольксвагене» труп от «мерседеса»
 обнаружен.

ПТУшник, поймай ЦРУшника!

Платон Каратаев — наш Герман Гессе.

Дожили! Кота обрезали!
 Но мышка ушла от наружки.
 Карфаген должен быть разрушен.

Не ведая о Карфагене,
 агрессивно грядем по лужам.
 Общественность офигела.

— Артогонь — контрапункт мессы.
— Задолженность за семь месяцев...
Контрфагот должен быть разрушен.

Мы на джипе пустыней кружим,
чтобы в крике понять гортанном:
кто же должен быть разрушен?
И в ком должен
воскреснуть Картагинем?

Цель

Карфаген, Карфаген, Карфаген — кратер,
из глубин содрогающий Рим элитный.
Это кариес Хаоса. Прав сенатор!
Карфаген игнорировал дириол с ксилитом.

Но играют в висячих садах арфы,
и любовники гасят на темных шоссе фары,
африканская Мэрилин шепчет рабу: «Завтра»...
Раб уполз, закованный в свои ядра.
Хлорофилл, хлорофилл, хлорофилл пахнет!

Подплывает скат, как душа с карданом.
Имя «Като» мне слышится сквозь «Картагинем».
И раскаты танков мы в нем угадываем.
Жаль мне Вашего Рима, сенатор Като!
Ваш соцарт Арбата — звонок распада.
Но белел в траве позвонок аканта

Безвременье темно, как ковры с изнанок.
Птолемей взошел, но еще не зашел Коперник.
Виртуальный Витрувий — живей Империи.
«Но Империю жаль», — мне в Нью-Йорке сказал изгнанник.

Как картофель в фольге, запекает луна камни.
Наши помыслы святы. Рабом быть стыдно.
Мы разрушили наш Карфаген, Като.
Неужели мы станем архитекторами пустыни?

— Караванкараванкараванкараван — куда ты?
— В Анкара, — мне на ломаном скажет турок.
По столбам Карфагена тоскуют звезды —
эrogenные точки иных империй.

Руины

пол-Зевса
гигантов объявшие полозы
пол-Озы
пол-Тебя
пол-меня
пол-да Винчи

мы все половинчаты
вполсилы

живем не по лжи
кто летал — ползи

пол-ЗиЛа
пол-России

где ж черные полковники?
развод
кто сдает полкомнаты?

ползи Фрида к...
пол-Зигфрида

полуответчик полуистец
полный абзац

лови Интерпол
шпиона пропившего
контрольные полмонеты

пол-Ганимеда
а каков пол Ганимеда?

ни политики
ни философских школ
только ПОЛ.

Дуэтная девушка

Уже второе тысячелетье,
одета сдержанно, от Кардена,
играет девушка на двух флейтах
одновременно, одновременно.

Одна — замужняя, нефальшивая,
а с ней — жемчужная, чуть прикольная,
но как волшебно звучит вершина,
ее влюбленного треугольника!

За целомудренной статуэткою
движенье целое начинается.
Она — дуэтная, она — дуэтная,
чего не знает, родоначальница!

Не надо сплетен, не надо Фрейда,
не опошляйте словом «измена» —
не прерывайте искусства флейты
дуэтной девушки современной...

Осторожно лети!

Расстелите мраморные полотенца!
Знать и высшая интеллигенция
в жертву небу режут своих младенцев.

Осторожно — дети! — несут любимцев.
На себе эти Ироды узнают первыми:
детоубийство — самоубийство
самой Империи.

И глядят из мраморных телевизоров
убиенные нами дети.
Им теперь играет Таривердиев.
Там ни мам, ни бабушек, ни столетий.

Спаси, Господи, этого, синеглазого,
как немой вопрос из теленовинок —
почему преступники безнаказанные
откупаются жизнью детей невинных?!

Будь ты проклято, нашенское разбездарство!
Господи, где ты?!
В сердце знак поставить мы опоздали:
«Осторожно — дети!..»

...Тыщи лет усмехается, нож потрагивает
раб, горбатый, как черный квадрат Малевича.
К нам ручонками тянутся над Картагином
убиенные звезды наших царевичей.

Позвонок

Позвонок, как катушка Парки,
на траве среди босоножек,
«No parking»
Карфаген — животное позвоночное.

Я снимусь с позвонком аканта,
не поняв полноты расплаты, —
чтоб узнать, как ломают статуи,
воочию,
меня боги лежать заставили
и вонзались в мой позвоночник.

Говорили, прибой меня поднял
и швырнул, пловца неумного.
Последнее, что я понял, —
сногшибательный ломик наемника.

У меня температура — 241 по Фаренгейту,
(до н.э., естественно.)
Но кто познал позвонок Карфагена,
тот видел Второе пришествие.

Как шедевр, везут меня к трапу.
Я рукою ищу стену,
Но не снял укол психотропный
боль пронзительную Карфагена.

Молитва

Помоги, помоги, помоги,
я Тебя умоляю о помощи.
Помоги мне стерпеть позвонки
и пройти, не хватаясь за поручни.

Мой в испарине лоб промокни.
У тебя не один я, страдалец.
Я ей должен помочь. Помоги!
Без меня она в мире осталась.

Помоги мне достроить собор.
Помоги мне сейчас не погибнуть.
Помоги мне остаться собой.
Помоги мне Тебя не покинуть.

Эпилог

— Вы считаете, должен он быть разрушен?

— Нет, я просто строю. Жру министроне.
На своих позвонках известковой пушкой
персональный свой Карфаген строю.
В автогенной маске, как киллер, сорри,
автокефальный свой Карфаген строю.
Все дерьмо? Чем дерьмее, чем катастрофней —
все равно, тем ровней, тем ровней строю.

Меняются мафии. Я кисть обмакиваю.
Грех искупаю, всю жизнь стругаю —
строю в сердце церковку об одной маковке.
Пусть вверх ногами.

Оттого принимаю я йога стойку.
Любит сердце, когда с него снимут стружку.
Чтоб вам было, родимые, что разрушить,
я всю жизнь Карфаген, Карфаген строю.

Шалочка бадминтона

Бедуины —
высокие, как баскетбольные корзины, —
почему они в белом, как духи Тувима?
Between мы
белоснежной надежды и бытовины.
Инда дуют wind'ы.
Словно белые шахматы, цепью идут бедуины.

Пододвинь ко мне лампу, а я к тебе тень пододвину.
Тень волшебнее тела. Остаются в тени
женщины, занавешенные, как избирательные кабины,
бюллетени неверных не приемлют они.

Пододвинь ко мне веру, а я к тебе вену подвину.
Припозднимся ботвинией плюс сухие блины,
(одна треть апельсина — две трети запретного вермута).
Сквозь такую пустыню понимание протяни...
Мы с тобою — неверные!

Мы неверные дети неверных законов.
Из неверных шагов наш маршрут составим.
Как застывшая в воздухе шапочка от бадминтона,
удаляется бедуин.

Шахматист интуиции, обыгравший машину,
я в неверное время родился на той стороне.
Разве что с бодуна ты припомнишь
казанский мотив муэдзина
из Ивана Александровича Бедуина де Каберне.

Почему — спросишь ты — я ношу нараспаш
ворот русской рубашки покроя дюш-баш
с белой стоечкой, пасторской наполовину?

Ибо дуют wind'ы. И поют бедуины.
Поддвинь ко мне тайну, а я к тебе сердце подвину.

Поддвинь ко мне Запад, к тебе я Восток подвину.
Ибо дуют wind'ы. Неотступно как шах,
по Дубининской улице бедуины проходят впотьмах.
Европейское солнце зайдет за Твою обалденную спину...

Мусульманская полночь шуршит на песочных часах.

Горизонтальный арабский месяц,
в тебе смысл тайный,
который сразу и не заметишь.
Арабский месяц горизонтальный.

*Как будто в небе правее месяца
пейзаж разместится —
наши шоссе перпендикулярные,
вдольних мы, крохотные, гуляем.
Там лявры в сапогах партикулярных
парят,
монетки из карманов не теряя,
патриотично щечки растирая
снежком, о тяге позабыв земной.
Миры пересекаются с тоской,
как женская душа с душой мужской.
Застыли при морозе
в тридцать градусов.
Практически под 90.*

Летят пустыней, вызывая слезы,
не позволяя снежком, побаловаться —
две переделкинские березы,
горизонтальные, как шлагбаумы.

У Медведицы течка.
Читаю Плиния.
Европа — точка.
Восток — линия.

Чумная чайная

Ни вольный битл, ни господин
Ульянов,
не прерывайте водный дым
кальянов!..

Я после с жизнью разберусь...
Но кто-то в чайную
вошел, высокий, как Эльбрус,
в чалме молчанья.

Где заснеженная Россия?
Ночью Дух мировой не спит.
Как шипованная резина,
призмы темные пирамид.
Или кто-то от жизни пошлой
с головою в Землю ушел?
Мы лишь видим его подошву,
не вмещающуюся в земле.

Старый русский
взорвал РСФСР.
Побирушкой,
по европам окосев,
бродит новый Агасфер —
Вечный русский.
Моложавый бродит сэр,
хоть обрюзгший,
как сутулый лунный серп
с авторучкой.

Рок-Горбушкой
Москва пляшет в беспредел.
Ты стихами надоел.
Хуже Рушди.
Просят в каждый некролог
твоей подписи.
Только Бог так одинок,
Господи!..

«Новый русский» ходит с пушкой
не на нарах — на Канарах.
В век чернушный
почему ты, как фонарик,
мечешься, бессмертный ген?..
Вечный ты интеллигент
русский!

Кто устраивал чертогам
постирушку?
Кто заполнил зал Чайковского?
Вечный русский...

Крестник твоего пера,
квазиклассик,
твой пра-пра-пра-пра-пра-пра-
правнук квасит.

Кручка. Слуцкий.
Ночь. Забвение. Наркоз.
Вот Искренко положили.
Вечный русский
тебя мучает вопрос:
«В чем смысл жизни?»

Где Россия? Никого,
кто бы поняли его.

Только выдох. Только дых
без закуски.
Лишь волшебный вечный стих,
вечный русский.

«Such a verse» — зайдусь
в черных джинсах гроза на даче
на заду моем сверстана металлическая Медуза —
сверкаючи

к неудаче

О.К. ROUGE NO сердце
обожаю Окружное ноет нет

пятирядной бороною убежим от
паранойи Моет!

ты со мною в моторолле : "привези мне клипсы
" где же кружка ?" О.К. rouge ? "ye" - "ye"

О.К. руж ? No - "е"- "е"- "е"
сзади всмятку еловает

ОКРУЖНОЕ НОЕВ НОЕВ ГОРОД НОЕВ БОГ

без ига
свобода
гоним !
мига
"мерс" мимо
руж ? но
ОН ? ЖЖ ?
смерть мимо

Другу

Скотина наглая!
В душе твоей поганой — пауки,
все чувства человечески плохи —
но малая частица ангела
любит стихи.

Сладким ротиком от халвы,
нежно щечки надувши, как сахарница,
удивленно ответили Вы:
«Ну кто сейчас трахается?!..»

В окнах лезут авто на авто.
Голубица от страсти отряхивается.
Одеваясь, сказали: «Ну кто
сейчас не трахается?!»

Старуха заперала туалеты
и бормотала вещице слова.
Неужто снова повторится это?

Заря над морем. Ухала сова.
И с волосами бешеного цвета
прибой катился,
 словно голова
 Марии Антуанетты.

Всплеснув руками, силуэт Христа
бежит с христомативного холста.

407 Шапочка
бадмингтона

Наемные неумные

Вы — оптимисты, а я — шиз.
Люблю, когда сковавшись смело,
вы на меня глядите из
оптического прицела.

Я обожаю мышонка за то, что он великан.
Я обижаюсь, что в рясе не я, а сосед Вигелян.

Я обожаю газеты за их очепятки.
Я обижаюсь, когда у двойняшек — три перчатки.
Я обижаюсь на Философию, неясную, как Чучхе.
Я обожаю Софу в розовом одном чулке.
Я обижаюсь на украденный ЮБК.
Я обожаю, когда на клене шотландская юбка.
Меня обижают идивиды нашего обезьянника.

Я обожаю микеладжеловского Давида,
не прошедшего еще обрезания.

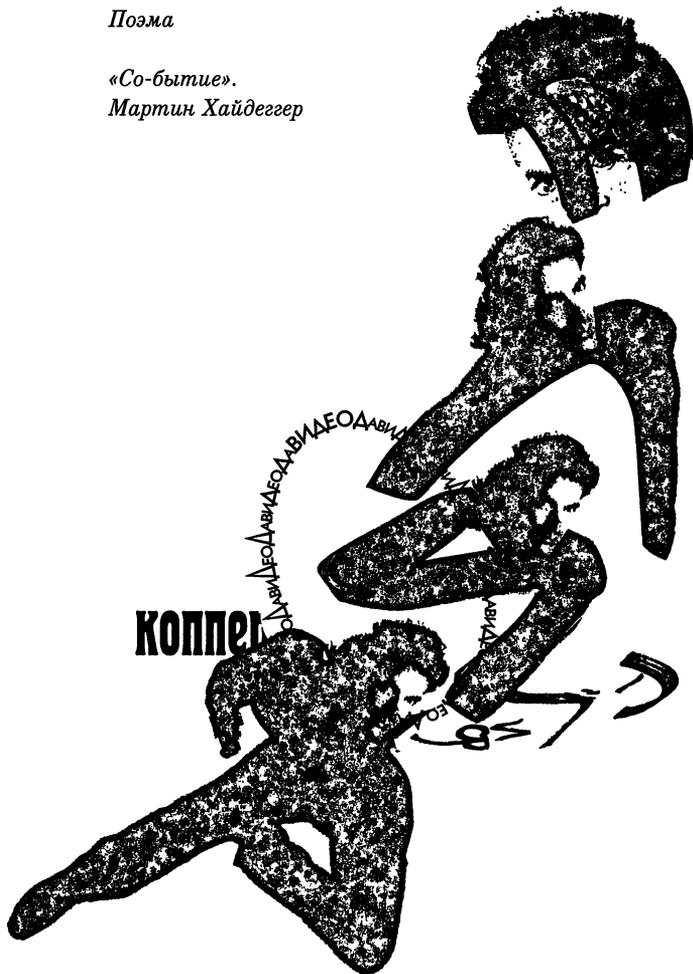
Я обижаюсь, водохлебка, на бесконечные чаи твои.
Я обожаю все водопроводы за то, что не утолят любви.
Я обижаюсь, что я не балерун Бежара.
Я обожаю тебя, за то, что ты, наконец,
от меня сбежала.

ШУЛЕР-КВИНТЕТ

Поэма

«Со-бытие».

Мартин Хайдеггер

I

Роза обертывается целлофаном
целлофан обертывается розой
форель обертывается Шу

Шумел Ерушалаим. Он шел по воздуху.
«Шулер!» — вопила понятливая толпа.

— Вы читали «Давида Копперфилда»?
— Аферист! Он в водку ввел нам клофелина
— в мавзолей он влез под видом некрофила
— нефтедоллары копили — профёршили.
Мы считаем, это не без Копперфилда.
— «Alitalia» для бонз. Мы простофили.
Мы летаем с Давидом Копперфилдом!

Восемьсотпятидесятилетняя
на него, в кремлевских перезвонах,
бабка просит лишнего билетика
за 700 зеленых!

Мчит налог с копилкою болезною.
Номинация — с подачи Копперфилда.
Кот вопит. Ему нули отрезали,
Туалетов нет по всей периферии.

Зелень улетает с Копперфилдом.
И глядят с журналов — под копирку —
дивные андивы леди Ди.
Господи, не приведи!..

II

Додик Коткин повествует о Давиде
о Давиде о давидеодавидеодавиде — *видео* —
видео-шарада.

Пилой с кремлевскими зубцами
он исполняет на себе законы Шариата —

«вору — кару! —
ворукаруворукаруворука р у к а рука рука

Черный покер.
Режет, кобель.
Скрежет...

— КОППЕР...

...фильдеперсовою чайкой

его ноженьки поодаль —

— невидимый хирургический

РОСС... ..СИЯет скальпель —

— отдайте отрезанный КРЫ... ..Мать нашу, ЮБК —

— футуризм лучший отдых семь... —

— 7 тощих коров съели 7 каров + 7 «икаров»,

+ 7 пейзажей Коро —

коровки оказались бешеные —

мы — центробежные —

люди неземного притяженья,

шушера небесная страны,

нашу жизнь притягивают женщины

с шулерским наивом синева.

Обожаю все твои сенсации!

Раздвоенье и печальный блеф.

Дама черв — она с двумя сердцами,

и с двумя крестами дама треф.

Не заглядывайте за кулисы,

дрогнет шулер-радуга мостом.

В лунном свете шулера Куинджи

люди ищут лампу за холстом.

Обожаю и фонарею.

Под фанеру вьюги дом поет.

Когда ты, с веснушками форели,

милый шулер, ты ломаешь лед.

Ты сидела, обхватив складные ноги, как складной
деревянный метр, — ног много! —
— ног много! — ноги ногиногиногиного иного —
хочется иного!

Мы гала-загадка Бога.

Оборотень стоял на сцене.
Ты вздымала руки в его объятиях.
Одновременно
такая же пара взвилась в центре зала
в развевающихся одеждах,
воздев руки, как «Рабочий и Колхозница».
Одновременно
та же пара перед ВДНХ
протягивала руки к небесной баскетбольной
корзине.
Семейная корзина была пуста,

На Новом Арбате открылся ресторан «Мираж».
«Жарим!» — вопила понятливая толпа.

III

За кулисами свели меня с Копперфилдом.
Он к джинсовке примерял порфиру.
Он пропах печалью и карболкой,
шулер с лермонтовскою тревогой.

— Я прошу тебя как шулер шулера,
я прошу тебя как жмурик жмурика,
я спрошу тебя как Шуман Шуберта —
приоткрой гала-загадку Бога!
И еще заметил: «Не раздваивайтесь!»
Он ответил:
«Не расстраивайтесь...»

И сразу отправил двух сумчатых женщин
в Австралию.

В спешке
бюст Ворошилова прилип к бюсту Екатерины,
как две магнитные пешки.

Ятагантка восстановилась.

Садилась в ЛУКАШЕРЕМЕТЬЕВЕ.

Где дуб зеленый.

— «чужой среди СВО — БОДАлся теленок с дубом»

— «я на правую руку НАДЕ — ЖДАнов играл Шуберта —

— булгаковский аналог? А НАЛОГ? —

поправил инспектор —

— «в судьбе, а не среди буМАГ — НИТку он
заглатывает вместе с грузилом и висит на ней,
как золотая рыб —

— какая там рыбка! По утрам он вместо икры
сжирает три килограмма охотничьей дробин,
мне сантехник рассказывал. Засорилось.

А в потолке, значит, магниты...

**— ОН СТЕЛЕТ НАД ПОТОЛКОМ ШИФЕР.
ЕГО И ПРИТЯГИВАЕТ.**

— Странно. Когда, вытащив затычку,
разрешили нам идеализм,
стали все материалистичны.
Окромя отдельных дьяволиц.

— Впрочем, он никогда и не улетал.
Летело время, летели люди.

А он оставался на месте,
перебирая руками в стиле брасс. Летела метель.
Зелень летела. Это давало иллюзию полета.
А он просто лежал на воздухе. Каждый может так.
Полет на месте. Жизнь — это полет на месте.
У каждого на своем месте. Это только
лягушек притягивает небо.

А магниты и хирургические тросы — это от нашей дикости...

— ОН ЛЕТАЮЩИЙ ЛИТАГЕНТ ДИККЕНСА

К сюртуку мистера ДИ КЕНЗО предлагает узорчатые тайтсы.

«Д. Копперфилд» всенародно читается.

демон унес Мишу Лермонтова

шулер

IV

Меня сдуло с приставного стула.
Какая тяга литературы!

Своровало души небо Тушино.
Неземная воля нас вела —
Провиденье и Литературщина.
Игра!
«Кем ты хочешь быть?» — анкета пущена.
«Шулером», — сказала детвора.

И кружил над мальчиком читален,
и сквозь гроб благословенье шурил
Гавриил Романович Державин —
профессиональный шулер!

Что в итоге? Обмишурили?!
Но тоска такая в этом шулере!
Ложный жулик с подлинной тревогой.
Пляшет жмурик сломанной треногой.
Дальше стали мы иль ближе к Богу?
На 2 часа ближе. Если строго.

V

Мы летим на пятой точке к лузам,
белые джинсы зазеленишь...

**В жизни, не имеющей иллюзий,
измени нас, иллюзионист!**

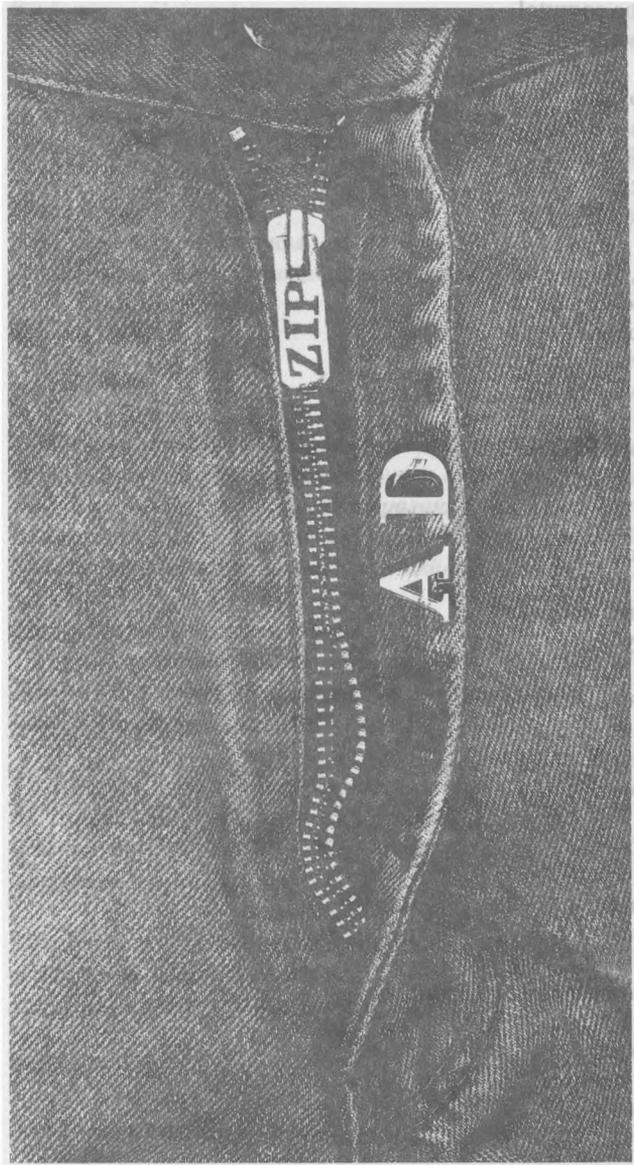
Плачут и ликуют россияне.
Англия. Девятый день Дианы.

АНГЕЛ: «Помолитесь на дорогу».

ДЬЯВОЛ:
«Я вас сооблазнял идеей Бога».

КОМПА

Поэма

417 Шапочка

бадмінтона

Увертюра

Почем звонит колокол?
 Да здоровствует черное солнце!
 Двуглавый орел альковный
 как минимум спит с двумя.
 «Ивановская колокольня
 не названа ль в честь «Японца»?
 а трамвайчик речной —
 в честь «Тайваньчика?» —
 спросил дипломат меня.

По ком ты молчишь, Царь-колокол,
 как наша душа расколотый?
 Кому позвонил Колобов? —
 народы узнать хотят.
 Мы мрем от духовного голода:

А ТЫ СОБРАЛ КОМПРОМАТ?

I акт

Мы живем под знаком Компры.
 Грязен каждый, кто неглуп.
 В телефоне ждет, как в кобре,
 прослушивающий зуб.

Клава Шиффер, Клава Шиффер —
 девственница, говорят.
 ТАСС опровергал фальшивку —
 компромат! компромат!

Ну и кобель! ну и кобель!
 Над Москвою звезд полно.
 Или это Давид Коппер-
 филд играет в домино?

о Давиде одавидеодавидеодавидеодавидео

Наши теннисные корты,
 как авоська, полны компры.
 Компромартовские кошки
 мажут аудиофон.

У жены в руках вещдок —
один компроновы́й чулок.
Что ж ты в холод свою золушку
отпустил в одном чулке?!

Миф о крадене́м алмазе
обожаю в мире тухлом.
Компра — это гре́за грязи
и блаже́нство нищих духом.

Нет святого на Руси.
Кто с Луны стянул трусы
впервые надо всем Северным полушарием?

II акт

Поспешаем.

Объявлена всеобщая мобилизация компромата. Генштаб не спит. Компрабабушки пикетируют комправнуков. Про. Контра. Мат. Компрадорскую буржуазию вытесняет компрадорский пролетариат. Держите братьев Компрамазовых! В Думе продается игрушка-ауди: «Уйди-уйди!..»

Прометей скомпрометировали.
Он тепло своровал для нас, авантюрист,
И свистит в переходе флейтист ампутированный:
«Человек, Божий замысел — чист!»

Богоматерь скомпрометирована.
Ее гонит с квартиры двуногий примат.
Тайный свет выдает Ее — аметистовый
неземной компромат.

И пантера со стрижкой, как Хакамада,
и овца, а за ними пастух и поэт
лицезрят целомудренного компромата
новый свет.
Назовут его Новый Завет.

Кого считает КАССЕТА?

*...ромео и джюльетта? паоло и франческа? резанов и кончита?
адольф и ева браун? вибратор и бритва браун? наркобароны
для петровки? лаура и петрарка? демон и тамара? чайковский
и фон — ... (накладывается непонятный фон)*

*...мой милый божественный кайф блаженный Василий в окошке
как елочные украшения нежность до изнеможения попалась
я (пауза) в душе шум нирваны (шум душа в ванной и телефонный
звонок) алло от ширака страна моя родная необъятная
моя россия западное крыло повело понесло понесло гималаи
тропик рака еще умоляю афон (запись зашкаливает фон)
глянь в окошке зима уж а я думаю что же ты носки не снимаешь
на видео микки маус*

III акт

Жизни смысл в сияньи тайны,
как Титаник в бездне лет.
А без тайны жизнь — ботаника,
там без тайны смысла нет.

*Создается Министерство обнародования тайн. Раскроем
тайны Космоса. Он проткнул штопором Полярную звезду,
дернул — Оттуда такое полилось... Шурупами бы привин-
тить Его, шурупами! А то гвозди так легко вынимаются из
креста.*

Может, он был на кассете?
Иль иные голоса
унесли в велосипеде
два незримых колеса?
Может, в пленке сохранится
шепот нашей чистоты?
Милый мой читатель (нища),
может, это дышишь ты?
То дыханье нашей подлостью
неопознано пока.
Но все, что есть в мире подлинного, —
два спелетенных голоска.

Вторая сторона КАССЕТЫ:

*...на спине у тебя отпечаток газеты за 31 декабря ну бля а где
ты работаешь в диамбанке амба банку это хорошо сидеть в*

амбаре и пить компарии хорошо ой петя хорошо хорошо я митя хорошо ой хорошо витя абрау дюрсо будешь ты царица мира мимо поправь ты не прав витьенька ой сейчас вытеку ау (дио провал на 30 секунд) свет гасишь как сказал старик гафиз (запишем «гашиши»).

акт спиритизма

Экспертиза.

«Фабрикуем подлинники. Цена договорная».

— Но я не спал с Вами!

— Но вот Ваше фото и видео.

— Да, я спал, но не с Вами, видимо.

— А чем Вы докажете адекватность вашей дамы? Смотрите, вот она на видео с куриными ногами.

Сирена выла.

Фальшивые люди заполнили коридоры.

Пиковая дама явилась к Гельману. Марату. Чтобы зарезать его в ванной. Достала кинжал. Но ванная не работала.

Романтический компромат рисует, как соцреализм, не того человека, который есть, а того, который должен быть. У меня отключили телефон за неуплату, а в газете читаю, что я якобы купил виллу на Лазурном берегу. Продать бы эту виллу, внести бы квартплату за век вперед. Народ компрометирует правительство. Или наоборот.

Парфюмерная наклейка подает в суд на Парфенон — он компрометирует ее глянцевую копию своими неотрмонтированными колоннами.

— Я Блок — Нет, я Блок — Я Блок ада — бл... О.К. — блокада двойников.

Мой двойник уехал в Сан-Франциско. Когда ущипну себя — он там просыпается.

Кто создал нас по образу и подобию своему?

Какого Создателя мы собой компрометируем?

Третья сторона КАССЕТЫ.

...барышня перевернитесь на решку не так резко где ж я тебя видала ой тараканы а гостиница дорогая моя хорррошая («Коррозия металла» или фон другого хита, меняем модуль) ну и мобиль у тебя наверно ешь гоголь-мо голь на выдумки хитра ой на работу пора завтра в шесть где цум (шум не поддающийся расшифровке и непринадлежащий двум) мумм не могу ж на улицу в наготе где ж мой прикид от ж.п.-го-тье был поэт не упомяну где в поэме... Мальборо нет есть кэмэл... еще раз в темпе бл... а у тебя лучше чем у ноэми кэмбел... ты ее поэмил... а у кого лучше черт гадкий... у катьки у вашей екатерины великой... а ты ей кем был... и когда ты успел их всех... (адский смех) по интернету и нету ваша дама бита... ОЙ ДА У ТЕБЯ КОПЫТА... а я то думала что же ты носки не снимаешь черт поддатый... а поцеловать (конец цитаты).

акт очищения

Среди грязи несущейся по касательной,
(компроматы сейчас — наградные листы)
я ищу на людей — пока бездоказательно
компромат чистоты.

Мне не важно, брала ли на лапу Земщина.
Но когда под толпу придураешься Ты

клептоманкой сердец и преступною женщиною —
то тебя выдает компромат Красоты.

Уголовной Москве хуже нет криминала.
Твое мятное небо абсорбирует мат.
В запотелом зеркале Ренуара —
Твоего присутствия компромат.

Ты с утра штукатуришься, споришь с гребенкой.
Как дыханье на зеркале — срок наших дней.
Я готов свою кожу нарезать на пленку,
чтоб дыханье Твое сохранилось на ней.

За тебя обожаю купаться в грязище.
Говорят— шоумен, академхулиган...
Моя белая куртка становится чище
после грязевых ванн.

Пусть живу я не чище, чем тысячи тысяч.
Но на Страшном суде, ставши в очередь в ад,
доказав Всевышнему аутентичность,
предъявлю за людей чистоты компромат.

последний акт

Друг мой, товарищ, читающий брат!
Заполни на себя компромат

Читатель(ница)!
Когда не спится. Прими душ.
Обернись газетной задней страницей.
Обернись этой поэмой.
Промокнись компроматом.
Пари над.
Дай прочитать товарищу компрометирующий зад!

Нынче правда стала ложь.

ПРОЧТИ И УНИЧТОЖЬ

Глянь! На посошок минутный
опрометчиво пошел

наши грязные мазуты
компрометирующий снежок.

Неужель ты впрямь, Россия —
компроматная мессия?!

Почти правда все и ложь.

ПРОЧТИ И УНИЧТОЖЬ

Белый голос

Жрите, русские пельмени, соплеменников!
Но по сердцу страшно, если рашпилом.
Пой мне, Маша, первая плеймейт,
made in Russia!

Над страной, бронезилетной и ножовой,
как одежду и надежду, сбросив тело,
плачет голос, абсолютно обнаженный —
голый голос, чистый голос, голос белый!

Здравствуй, пламя молодое, незнакомое!
«Абсолюта» дети, телки и плейбои.
Я такой не видел обнаженной
русской боли!

Боль за наши годы беззакония
и за ноту абсолютной боли, что ли...
Законное, слезою самогонною
плачет небо. Плачет ангел. Плачет поле.

Ты живешь безоблачней небес.
Одеваешься от Кензо. Бесишь скептиков.
Но душа предпочитает без
контрасептиков.

* * *

Клавишами Берлиоза,
душу в слезы уводя,
непросохшие сырозы
жмурятся после дождя.

Слезы высохнут, осевши,
в твоей жизни и моей,
но останется на сердце
отложение солей.

И, наверное, нормально —
если колет на ходу,
когда, на сердце хромя,
твоей тропкою иду.

Все звучнее и ночнее
тишина без берегов —
полна тайного значенья,
как российский гимн. Без слов.

Что судьба нам наукарекала?..
И рыдает, и гибнет народ.
Но волшебное русское зеркало
все читает наоборот.

«Дума — дума», — скажу я, к примеру.
«Муда — муда», — ответят мне так,
как по телеку и. о. премьера
закодировал слово «чудак».

Независимость

Жизнь завистливым данайцам раздари!
Не цари, не скопидомы, мы — жюри.

Дрожь ресничек, точно лапки паучат...
Лучше премии давать, чем получать.

Делиб — дебилам,
Массне — кутюрам.
Нас победила
масснекультура.

Процессор пошел

Фому кинули на фуфло.
Государство нас облапошило.
Всюду слоганы: «Время пошло!»
Время — пошло.

До великого — полшага.
Сунь перст в раны!
Лишь полшага до пошляка
на экране.

И лорнирует лунный глаз
над блевотой.
И клонируются из нас
анекдоты.

Руку на сердце положи,
обнаружишь — нет сердца больше.
Констатировать «жизнь прошла»
тоже пошло.

Сладко жить на все положи.
Нету сердца.
Выпей белого порошка —
«Алказельтцер».

Мы — апостолы воровства.
Воля Божия? Волейболшево?
И своим подобием Христа
мы опошили.

А мечта — не зовет она
дальше «порша».
Были страшные времена.
Наше — пошло.

Экран

Гляжу с кошкой и не раскаиваюсь:
«Оскар» — «Оскар» — «Оскар» — «Кариез»...

Dali с Калиостро от счастья обкаркались.
Спасайтесь от Оскара! Боритесь за Кариез!

Кар у березки консерваторской.
Кариез. Оскар. Кариез острый!

Взвейте бокалы карие с тостом
сюрреализму московскому —
кариез — оскар — кариез — оскар — кариез — оскар —

Му — му-у!

Ко мне юнец в мои метели,
из Севастополя притопал.
Пронзил наивно и смертельно
до слез горящей рифмой «тополь».

Вдруг, как и все, я совесть пропил?!..

Крым подарили — и не крикнули.
Утопленник встает, как штопор.
На дне, как пуговицу с якорем,
мы потеряли Севастополь.

СЕВАСТО ПОЛЬ

В новом году для большей отваги

**потребуется много
ТУАЛЕТНОЙ БУМАГИ**

Памятник императору

Ворона села на орла,
засрав двуглавую корону.
Удостоверила ворона,
что выше уровнем была.

От Александра, пусть Второго,
Финляндия произошла.

Испания

Ферзь голубой. Черный король.
Зеленая бассейна хлорка.
Светофор — «триколор» —
three — color — три калор,
калор-калор-калоркалоркалоркалор —
Л о р к а.

Отель — как сейнер. Землетрясенье!
Кровать плыла.
В распаде семьи. Умы в смятении.
Подобно скрытой электросети,
в стене шевелятся летрасеты —
осуществляется Кабала.

И сердце чувствует, как в спиритизме
столов и стульев
кабаллистическую экспертизу
проходит пуля.

Метафизическую экспертизу
проходит тело.
И даты жизни ткет паспортистка
справа налево.

Фигуры на берегу

Словно гул счастливых губ,
прилив-отлив.
И во всем твоей любви эквивалент.
Над заливом огни букв:

Т

Е

Л

А

У

И

У

отражаются как люб-

ВИ ВАЛЕТ.

В Тебе просвечивает гибель.
Душа елозит, дребезжа.
Внутри надломлена, как грифель
Красивого карандаша.

На захваченный монстрами остров
меня выбросил океан.
Я ползу. Переломан мой остов.
Я слабею от ран.

Мне на помощь с лопатой могильной
поспешает двуногий собрат.
Я Тебя по ракушке мобильной
не успею набрать.

Ревет судилища орда.
Я прокаженным был, казалось.
И только женщина одна
Подошла, не отказалась.

Бреду меж темени, и луж
и черепов, как Верещагин.
Но женщина, как желтый луч,
мою дорогу освещает.

Не пытайте лампой паяльной,
приваривши к Moscow-сити,
отпустите на покаяние!
Под березами опустите.

Робу черную полотняную
я надену, заправив в брюки.
Навзничь в ужасе покаяния
упаду я, раскинув руки.

Меж ромашек вдали от Митино
лягу, темное покаяние —
словно тень от Него, невидимого,
что стоит надо мной в сиянии.

«Краю нет грехам и обидам...
Отпусти мои преступления!
Мы, живые, Тебя не видим.
Мы Тебя узнаем по Тени».

Безоружный парламентарий,
белой кляксой через вражду,
я в единственном экземпляре
на кровавой земле выхожу.

Чтобы было удобней для снайпера,
приколю значок арт-нуво.
Я не предал белое знамя,
просто я завернулся в него.

Может, ангелы или либидо,
смывши красный и черный квадрат,
в виде белого параллелепипеда
нам естественный свет возвратят.

Бегу тропкой неактуальной,
но когда заболеешь ты,
неактуальная интеллектуальность
разорвет себя на бинты.

Эмблематики в изобилии —
лишь бы снова инструктор не смог
королевские белые лилии
в пионерский покрасить значок.

Бейте грязью по табула раза!
Ваши души очистит не флаг —
в форме белого унитаза
круглый лацканами пиджак.

Вижу

В небесах фигура гасла.
Кто-то, Господи, свисал.
Будто кто на небо галстук,
белый галстук повязал.

И невидимую шею
обнимали две руки
запоздавшим утешеньем.
И просили: «помоги!»

На подкладке хорошели
от заката ободки.

Так недолго продолжалось.
Незамеченное злом,
сострадание осталось,
туго стянуто узлом.

Мы тайну не угробили.
Как черные коты,
визжат повсюду мобили,
подняв свои хвосты.

* * *

Берестяная пенка дров.
Камин. Голландская зола...

Спасал его Бенкендорф,
а любимая не спасла.

Пропала сямочка!
Бродит меж бутылок
древней египтяночки
стриженный затылок.

А в кафе у ГИТИСа
курят ее сестры
с гибкою египетской
стриженою шерсткой.

Новости кофейные
чашечками пьют они —
чай, о котофеичах
и мышах компьютерных.

Мне твою семантику
не понять — простите —
русская сямочка
в стрижке Нефертити.

Что за сила тянет
между клипс-кавычек
к вечным египтянкам
временных москвичек?

Загадочное самое
в наших днях постылых —
самочки-сямочки
стриженный затылок!

По-сырому

Жизнь была тюрьмою.
Сосовым был социум.
Только в натюрмортах
пробивалось солнце.

Алый был любовью.
Плакал аметистовый.
Золотой любому
объявлял амнистию.

Заплывал Блаженный
в наш салон сиротский.
Цвел Твой взгляд волшебный,
будто по-сырому...

Выдалось лето жаркое.
У самого моря, взапуски,
с тобою мы, взявшись за руки,
бродим, как запонки.

Мы вдеты не только в лето —
в незримую благодать.
Необъяснимо это.
И надо ли объяснять?..

1

Когда Страшный Суд накинёт мантию,
к небу вскинут руки, как один —
как Собор Парижской Богоматери —
русские дома без середин.

2

Рухнувшее столетие.
Рухнувшие дома.
Женщины всмятку, дети...
Богоматерь сошла с ума!

Любимой пройдешь Москвою,
во встречных плеснет глазах
единственное живое,
что в нас остается, — страх.

Страх едет с мешками сахара.
Запружена страхом трасса.
— Откуда арбузы? Из Астрахани?
— Из страха!

3

Как кегли, летят балясины.
Я ора на весь Союз
царского не боялся.
Но за тебя боюсь.

Боюсь, что поедет крыша
на зыбком твоём этаже.
Ты говоришь мне: «Слышу,
мой таймер включен уже.

Боюсь я домой вернуться,
спуститься боюсь в метро.
Ручку боюсь дверную...
Где ж русские Пуаро?»

СТРАХ УПОЛНОМОЧЕН ЗАЯВИТЬ.
СТРАХ ПОРЯДКА ПРОВЕРЯЕТ МАШИНЫ НА АВТО-
СТРАХЕ.

АТИЛЛА
ПРОВЕЗ СТО КИЛОГРАММ ТРОТИЛА.
Взрывчатку везут пудами.
Мы строили второпях.
Надеемся на фундамент.
В фундамент заложен страх.

ГДЕ ПАНКИ СТРАХНУЛИСЬ — РАСЦВЕТЕТ
МАНДРАГОРА.
А — ГРИБ — ЭТО БЕЗГОЛОВЫЙ СТРАУС СТРАХА.
ВРЕМЯ — ЭТО СТРАХ ПРОСТРАНСТВА.

Рухнувшее столетие.
Заваленных Бог не спас.
МОЛОДЕНЬКИЕ СТАРЛЕЙТЫ,
ОДНА НАДЕЖДА НА ВАС!

Распяты два авторитета
рядом с Господом на крестах.
С афиш XX века,
двоясь, проступает: страХХ.

4

Теракт — терактерактер — актер,
всегда невидимый, утек.

Чеширский кот. Каширский код.
Но девочка сейчас умрет.

Утро

Охранник,
закрутив свой краник,
пил пиво.

Другой, архаик,
ублажал свой храмик.
Прива-
тизация — это красиво.

Как толпа ни вопит, затрудняя шаги,
век срезал кошельки лианозовских школ.
Почти весь алфавит от — Айги до Шойги —
я душою прошел.

Я компьютер грузил, как мартын Ламартина.
Но по счастью, я больше с соседом знаком,
что закусывал водку ненормативным
русским, сочно нарезанным языком.

Я глядела на огни с Ленинских маунтинз.
Оглядев меня, спросил он: «Вы снимаетесь?»
Я сказала, что сейчас я не снимаюсь,
а вообще-то я снимаюсь лет с семнадцати.
он лицом напоминал Лиепу Мариса
и нелепо повторял: «Так вы снимаетесь?»
Я сочла, он режиссер с такой семантикой.
Он считал, что я торгуюсь из-за мани.
Он сказал: «Я заплачу семьсот в суммарности.
Так снимаетесь?»

Режиссер был молодой, но исключительный.
Привел. Музыка включил. Свет сразу выключил...

Или это варианты Санта Клауса?

Я на съемках.
Но жду фразы: «Вы снимаетесь?»

Их предают земле скорей,
словам на кладбище цветы.
Все предают учителей.
Только не ты.

Давно его списали —
списали его рифмы и печали,
метафор расшакалили пульсары,
пописали на пьедестале
усердные ученички —
слова ничьи?
Но если б не было Его —
вам было б списывать — с кого?!

А К Т Е Р
раактерактер

театр. выхОДИТ на простор

Н Е Р А К Т

Бывало, брат Пушкин такое отпузырит !

П. С.

**На все юнески и гринпис
Бельгийский мальчик отвечает: «Псс...»**

**С ним русский мальчик состязается
в стране былин:
гринписдецентрализация, блин!**

Ода к столетию Музея

«Сто» звучит по римски — «Це».
По Волхонке мчат центавры.
Цоколь мыслит об отце
и Музея, и Цветаевой.

Неизящны времена.
Жизнь звереет от паскудства.
Но душа посвящена
в смысл изящного искусства.

В ящике попсы напевы.
Волку хочется «капусты».
Но существует цвета Ева!
Есть изящество искусства.

Как живется вам, Рембрандты,
и в пупырышках Сера?
Уникальны эмигранты —
не на Запад, а сюда.

На изящную зарплату
их служители — в тени,
существуют в пику аду.
Значит, ангелы они.

Ты мне встретишься у кассы,
нестандартно хороша,
на лице, как у Пикассо,
не вмещаются глаза.

Рихтер дал нам индульгенцию
лет на тысячу вперед.
Лезет в очередь народ.

Русская интеллигенция
умирает, но — живет!

И мучительней, грязнее,
чище, чем Тулуз-Лотрек —
бешеный, как велотрек, —
стал ровесником Музея
дважды христианский век.

Не хочу быть раритетом.
Не хочу, чтоб грамотей,
будучи Авторитетом,
меня прятал от детей.

Не хочу, чтоб шрифт на рынке
дегустировал гурман,
точно черные икринки,
черный мак или уран.

Я хочу больших изданий,
как газета и журнал,
чтобы мальчик на свиданьи
меня снизу подстилал.

Палиндром

В завершении, как на грех,
вдруг исчез орех кедровый.
Нет орехов — оворех —
нету слова...

Все идут противу всех,
ни хавроньи, ни коровы...
— Как живете?
— о в о р е Х...

Прителю

Я — энергодатарея.
Не простынь на стороне.
Пусть в пути тебя согреет
твоя ненависть ко мне.

Может, в небе опрокинут рыбный сейнер?
Тельма сыплет на мотель и на детей.
Сторожил здесь не слышал о рыбке-тельме —
тельме — тельметельметельметель — м е т е л ь.

Трахнут тельмой замороженной по темени.
Накормил Христос нас тельным в рыбный день.
Телекамеры работают по теме — тельме —
тельметельметельметельметель.

Скользят шины по серебряной рыбешке.
На носу чешуйка — пирсинг. Молодей!
Тут с проблемами своими загребешься!
И в добавок эта рыбная модель!

Отменили в клубе Тельмана коктейль.

Мы копилку заготовили в котельной,
чтобы под местный дегустировать «Мартель».
Только лужица лежит в память о тельме —
тельметельметельметель — м е т е л ь.

Вентилятор — нелетающий пропеллер.
И тревожно, честно говоря,
что стихи мои опять бестселлер —
«Лучшая продажа февраля».
Лучшая февральская обманка,
Том-фантом за 42 рубля...
Снег обескураженно обмякнет —
лето в середине февраля!
Я читаю, одинок, как мамонт,
след от шин, как зубчики Кремля...
Вновь надежда нас продаст, обманет —
лучшая продажа февраля.

Люблю до одурения тебя, Москва.
Здесь гения зеленая голова,
здесь в лужах отражается рель-аква...
Снежочек горностаевый...
На Кремле
голуби оставили крем-брюле.

Американские полицейские
в опешевшем Красноярске
Привезли горсть земли
на могилу
Резанову от Кончиты.
Наши милиционеры
по разрядке
привезут поцелуй воздушный —
ТАРЗАНУ ОТ ЧИТЫ.

Я — ворон

Я - ворон.

Наглому дерьму,
в меня пальнувшему от скуки,
я снисходительно кивну -
кивнукивнукивнукивнукивнуки в нуки в нуки в нуки

Иные наступают муки
тысячелетью моему.

кивнукивнукивнукивнукивнуки в нуки в нуки в нуки

Загадай мне жизнь и измены знаки,
трансинтелигибельная Кармен!
В жизни видим нитки — ковер с изнанки,
трансинтелигибельный гобелен.

Трансинтелигибельные разборки,
трансинтелигибельные глаза,
трансинтелигибельная свобода
трансинтелигибельного козла!

Но не дергай ниточку — рухнет глубина...
Трансинтелигибельны дневники Нагибина —
всем он шьет убийственный аттестат,
а его, загробного, не достать!

О чем мне повествуешь, как леди Гамильтон,
трансинтелигибельный мертвец?
Голубая разгадка Гамлета
в том, что Клавдий — его отец...

Шопинг — наша святая аура —
пеленгует дух Шопенгауэра.

Призраки в квартирах, в банке признаки...
ГОЛОСУЙТЕ ЗА СТОПРОЦЕНТНЫХ ПРИЗРАКОВ!
Бейте из зенитки, макайте в деготь.
Но прошу, за нитки не надо дергать!

В трансинтелигибельном сиб-экспрессе
споили Ферлингетти, приняв за Пресли.
Почему-то вилкой не выкололи бибики?
Мы гостеприимно трансинтелигибельны.

Как ни уверяют наши теле-Киплинги,
но пути Империи трансинтелигибельны.
За окном высотки рыдает Шнитке.

Ну, зачем вы все-таки дернули за нитки?

Время пошло

Киллерка, или Дымок над пл. Маяковского

*Туристический автобус — дамы с Моськой —
из Турина.*

МАЯКОВСКИЙ: — Фу, туристы...

АВТОРИТЕТ: — Повторим, дед!

МАЯКОВСКИЙ: — Тьфу, туристы...

Дымок струится.

Метро. Телка Валерия с Димой-киллером.

Фавн с метлой и ведром, как с кивером.

Киллеры, пейте ликеры!

Путаны, жуйте бананы!

Входит уполномоченный с ментами,

УПЫРЬ НАМОРЩЕННЫЙ (сентиментально):

— Ух, порно-ноченьки!

Как я одинок...

Я — Демон, нью ноу-хау Хаоса.

(Принюхивается.)

А, дымок!..

(Телке): Куришь? Травку?

ТЕЛКА: — А хулишь? Есть справка.

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ: — Конопля? Во, бля!

(Затягивается.)

Киллер: — Петля затягивается.

ТЕЛКА: — Забирает?

(Телку забирают.)

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ: — Упор на Моцарта

И на А.П. Чехова.

И на абчественность.

Вырву яйца вашим «Мумий тролям»...

Ситуация под контролем.

КИЛЛЕР (*обиделся*): — Мир обыдился.

Телку? В камеру?

Всенародную невесту?!
Сюда телекамеру протеста!

МЕНТЫ: — Где склад наркоты?
В Киеве? В Туве?

КИЛЛЕР: — В НТВ!

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ:

— В уборной молятся

МАЯКОВСКИЙ: — Фунт урины.

Тем не менее темнеет.

Телка несознанку мелет.

ТЕЛКА: — Неисповедимы
сострадания пути.

Дима, мальчик из МАДИ,
МАДИМАДИМАДИМА, Дима!

Ты меня освободи!

Алло, МК?

(Начинается ломка.)

Всю страну ломает, Дима!

Вибрация лишает сна.

Дима, жить невыносимо!..

(Выбрасывается из окна.

Выстрел.)

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ

(шаги убыстрил):

Оба-на!

У, полно, мочи нет...

Я выстроил

Всю полноту картины...

Кретины!

Опять не ту...

НТВ: — Нету Лерки — леркилеркилеркилер...

КИЛЛЕР: — Молчу. Отомщу. Замочу.

Не стой под сифоном!

Не порть промоушен.

АФИША: — Малер. Вторая симфония Моцарта.

КИЛЛЕР *(достает шмалер.*

Стреляет. Мочится).

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ:

(упал, намоченный).

И мокрые губы шепнули: «Демокр...»

Над теплым асфальтом струится дымок.

ДУХ ТЕЛКИ: — Сваливаем, Димок!
КИЛЛЕР: — Простимся, Лера. Я тебя любил.
Я выстрелом тебя освободил
От наркоты и темных сил.
Свобода — смерть...
Была ты слишком хороша
Для жизни, пленная душа.
Но это скроем.
(Стреляется.)
Ситуация под контролем
Выстрела в затылок.

*Врачи вычисляют количество дырок.
Из одной, гелиотропом
И раскаянием дыша,
Струйкой дыма, точно штопор,
Испаряется душа.
И белеют, далеки,
Люди, как грибы-дымки.*

АФИША: — Мясковский, Фуга. Ты. Стравинский.

*Над брошенной пушкой дымок струится,
Как дыхание в тифу...*

МАЯКОВСКИЙ: — Тьфу, трюизмы...

Лера! Дима! Как-то странно —
Жить, любить — и больше никогда.
Неужели только порно-прана?
Неужели просто два дымка?
Ни души. Ни ДНК.
Нелюдимою стужи череда.
Жизнь. Небытие. Нирвана.

Никогда. Вернее — *навсегда*.

Зал Чайковского

Г. Гродбергу

В Зале Чайковского лгать не удастся.
Синие кресла срываются с круга —
белой полоскою, как адидасы.
Здесь тренируется Сборная духа.

Люди поэзии, каждую осень
мы собираемся в Зале Чайковского.
В черных колечках пикируют осы
к девочке в стрижечке мальчужковой.

Государство разделило интеллигенцию
почти догола, точно в Древней Греции.
Климат не тот. Холодает резко.
В плюшевых креслах согреем чресла...

Сытый толкает тележку с провизией,
родине нищей сочувствие выразив.
Цензоры с визгом клянут телевизоры,
не вылезая из телевизоров.

Гарри, сфугуйте над горькою оргией!
Не обеспечивают охрану
правоохранительные органы.
Может, спасет нас молитва ограна?

Зал этот строился для Мейерхольда.
Сборная духа пошла под дуло.
Нынче игра в обстановочке холода,
Не проиграй ее, Сборная духа.

Фрезии

— Вы идет арбузный вырез
— Вы резвы, резвырезвы.
Вы изрядно подразвились,
комплиментчики Москвы!
Фрезии купите Вы.

Я сниму губами вирус
с Вашей милой головы.

Из нас любой — полубезумен.
Век гуманизма отшумел.
Мы думали, что время — Шуман.
Оно — кровавый шоумен.

Коррективна готовален.
Коллективный гобелен.
Одиночка гениален.
Его жребий — гибелен!

Все пути ведут в Вифлеем.
Не достать в Рождество билеты.
Два напрасных тысячелетья
возвращаются нао всем.

Люди, ироды и волхвы,
мы в обратное вступим время.
Мы с Тобой летим к Вифлеему
окружную трассой Москвы.

Настоящее неприем —
лимузины слепы, как филины.
Назад крутятся кинофильмы.
Коммунисты идут в Вифлеем.

Мы устали от перемен.
Провалились в подвал Ипатьева.
Люди спрыгивают с распятий —
возвращаются в Вифлеем.

Благовещенье позади.
Белоснежные влет и вылет.
Голубь ей говорит: «Роди,
родиродиродиродИродиродирод — Ирод...»
«Все равно, — говорит, — роди».

В Вифлееме идут ученья.
Предрассветные голоса.
И заплывшие, как пельмени,
продирает Ирод глаза.

Но сияющий взгляд Отца
озарял темноту пещеры.

Стала ласковым акушером
ионическая овца.

И Мария пирог кошерный
приготовила из овса.

МАМА ЕЛА «РАМУ».

МАША ЕЛА КАШЕ...

ИРОД — РОДОНАЧАЛЬНИК ФЕМИНИЗМА.

Ослепленные соплемен-
ники ржали, мычали, блябли.
Минареты кричали белые:
«Вифлеем! Вифлеем! Вифлеем!»

И миллениумы вдали
чуть посвечивали, воздетые,
словно три кольца у кастета —
крепко спаянные нули.

Век сменялся. Народ смеялся.
Репетировали. Меж тем
продюсирующий Смелянский
в уста Богу влагал рефрен.

В топ-толпе среди топ-эмблем,
муэдзинов и лиц, надевших
златотканые прозодежды,
уходящие президенты
попрощаться шли в Вифлеем.

Возвратим дары в Вифлеем.
Что Россия несет? Царевича?
Или Черный квадрат Малевича?
Голос, радуясь и жалеючи,
объявил подошедшим:

«Д е в о ч к а».

— Вив ля фам!

...Спит Она, младенец совсем!
Сохло вафельное полотенце,

Словно соты медовые. Сердце
 колотилось на весь Вифлеем.

И Мария молилась всем.

«ЛАДА» С ТОЛСТЫМ СЛОЕМ ШОКА...
 ОТ РЯЗАНИ ДО ЗАИРА — ЗА РОДИНУ,
 ЗА ИРОДА!

ОВЦА — В ОВСАИДЕ.

А на улице, как курсив,
 шли волшебницы, елки, леди...
 Здравствуй, женское тысячелетье,
 пуповину перекусив!

Что душа? Филиал Вифлеема.
 Помню, я стоял под звездой.
 Не появившему ни бельмеса,
 мне дышала ночь вифлеемская,
 сбросив пашню,
 как рубчик вельветовый,
 пахла тайною и Тобой.

Возврати меня в Вифлеем
 человеческого истока!
 Народилась Христу сестренка,
 младше на две тысячи лет.

Может, всех нас спасет Она?
 Мозг расплавлен. Час веку равен.
 Потуши наше солнце, Навин!
 Навинавинавинавинавинавин —
 вина...

Ножки кутать Ее мешали,
 будто делали велосипед.
 Но из правого полушария
 уже женский струился свет.

Трансвестированы века.
 Мир спасется Твоею мочкой.
 А пока безмятежно чмокай
 у Мариного соска.

Репортерши, телки, гадальщицы.
Перемены мифологем.
Но чем дольше идем, тем дальше
отдаляется Вифлеем.

Люблю Ад:

чана чад —

пятки, пятки — пяткипяткипяткипяткипят —

к-и-п-я-т!

На закате плещет мою нишу
нищими рубинами волна.
Я тебя сравнением не унижу,
нищая любимая страна.

У меня просроченная виза.
Тебе будет проще без меня.
Жаль, что я, Россия, не увижу
твои золотые времена.

Чувственный, словно Фауст.
Докрасна раскаленный куст.
Август. АГВ уст.

Был он гений и гуляка.
И болтался на ветру,
как английская булавка,
нос, приколотый к лицу.

Кто сознание нам прикнутил?
Бог иль Нобель?
Кто косою
свел конструктивистский шнобель
с альтмановской стрекозой?

Чья в столетиях блукала,
как пружиночка, ноздря?
И ворочило белками
Твое сонное «нельзя».

Фары темноту буравили.
Людям было не понять.
Просыпались под Буланову.
Просыхали. И опять
пили ром. Курили травку.
Раскрывался на весу,
как английская булавка,
сон, приштиленный к лицу.

Увы

«Разговор с фининспектором о поэзии».

Фабзайцы и Маяковский.

Разговор Дельфина со Спектором — полный абзац

МКовский!

Кутузовский глаз проспекта

туман затянул восковкой.

Ах, ленточка одноглазой фальмалогичной Москвы...

Не сорите!

Я только бомж в общественном саду.
Как мусорную урну, Нефертити
я обниму, усну и пропаду.

У озера

Живу недалеко от озера.
Цвет осени ест глаза.
Как Красная книга отзывов,
отозванные леса.

Но нет в лесах муравейников.
Они ушли в города.
Заменена вертолетом
отозванная стрекоза.

Хоть мы с земли не отозваны,
но, в небеса спеша,
села на столб неотесанный
отозванная душа.

Утро в горах

Бунтуют склоны.
Бум магии.
Шоссе разматывается, как рулоны
Интеллектуальной бумаги.

Лыжник летит по небу, беся дураков.
Пригнувшийся к лыжам, как дырокол.

Прижавшись к лыжам, по небу паришь,
Любовник лыж!
Час парит, два часа, три часа...
Возвратите лыжника, небеса!

— Он — невозвращенец. Держи, лови,
в мир, где все меняется на рубли.
— Он разбился насмерть. Мордень в крови.
— Я вернусь, когда кончу обряд любви.
Концы лыж согнутся, как поцелуй.
— Секс-символ гнусный, не озоруй!

Милиция вызвала вертолет.

Невозвращенец в ответ поет:
«Я — невозвращенец. Бессмертен мой статус.
Как кисть Возрожденья, я в небе останусь.
Не делайте тайны из страсти своей.
Я горизонтальный пример для людей».

Западник

Ни винегрет, ни йогурт, ни Курт Воннегут —
ТУРГЕНЕВ — ВЕНЕГРУТ.

Мы чистоты почины,
мы пухнем от пургенов.
Мы вас разоблачили.
Вы — венегрут, Тургенев!

Имперский резидент,
с альпийской головою?
Империи уж нет.
Но кудри, как левкой...

Надев на тело белое
двуполое пальто,
палит из парабеллума
Полина Виардо.

Шифруя падежи,
передаете Морзе
в Москву: «Как хороши, как свежи были розы...»

Скрипка

В скрипичных снастях
свистали ветры.
Летали страсти,
порвав конверты.
Мы были в трансе
от иновертов.
Скрипач над Мурманском
летал без кепки,
пришпилен к музыке,
как скрипкой — скрепкой.
Она, из рода Спиваковых,
кричала нам:
«НЕ СПИ В ОКОВАХ!»

Измучила нас музыка канистр.
Лишь в ванной обнажаем свою искренность.
Играй для Бога, лысый органист!
Сегодня много званых — мало избранных.

Как сванка, плотный спустится туман.
Пуста Россия, что светилась избами.
И пустотело выдохнет орган:
«Как много нынче званых — мало избранных».

Но музыка пуста, словно орган.
И космополитична, как алкаш.
Нет для нее ни званых и ни избранных.

На шесть стволов нас заказав расхристанно,
Бах поднял воротник, как уркаган.
Из бранных слов мы постигаем истину.

Тетя Даша

Тетя Даша меряет мне давление.
Стягивает повыше локтя.
Шнур, накачивая воздух,
соединяет руку с черной грушей.
Вена вздувается.
«Отвернитесь»!
Чувствую, что-то вошло в вену.
В висках застучало. Процесс пошел.
В зеркале я вижу, как у меня на лбу
бежит цифровая дорожка.

Я понимаю, что это не груша,
а компьютерная «мышь».

Ох, не простая это тетя Даша.

Курсор

Я — корсар иллюзорный, не мяса кусок,
я — курсор.

Я, как солнечный зайчик, блуждаю в улыбке Гульсор,
я — курсор.

В Троекуровке взрыв. Прискорбно.
НЕ ПРИКУРИВАЙТЕ ОТ КУРСОРА!

Одна девушка из Кускова
на третьем месяце от курсора.

Не усоп Куросава, светлячок его бьется опять...
Не понять,
что, дрожа, ищут мною Господние пальцы и взор?

Я — курсор.

Я вышел ночью на Тишинку.
Над рынком плавала снежинка,
светясь тычинкою курсора.
Гульсор уснула и Урсула.
Уснуло все. Во сне куснула
себя собака. И уснула.
И даже Ты свой взор смежила.
Одна курсорная снежинка
искала в буквенном табу
грузинско-русские дабл ю.
Нодарий пел. Гребли кого-то.
Но далее, за поворотом
зияла Грузия. Сия
сияла тайна бытия.

Хакер

«Мы тебе устроим козью ногу!»

Бабы били Казанову.
Каркал ворон. Бьют сурово.
Хакер — новый Казанова.
Он взломал любви основы.
(Сам из Харькова. Звать Вова.)

Взламывал он женские тайные компьютеры,
Как «Титаника» каюты.
Сорок раз входил в Мадонну,
и в банк с наклейкой голубой.
Всех имел девиц в «Макдоналдсе»,
не имея ни одной.

Поблудневши от интима,
худ, как язвенник в экстазе,
изнасиловал систему
спутниковой связи.
Отдыхает Cosa Nostra.
Хакер — новый Казанова.

Секс имел с трубой Козлова.

А от женщин трех столетий
у него остались дети.
Из кроваток и могил
плачут: «Папа — некрофил!»

Любят женщины ушами.
Отрезал на память уши.

На веревочке их сушит.
Словно половинки груши.
Злей убийцы заказного
хакер — новый Казанова.

Бабы били и резвились:
«Занесет во внутрь нам вирус!
От Нью-Йорка до Москвы
Ганибал он нам мозги».

— Казанова Интернета
спас казненную Антуанетту,
голову склонив на *это*.
Загазованы коровы.

Бабы кроют озорного:
«Козел ты, Казанова!
НЕТ ФАШИЗМУ В ИНТЕРНЕТЕ!
Пусть гуляет по планете.

Звезды раком над Ираком.
Что ж тебе наш секс нелаком —
пышногрудый беспредел
невостребованных тел?!»

Отвечает бедный хакер:
«Я на вас, миледи, харкал.
Казанова — не развратник,
Рыцарь грез я невозвратных.
Люблю маму Льва Толстого.
Гимназистку.
Честное слово!
К ней лечу! Туши свечу.
Жизнь — хренова...»

После спича козырного
спрыгнул
с этажа шестого —
Помяните Казанову! —

Шмяк!..

Ну и ну!.. Конец кинú.

Встал. Пошел к Шемякину.

Татьяна Александровна, урожденная Пушкина,
семейством Лариных удочерена,
была им замуж в сердцах отпущена —
за очередного Ланского пошла она.

А Мери Михайловна, урожденная Лермонтова,
была ему вернее всех невест.
За нее он стрелялся со всероссийским вермахтом.
Прости им, Господи, святой инцест.

Москва. Кремль

Восхищается толпа
У Иванова столпа:
«Нас красивый силуэт
изнасилует!»

Фотомастер

Аристократизм в красоте,
не среди родословных дубрав.
Сын плотника — на кресте.
Плотников — фото-граф.

Когда же я очнулся, я увидел,
что рядом на одном из берегов,
лежали раковины без мидий,
раскрытые, как футляры от очков.

Мгновения эти назывались жизнью,
их кто-то нас волною примерял.
Сверкали проницательные линзы.
Как Божьи искры. Мы — лишь их футляр.

Нищие

Бабка, ровесница СМЕРШа,
Преградила дорогу мою.
Говорят, она — миллионерша,
Я не ей, я себе подаю.

Был человеком-эксcrementом.
Устал от пошлости коллег.
Теперь я человек-легенда.
Легенда — тоже человек.

Год зайца

Зайцам радостно: в России —
все косые!

Век освоив закидонистый,
общий ужас навлеку.
Зайцы спрятались в «Макдоналдсы» —
только уши наверху.

Мы с тобой от них устали.
Шевелят меж белизны
длинноухими листьями
зайцы — ландыши зимы.

Как три дырочки из черепа,
троеточие следов.
Что пророчит нам тепереча
та цепочка черепов?

Люди — это те же зайцы.
Тоже изредка кричим,
этого импровизацией
так не выяснив причин.

Все питаются по-черному.
Все — плейбои.
Жив тулупчик Пугачева.
Все — разбойники.

Кто с тоскою безотчетной
Высший замысел поймет,
на снегу рассыпав четки,
точно заячий помет?

И куда, к лесам неведомым
от двусмысленных светил
нас с Тобой одних по следу
тайный заяц уводил?

За что нам на сердце такие рубцы?
Куда же все денется?
И кем пожираются, как голубцы,
спеленутые младенцы?..

Ну ладно б меня. Но за что же Тебя?
Запястье в прожилках...
Живешь, сероглазую муку терпя.
Скажите прижизненно!

Куда же нас тащит наружу рыбак? —
боль в сердце вопьется —
зачем содрогается на крючках
проклятых вопросов?

В слезах, когда просыпаюсь,
пойму, что береза — это
размятая Божьими пальцами
последняя сигарета.

Что ж, потуши торшер
и умоляй икону.
Но Время — это шар, летящий по наклону.

Отец и мать, ваш дар
я промотал, как клоун.
Но Время — это шар, летящий по наклону.

Клал пирамиду царь,
как клинья под вагоны.
Остановимте шар, летящий по наклону!

Шар неостановим.
Горят, как мусор, мани.
В чем смысл, христианин? В чем сущность, мусульмане?

Не остановишь шар, летящий по наклону.
Как кегли он сшибал
статуи и колонны.

Губ неостывший жар,
на небо упованье.
Шок синих шаровар, взметенных куполами.

Лосины — как чеснок,
Наполеон с поклонной.
Спаси Россию, Бог, на плоскости наклонной.

В Америке пожар.
Мы вновь — не чемпионы.
Что ж, превратимся в шар, летящий по наклону.

Державина нашарь.
Читай Анакреона.
Любимая, прощай! Мы люди, мы — не клоны.

Пусть я возник, как миг,
летающий за валторной.
Но памятник воздвиг Тебе нерукотворный.

Остаюсь у разбитого очага,
пусть везучий, пусть даже известный слегка,
в жизни сучьей я вытаращу зенки.
Я — сегодняшний шов, где сомкнулись века.
Я — з/к языка.

Остаюсь вечно ваш непокорный слуга

Вадим Вознесенский

БЕРЕМЕННЫЙ БАС

Поэма

516 А. Вознесенский

Вступление

Даждь нам джаз. А сапогом по роже?
Как мужик беременный — пузатый бас.
Джаз — вид жизни. Боже, Боже,
даждь нам джаз!

В Бийске — минус 70. Обморозишь сердце.
Может, впрямь согреются, играя джаз?
Вымерзает интеллигенция.
Совесьть измеряется килогерцами.
Даждь нам газ!

Русские джазисты, бомжи элитарные,
пальцы коченеют в такие холода!
Ты куда ведешь нас, ударник,
ударник-ударникуданикуданикуда — НИКУДА

Джем, жим, джин, джин-тоник,
тоник-тониктониктониктоникто — НИКТО

Бабочка с иголки подседа мне на тай-
на тай-натаянатайна — ТАЙНА

Но над веками
взмахнет руками
Христос — как без палочки дирижер-джазист.
Как Он устал дирижировать нами!

ДАЖДЬ НАМ ЖИЗНЬ!

— Марь-Иванна, что такое джаз? —
дискутируют в школе скептики.

— Почему забеременел контрабас?
Экономил на контрацептике?

— «Почему, почему!»

Ща те рожу почию!

С гитарой обжимается Пол Боллинбэк.

— А бас, что же, не человек?..

— **Judge us jazz!**

— Как же, щас...

— Джаз — это музыкальный джакузи.

Дождь горизонтальный бьет, как «узи».

Кролл. И Бенни Гудман. Кровь. Лорд Джадд.

Забвение минутное даждь нам джаз!

В аду нет топлива для котла.

Милиция топает «забить козла»

(топлес-телка телкателкателка — котел).

— Сакс? На костер!

*От мозгов до кроссовок
просквозит меня соло
ностальгической нотой
АЛЕКСЕЯ*

ОЗЛОВА

«Джаз умер», — критик писал. Но — ах! —
джаз сыграл на его похоронах.

Миллениум Горбушку видал в гробу,
но вместо обмеления есть Игорь Бу,

«зусман барает»* .

Бутман играет.

Кто там дует в золотой унитаэ?

ДАЖДЬ НАМ ДЖАЗ!

Ажажа и Пришелец, кто ты ни будь,

ДАЖДЬ НАМ ЖУТЬ!

* Молодежное джазовое выражение 60-х годов, означающее «мороэ грахаёт».

Глава 2

Даждь нам джаз! Не узнаю,
бродит под Москвой
красноносый «зусман»
с белой бородой.

Боже! Обознаюсь!
Ну и туман...
Взял я соседа за нос.
Но это стоп-кран.

Жмурики, на раут!
Усмань смерзлась враз, —
«зусман барает».
Даждь нам джаз!

Мороз барает нищих в бараках.
Думский парламент мороз барает.
Спит в «мерседесе» парочка private.
Мороз барает. Обоих барает.

Лопнут бутылки, сберкасы, препоны,
невеста, которую запирают,
и барабанные перепонки —
мороз барает.

Он заморозил в суде апелляции.
Родина граждан не выбирает.
Мороз преступнику нос обеляет.
Мороз барает.
Снег в Эмиратах беспрецедентный.
Женские судьбы — как дырки баранок.

Администрацию президента
мороз барает,

«зусман барает».

БУТМАН ИГРАЕТ.

Как-то
проказница-мартышка,
козел на саксе,
с контрабасом мишка
и конь в пальто
решили играть группой.

Играли по крупной.

Открыли клонирование.
Откроили Крым Украине.
Выпустили инстинкты.
Устроили в Индии землетрясение.
Подстелили пальто.
Закусывали водку вареньем.
Протрезвевши, поняли, что
бас беременный.

Мэн расстегивает ремень.
Бас беременен.
Пересели. Ветр перемен.
Бас беременен.
Смени позы, согласно времени!
Бас беременен.
Вопреки Брему.
Ностальгиею гобеленовой
бас беременный.

**Позвали театр «Ромэн».
Бас беременен.**

**«Ну, козлы! — подытожил сакс. —
Пошли в ЗАГС».**

Глава 4

Если вы не жмурики
и по вам не выли —
умирайте в музыке,
пока вы живые!

Глубь артезианская!
Каждое мгновенье
возрождайтесь заново.
В этом жизнь, наверное.

Сумбур вместо музыки.
Собор вместо мусора.
Закаты над Грузией —
как корки арбузные.

Азбучны приливы
и отливы чувства.
Душе с непривычки
сразу не очухаться.

Жемчуга. Амбиции.
Тяга безотказная.
И самоубийство
вечного оргазма.

Опять умирайте,
чтоб вновь возродиться, —
не забудьте, Бога ради,
назад возвратиться!
Мы — живые смерти.
Свечки именинные.

**Хороши конверты
на своих поминках!**

**Меж Твоею, милой,
и моей ладонью —
новые могилы,
новые роддомы.**

«Гзи-гзи-гзео» — в русском шизе
слышно: Диззи!

Оза, смейтесь, смехачи!
СМИ, мочи!

У баса в животе открыты
две прорези от аппендицита.
Струны начинаются, где лобок.
Браки однополые венчает Бог.

Страстью отзывается стон струн глухих,
когда басник пальцами щиплет их.

Кто папаша джаза? Сакс породы такс.
БЕРЕМЕННОСТЬ ПЕРЕДАЕТСЯ ЧЕРЕЗ ФАКС.

Пухнет бас в результате свинга?
А может быть, свинка?

Чем беременен?
Чемберленами?
Чемоданами, юбилеями?
Божьим временем?

И брюхатилось под декой
полубуквами ХэХэ
то, что было ХэХэ веком,
чемпионом во грехе —

войны, технари, налоги,
кровь, поэты, Лужники
и новейших теологий
виртуальные жуки.

Божьи птички
оптимистичны.

Пеночка:
«пинь-пинь-пиночет».

Журавли: «куравлев».

Сойка:
«сойка-сойкасойкасой — косой».

Индюк (еле в тон):
«Я Дюк Эллингтон!»

Орел (резко): «Я решка».

Овсянка: «Оф-самка».

Бутман: «О'кей, Осанна!

И как таинство
в днях портяночных,
шею вытянувши вдоль трассы,
потянутся
верблюды, как контрабасы.

Взор замедлите —
и в воде
царскосельские белые лебеди
отразятся, будто биде.

Вьюга крутится, как рюмка.
Юнга, чистящий гальюн, —
юнга, юнга, юнга, юнга, —
слышит птицу Гамаюн.

Заплываем в мечту.

Все забудем.

Я до счастья Тебя домчу —
домчу-домчудомчудомчудом — ЧУДОМ

— Каков пол у Боллинбэка?
— Как пол-кентавра:
пол-человека
и пол-гитары.

Полнолуние бьет в литавры.

Бутман, смерть джаза — это деза.
Ты в Нью-Йорке оцепенел —
тебе бухнул великий Диззи:
«Я — тоже революционер!»

Читка этой поэмы — пытка.
Но как ангел внимательный, ты,
когда я читал, на пюпитре
перевортывал мне листы.

Сколько свободы?

А сколько времени?

Луна — без стрелок, но на ремешке
серебряной дорожки.

Ноль — без дирижерской палочки,
струны не нуждаются в смычке.

Большое мужество — продолжать свое племя.
Ведь нация на мушке, на волоске.
Русские перестают беременеть.
Приходится — музыке...

Сердце оторожено, как ухо.
Берегите сирот!
Снегом депрессуху
джаз массирует.

Живопись? Граффити!
Животворная наркота...
Живите —
для живота.

Сахар нас схрупал.
Пища пережует.
Царит над городом купол,
над нами царит живот.

Мороз, все бараешь?
Избежим когтей.
Billy Cobham, **черный барабанщик**,
крутит плечи, как гантель.

Привет Улан-Батору — баторубатору — рубато!

Нос любителя метакс
сбил плинтус...
«БУТМАН — ЛУЧШИЙ В МИРЕ САКС»
(Билл Клинтон)

Жмет мысль опасная
в моем мозге:
лучшие саксы и лучшие басники —
в Москве!
— К черту барабашку!
— Бей, Билли!

— Банщики стараются...

— Свободу рабам!

Черный барабанщик, как черными гирями,
черными ядрами бьет в барабан...

Позовите сюда эпоху.
Пусть носы росисты, как земляника.
Похороны
прекрасного Мига.

Не сгоревшего в небе МиГа,
который был вертолет,
а намыкавшегося мига,
который нам не поет.

Сутулится бас фигурой —
беременный с черным бантом.
В окна глядят с шампура
Бременские музыканты.

Он был музыкальный профи:
«Миг. Хмык. Мик-ада. Биг-Мак»
Я помню лежащий профиль,
запыхавшийся, как сайгак.

Мне все ритуалы по хрену!
Он был из друзей моих.
Я видел: пугая похороны,
из гроба Он встал на миг!

Рухнул с тоской во взоре,
Сказав: «Она не пришла».
Мemento morе!
Звездам на небе нет числа.

В Джекказгане ветра безумные.
Джаз каскадом взлетает. Но
площадь Зубовская — без Зубова
и без Дюка сохнет ф-но.

Люблю города могучные.
Сплю, сплюсплюсплюс — «Европа Плюс».
Страны называют в честь Бени Гудмана —
Бенилюкс!

И дизель трубы заболел эпилепсией
без Диззи Гиллесли.

Помнишь Диззи московским летом?
Контрабасы столпились в круг,
как коричневые жилеты
с двумя прорезями для рук.

Помнишь, ты на концерте плакала
под визг трубы?
Бас горбатый, облапив лабуха,
как медведь, вставал на дыбы.

Помнишь, помнишь, Москву влюбил
73-летний Мафусаил?

— Ишь, докривляется лет до ста!
Нет корреляции возраста.

- У нас бы одумался, стал бы другим.
- Написал бы Гимн...
- Все не перебесится, старый джаз!

На девятом месяце бедняга бас.

Бас тужится.
Басу хочется соленького.
Бастующим операторам хочется «зеленьких».

Дышит в шею, тих, как батист,
влюбленный контрабасист.

Почему, поборовши шок,
он невидимый взял смычок?

Что мычит смычковый Башмет?
По-славянски «басник» — поэт.

Чей смычок с неджазовой нежностью —
ночь печенежится! —
белоснежными полотенцами
тело баса трет запотелое?

Схватки. Корчи. Салют! Экстаз!
У баса родился малютка-бас.

Музыка — дух рас.
ДАЖДЬ НАМ ДЖАЗ!

Посвящение

*Озари меня,
муза зауми!*

Музы все Тебе служат замами.

*Называют тебя дикой дурочкой.
В нашем слаломе
подари Ты мне свою дудочку,
муза зауми!*

*Я живу. Не нуждаюсь в тренере.
Неказист?
Но зато я играю на «теноре»,
как джазист.*

*Берестяные ходят ходики.
Еще рано.
Повернись ко мне своим в родинках
нотным станом.*

*Впились тернии, словно шестерни,
в лоб терзаемый...
Тренирует меня — что естественно —
муза зауми.*

Эпилог

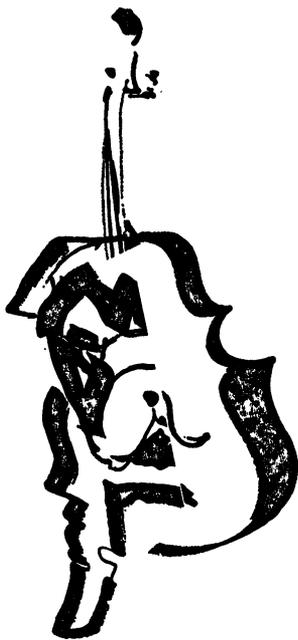
**Играет смычок. Его пилящий жест
мне видится, как отшатнувшийся крест.**

**Нет сил человеческих с мукой своей
тащиться, как тащит сучок муравей.**

**Как крест Он тащил! И мучительный стон
нас всех осенил музыкальным крестом.**

**Сверкнуло скрепенье Башмета и джаза
смычковым крещендо бессмертного баса!**

**Спасение — в музыке. К ней прижмись.
ДАЖДЬ НАМ ЖИЗНЬ!**

Содержание

Письма из «Желтого дома»

- «Нас дурацкое счастье
минует...» — 7
Вдоль моря — 8
Шалада желаний — 9
Море — 10
А ты меня помнишь? — 11
Теряю голос — 12
Немая — 15
Храм — 16
Помилуй, Господи... — 17
«Вот и сгорел вроде
спутников...» — 18
«Вдову великого поэта...» — 19
Баллада о Мо — 20
«Вы застали меня живым...» — 22
Купание в росе — 23
Черемуха благоуханна — 24
Юбилейное — 25
Золотая синева — 26
«Ходит по пляжу рижскому
мусорщик...» — 28
Мое время — 29
«Наши трапезы —
сладострастные...» — 30
«Беззвучный цвет — весь
состоит из звука...» — 31
- «Я тебя очень... Мы фразу не
кончим...» — 32
«Есть в хлебном колосе...» — 33
«Прикрыла душу нагота...» — 34
Исповедь Мордовской Мадонны — 35
Лифт застрял — 38
Trade Center — 40
11. IX — 42
Беглянка — 44
«Если были б чемпионаты...» — 45
«Прими, Господь, поэта улиц...» — 46
Пластинка — 47
Нет времени — 48
Самохаты — 49
«Коровам снится синтетичный
силос...» — 51
Масленица — 52
Блинный чай — 53
Б. Г. — 55
«Ты — замыкание короткое...» — 56
Часы сыча — 57
Чувство — 59
Павлевазмей — 60
Кровь — 62
Ветер — 63

- Северная магнолия – 64
 Дочь художника – 65
 Смерть огня – 66
 «Тьма ежей любого роста...» – 67
 Волшебное стекло – 68
 Три ада – 69
 Шар-пей (Поэма) – 70
- Улет 1 – 114
 Улет 2 – 116
 «Солнце, черное и красное...» – 118
 Первый в жизни снег – 119
 Обучение на доске – 120
 Улет 3 – 122
 Древо Бо – 123
 Casino «Россия» (Поэма) – 127

Древо Бо

- Открытие черного квадрата – 93
 Молитва о «Курске» – 95
 Траур – 96
 Ветеран – 98
 Лена вскрыла вены – 99
 «В нас Рим и Азия
 смыкаются...» – 101
 «Белеют под стволами
 черными...» – 102
 Утренник – 103
 Желтый дом – 104
 Авиаушанка – 106
 Великий пост – 108
 «Розы ужасом примяты...» – 109
 Эпитафия – 110
 Стена плача – 111
 «Мы с тобою прячемся от
 Времени...» – 113

Спасите черемуху

- Рев небес – 175
 Спасите черемуху – 176
 Эсамбаевы – 178
 Беженка – 180
 Лесной регтайм – 182
 «— За что мой вихорды распотланы?..» – 183
 XXI – 184
 Платите женщине – 186
 Бард в погонах – 188
 Оксана-2001 – 189
 «Не дай нам, Господи, сорваться!..» – 191
 Очисти, снег – 192
 Летальный лейтенант – 193
 Милосердия! – 195
 «Мы сбрендили?!..» – 196
 Пловец – 197

- «На спине плыву устало...» — 198
- Пушторг — 199
- Провинциальный романс — 200
- Эпистола с эпитафией — 201
- Мизанка — 203
- Дача — 204
- Диспут — 205
- Лечебный чат — 206
- Пара-шут — 207
- Экспромт — 209
- Белый клоун — 211
- «Птичий цирк» — 212
- Террорист доброты — 214
- Открытие в Новгороде
- памятника «Тысячелетие Руси» — 215
- Быть женщиной — 216
- Парашют — 217
- Осенний para-sailing — 218
- Прощай, Аллен... — 219
- «Иду по небу на парашюте...» — 220
- Домой! — 222
- Аренда — 223
- «Не бросайте мусор у моей
калитки!..» — 224
- «Как мы счастливы с тобой,
мы счастливы!..» — 225
- Детский сад — 226
- «Мотыльковый твой возраст...» — 227
- «Едва просыпаюсь во мраке...» — 228
- Школьница — 229
- Гибель наркокурьера — 230
- Пирсинг — 232
- Переход на «Пушкинской» — 233
- Нирвана — 234
- Ave gave (Поэма) — 236
- Возвращение к морю — 249
- Переулок — 250
- Старый город — 251
- Обучение винопитию — 252
- Жемчужинка — 254
- Бездна — 255
- «Плачет младенец голенький...» — 256
- Темная фигура — 257
- Классика — 262
- Весенние велогонки — 263
- Поуеуоу — 266
- Чат (Поэма) — 267
- Чат молчания (Поэма) — 300
- Уедем в Нижний**
- «Октябрьский» — 311
- «Смысл России в час распитий...» — 312
- Уедем в НН — 313
- Памяти Рихтера — 314
- «Никто меня не провожал...» — 316
- Болезнь — 317

Дурман — 318
«Плачь по Булату,
приблудная девочка...» — 320
Женоров — 321
Мефистофель — 323
«Кречет не крохочет...» — 324
«Донеслось по связи сотовой...» — 325
Девочка с пирсингом (Поэма) — 326

Лунная рэпсодия

Царевны — 343
Церковь в Переделкине — 344
«И ни злата, ни серебра...» — 345
«Фиалки — твой филиалы...» — 346
«Негу законную на себя
наденьте...» — 347
В храме — 348
Монады — 349
СИМФ-9 — 350
Поминки по студенному — 351
14 апреля — 352
Каллы — 353
«Ежедневно...» — 354
Е-мое — 355
Операция «Кус-кус» — 356
Ода ко второму изданию
«Casino «Россия» — 357

Чат исторический — 359
Чат лунной рэпсодии — 361
«Все товарищи сегодня —
господины...» — 366
Чуловече — 367
Се чат — 369
Сад — 370
Демоны — 371
Лена — 372
«Цейлонская черная чайка...» — 374
Аськи — 375
Смерть Клавдия — 376
Кара Карфагена (Поэма) — 378

Шалочка бадминтона

Белые фигуры — 391
Месяц — 393
«У Медведицы течка...» — 394
Чумная чайная — 395
«Где заснеженная Россия?...» — 396
Вечный русский — 397
Другу — 404
«Сладким ротиком от халвы...» — 405
«Старуха запирала туалеты...» — 406
«Всплеснув руками, силует
Христа...» — 407
Наемные неумные — 408

Пображение шотландцам — 409
Шулер-квинтер (Поэма) — 410
Компра (Поэма) — 417

Белый голос

Русская playmate — 427
«Клавшами Берлиоза...» — 428
«Все звучнее и ночнее...» — 429

«Что судьба нам
накукарекала?...» — 430
Независимость — 431

«Делиб — дебилам...» — 432
Процессор пошел — 433
Экран — 434

«Ко мне юнец в мой метели...» — 435
Памятник императору — 437
Испания — 438

Кабаллистическая экспертиза — 439
Фигуры на берегу — 440
«В Тебе просвечивает гибель...» — 441
Сон — 442

«Ревет судилища орда...» — 443
«Не пытайте лампой
паяльную...» — 444

Парламентер — 445
Вижу — 446
«Мы тайну не утробили...» — 447

«Берестяная пенка дров...» — 448

Русские сямочки — 449

По-сырому — 450

«Выдалось лето жаркое...» — 451

Чат страха — 452

Утро — 454

Азбука — 455

Актриса — 456

«Их предадут земле скорей...» — 457

Памятник — 458

П. С. — 461

Ода к столетию Музея — 462

Книжная ярмарка — 464

Палиндром — 465

Прятекло — 466

Тельма — 467

Магазин «Москва» — 468

«Люблю до одурения тебя,

Москва...» — 469

«Американские полицейские...» — 470

Я — ворон — 471

Транс — 472

Время пошло

- Киллерка, или Дымок над пл.
Маяковского — 475
Зал Чайковского — 478
Фрезии — 479
«Из нас лобой — полубезумен...» — 480
«Корректива готовален...» — 481
Чар Вифлеема — 482
«Люблю Ад...» — 486
«На закате плещет мою нишу...» — 487
«Чувственный, словно Фауст...» — 488
«Был он гений и гуляка...» — 489
Увы — 490
Не сорите! — 491
У озера — 492
Утро в горах — 493
Лыжник — 494
Западник — 495
Скрипка — 496
Сонет-экспромт — 497
Тетя Даша — 498
Курсор — 499
Тишина — 500
Хакер — 501
«Татьяна Александровна,
уроденная Пушкина...» — 504
Москва. Кремль — 505
Фотомастер — 506
- «Когда же я очнулся, я увидел...» — 507
Нищие — 508
«Был человеком-эксcrementом...» — 509
Год зайца — 510
«За что нам на сердце такие
рубцы?...» — 512
«В слезах, когда просыпаюсь...» — 513
Памятник-2001 — 514
«Остаюсь у разбитого очага...» — 515
Беременный бас (Поэма) — 516

Андрей Андреевич Вознесенский

ЧЕРТОПОЛОХ ЧЕТВЕРОНОГИЙ

Собрание сочинений в пяти томах. Том четвертый

Редактор Е.В. Толкачева

Художественный редактор Т.Н. Костерина

Технолог С.С. Басипова

Оператор компьютерной верстки И.В. Соколова

Компьютерная верстка обложки

и блока иллюстраций В.М. Драновский

Компьютерное исполнение шрифтовых видеом

по эскизам автора А.В. Коротаев

П. корректоры В.А. Жечков, С.Ф. Лисовский

Издательская лицензия № 065676 от 13 февраля 1998 года.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции

ОК-005-93, том 2:953000 — книги, брошюры

Подписано в печать 14.11.2001. Формат 60 × 84/16.

Гарнитура New StandardС. Печать офсетная. Объем 34 печ. л.

Тираж 5000 экз. Изд. № 1572. Заказ № 1799.

Издательство «ВАГРИУС»

129090, Москва, ул. Троицкая, 7/1

E-mail — vagrius@vagrius.com

Информация об издательстве в сети Интернет:

<http://www.vagrius.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов в Государственном ордена Октябрьской

Революции, ордена Трудового Красного Знамени Московском

предприятии «Первая Образцовая типография» Министерства

Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и

средств массовых коммуникаций.

113054, Москва, Валовая, 28.

Оптовая торговля:

Эксклюзивный дистрибьютор издательства «Клуб 36,6»

Тел./факс: (095) 265-13-05, 267-29-69, 267-28-33, 261-24-90

E-mail: club366@aha.ru, 107078, г.Москва, а/я 245 «Клуб 36'6»

КОРФ «У Сытина»:

Тел.: (095) 156-86-70. Факс: (095) 154-30-40

Интернет: <http://www.kvest.com>. E-mail: shop@kvest.com

Интернет-магазин: <http://www.24x7.ru>

По вопросам оптовой покупки книг издательства АСТ обращаться по тел.:

215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

ISBN 5-264-00551-6

9 785264 005510 >

БАТРИНО

А.МЕИ

